

ФЕДОНЪ

РАЗГОВОРЪ

ПЛАТОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ

Амврія Небедева.

Изданіе второе, значительно исправленное.

МОСКВА.

Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ.
1896.

ФЕДОНЪ,

РАЗГОВОРЪ ПЛАТОНА.

Переводъ съ объяснительными примѣчаніями

Дмитрія Лебедева.

Изданіе второе, значительно исправленное.

МОСКВА.

Типогр. Выс. утв. Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., свой д.
1896.

Представляемый вниманію читателей переводъ Федона Платона былъ напечатанъ въ первый разъ въ Запискахъ новороссійскаго университета (т. XIII, 1874 г.). Въ настоящемъ, второмъ, изданіи его онъ подвергся переработкѣ настолько значительной, что положительно можетъ считаться новымъ. Переводчикъ поставилъ себѣ цѣлью, при исправленіи своего перевода, придать ему возможно большую близость къ подлиннику, между прочимъ и съ внѣшней стороны, — со стороны выраженія, манеры и приемовъ платоновской рѣчи, чего по мѣстамъ недоставало переводу въ первомъ его изданіи. Всѣ наиболѣе трудныя мѣста греческаго текста, составляющія нерѣдко предметъ разнорѣчій и споровъ между комментаторами и издателями Платона, пересмотрѣны вновь — позволю себѣ сказать — весьма внимательно, и нѣкоторыя получили новое объясненіе. Отдѣлъ примѣчаній сокращень болѣе чѣмъ на половину, вслѣдствіе выпуска зна-

чительной части примѣчаній чисто филологическаго характера, какъ мало интересныхъ для большинства публики. Смѣю думать, что въ этомъ новомъ изданіи переводъ одного изъ самыхъ популярныхъ произведеній Платона не будетъ лишень значенія для читателей, сознающихъ необходимость въ ознакомленіи по крайней мѣрѣ съ первостепенными произведеніями древнихъ литературъ.

Петербургъ, 1-го мая
1895 года.

Д. Лебедевъ.

Ф Е Д О Н Ъ.

Разговаривающія лица: Федонъ, Эхекратъ и нѣкоторые другіе жители Фліунта. Въ разсказѣ Федона выступаютъ на сцену въ качествѣ говорящихъ лицъ: Сократъ, Аполлодоръ, Симмій, Кевисъ, Критонъ, прислужникъ одиннадцати.

І. Эхекратъ. Самъ ли ты, любезный Федонъ, былъ при Сократѣ въ тотъ день, когда онъ выпилъ ядъ въ темницѣ, или же ты знаешь объ этомъ по слуху?

Федонъ. Я самъ находился въ то время при немъ, любезный Эхекратъ.

Эхекратъ. Что же онъ говорилъ передъ смертію и какъ умеръ? Я съ удовольствіемъ послушалъ бы объ этомъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время нѣтъ никого изъ фліунтскихъ гражданъ, ¹⁾ кто находился бы въ Аѣинахъ, равно какъ и изъ Аѣинъ давно уже не было у насъ гостя, который могъ бы сообщить намъ что нибудь другое, кромѣ того, что Сократъ умеръ, выпивъ чашу съ ядомъ; больше этого у насъ ничего не говорятъ.

Федонъ. Слѣдовательно, вы не знаете и о томъ, что относится къ суду,—какъ онъ происходилъ?

Эхекратъ. Нѣтъ, объ этомъ намъ сообщалъ кто то, и насъ еще удивило, что приговоръ былъ исполненъ спустя долгое время ²⁾, послѣ того какъ былъ произнесенъ. Что было причиной этому, Федонъ?

Федонъ. Случайное обстоятельство, Эхекратъ. Наканунъ произнесенія приговора увѣнчивали ³⁾ корму корабля, который аѣиняне ежегодно посылаютъ въ Делось ⁴⁾.

Эхекратъ. А что это за корабль?

Федонъ. Это, какъ говорятъ аѣиняне, тотъ самый, на которомъ Фезей привезъ нѣкогда въ Критъ семь юношей и семь дѣвицъ и спасъ ихъ и себя ⁵⁾. Говорятъ, что при отъѣздѣ ихъ аѣиняне дали обѣтъ Аполлону, если Фезей и его спутники будутъ спасены, ежегодно отправлять священное посольство ⁶⁾ въ Делось, которое они дѣйствительно и посылаютъ съ тѣхъ поръ ежегодно въ честь бога доселѣ. А законъ ихъ предписываетъ, какъ скоро начнется приготовленіе священнаго посольства, охранять городъ во все время праздника отъ всего нечистаго и не приводить въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, пока корабль не съѣздитъ въ Делось и не возвратится обратно, что продолжается иногда долгое время, если пловцовъ застигнуть противные вѣтры; праздникъ же начинается тотчасъ послѣ того, какъ жрецъ Аполлона увѣнчиваетъ корму корабля. Это какъ разъ и случилось, какъ я сказалъ, наканунъ произнесенія приговора; поэтому-то Сократу и пришлось пробыть такъ долго въ темницѣ, со дня произнесенія приговора до смерти.

II. *Эхекратъ*. Что же ты расскажешь намъ объ обстоятельствахъ его смерти, Федонъ? Что онъ говорилъ и что дѣлалъ, и кто изъ близкихъ къ нему былъ тогда при немъ? Или начальники ⁷⁾ не позволяли присутствовать тамъ никому, и онъ умеръ, лишенный общества друзей?

Федонъ. О нѣтъ, тамъ были нѣкоторые изъ его друзей, и даже многіе.

Эхекратъ. Прими же на себя трудъ рассказать намъ обо всемъ этомъ какъ можно подробнѣе, если ты не занятъ теперь какимъ нибудь дѣломъ.

Федонъ. Я свободенъ и попытаюсь рассказать вамъ; да мнѣ и самому вспоминать о Сократѣ всегда болѣе всего пріятно, — говорить о немъ самому, такъ же какъ и слушать о немъ.

Эхекратъ. Но любезный Федонъ, тѣ, которые приготовились слушать тебя, не меньше чѣмъ и ты любить Сократа ⁸⁾. Итакъ постарайся передать намъ все, относящееся къ этому предмету, съ тою точностью, какая только для тебя въ данномъ случаѣ возможна.

Федонъ. Я положительно испытывалъ какое то необыкновенное чувство, находившись въ то время у него. Въ душѣ моей не было сожалѣнія, хотя я присутствовалъ при смерти близкаго мнѣ человѣка; онъ, казалось мнѣ, былъ тогда счастливъ, любезный Эхекратъ, какъ это выражалось и въ его наружности и въ его рѣчахъ: такъ безстрашно и съ такимъ достоинствомъ онъ умиралъ! Мнѣ казалось, что онъ переселялся въ аидъ подъ покровительствомъ божества, и что онъ будетъ наслаждаться тамъ блаженствомъ, какимъ едва ли наслаждался кто нибудь когда нибудь.

Поэтому въ душу мою нисколько не проникало чувство жалости, какъ это естественно было бы въ человѣкѣ, присутствующемъ при печальномъ событіи; съ другой стороны, я не чувствовалъ и того удовольствія, какое мы обыкновенно испытывали при нашихъ философскихъ бесѣдахъ. Рѣчи наши касались отчасти и тогда вопросовъ философіи, но я находился въ какомъ то необыкновенномъ состояніи: это было неизвѣданное мною дотолѣ соединеніе радости и печали, раждавшееся во мнѣ при мысли о томъ, что Сократъ долженъ немедленно умереть. Всѣ присутствовавшіе были почти въ такомъ же настроеніи духа, — смѣялись и плакали попеременно; возбужденнѣе другихъ впрочемъ былъ Аполлдоръ, потому что ты знаешь его и его характеръ.

Эхекратъ. Еще бы не знать!

Федонъ. Онъ - то именно отдавался всецѣло этому разнообразію душевныхъ движеній; я самъ былъ сильно взволнованъ, также какъ и другіе.

Эхекратъ. Кто же былъ въ это время у Сократа, любезный Федонъ?

Федонъ. Изъ согражданъ ⁹⁾ его былъ этотъ самый Аполлдоръ, Критовулъ и отецъ его Критонъ, Гермогенъ, Эпигенъ, Эсхинъ и Антисоенъ; кромѣ того, пеаниецъ Ктезиппъ, Менексенъ и нѣкоторые другіе его сограждане; Платонъ же, какъ я думаю, былъ боленъ ¹⁰⁾.

Эхекратъ. А чужестранцы были?

Федонъ. Да, Симмій еивянинъ, Кевисъ и Федондъ; изъ Мегары были — Эвклидъ и Терпсіонъ.

Эхекратъ. Ну, а еще? Аристиппъ и Клеомбротъ были?

Федонъ. Нѣтъ; они, говорятъ, находились въ то время въ Эгинѣ ¹¹⁾.

Эхекратъ. А еще кто нибудь былъ?

Федонъ. Да это кажется почти всѣ, которые тамъ присутствовали.

Эхекратъ. Итакъ о чемъ же шла, ваша бесѣда, о которой ты упоминалъ?

III. *Федонъ.* Постараюсь передать тебѣ все съ самаго начала. Во всѣ предшествовавшіе дни я какъ и прочіе постоянно посѣщали Сократа, собираясь рано поутру въ судилищѣ, въ которомъ былъ произведенъ надъ нимъ судъ и которое находится неподалеку отъ темницы. Здѣсь, на дворѣ судилища, мы ожидали каждый разъ, пока отпирали темницу, проводя время въ бесѣдахъ, потому что она отпиралась нерано; когда же она отпиралась, мы входили къ Сократу и проводили съ нимъ обыкновенно цѣлый день. Въ этотъ же день мы собрались раньше обыкновеннаго, такъ какъ накануне, уходя вечеромъ изъ темницы, узнали, что корабль возвратился уже изъ Делоса. Вслѣдствіе этого мы рѣшили собраться на слѣдующій день въ обычномъ мѣстѣ какъ можно раньше. Мы пришли, а тюремщикъ, который обыкновенно впускалъ насъ, вышедши къ намъ, просилъ подождать и не входить въ темницу, прежде чѣмъ онъ самъ насъ позоветъ. „Одиннадцать судей,—сказалъ онъ,—освобождаютъ теперь Сократа отъ оковъ и объявляютъ ему, что онъ долженъ сегодня умереть“. Спустя немного времени, онъ возвратился и пригласилъ насъ войти. Мы вошли и увидѣли Сократа, съ котораго только что сняли цѣпи, и извѣстную тебѣ Ксантиппу ¹²⁾, которая сидѣла подлѣ него съ ребенкомъ на рукахъ. Едва она увидѣла насъ, какъ подняла вопль и начала причитывать, что обыкновенно

причитываютъ въ подобныхъ случаяхъ женщины. „О Сократъ“, повторяла она рыдая, „сегодня въ послѣдній разъ бесѣдуютъ съ тобою твои друзья и ты съ ними“. Сократъ, взглянувъ на Критона, сказалъ: „Критонъ, пусть ее отведетъ ктонибудь домой“. Слуги Критона ¹³⁾ увели ее, а она продолжала рыдать и ударила себя въ грудь. Сократъ, приподнявшись на постели, согнулъ колѣно, началъ тереть его рукой, и повода по немъ сказалъ:

— Что за странную вещь, друзья мои, составляетъ то, что люди называютъ пріятнымъ; какъ чудно соединяется оно съ тѣмъ, что кажется ему противоположнымъ,—съ печальнымъ. Оба эти чувства не могутъ быть въ человѣкѣ въ одно и то же время, а между тѣмъ, какъ скоро человѣкъ стремится достигъ одного и получить его,—онъ почти всегда бываетъ вынужденъ принять и другое, какъ будто бы оба они были связаны однимъ концомъ. Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, что если бы на это обратилъ вниманіе Эзопъ ¹⁴⁾, онъ сложилъ бы басню, какъ богъ, желая примирить эти враждебныя другъ другу противоположности и не успѣвъ этого достигъ, соединилъ ихъ концы, отчего и происходитъ, что какъ скоро человѣкъ посѣтитъ одно чувство, вслѣдъ за нимъ является и другое. Это очевидно происходитъ въ настоящее время, прибавилъ онъ, и со мною самимъ, потому что я прежде чувствовалъ боль въ колѣнѣхъ отъ оковъ, а теперь это ощущение смѣнилось для меня пріятнымъ.

IV. Кевисъ, прервавъ его рѣчь, сказалъ:

— Клянусь Зевсомъ, любезный Сократъ, ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ объ этомъ. Нѣкоторые, и

между прочимъ въ недавнее время Эвень ¹⁵⁾, спрашивали меня о стихотвореніяхъ, которыя ты сочинилъ, переложивъ въ стихи басни Эзопа и написавъ гимнь Аполлону ¹⁶⁾,—какія побужденія руководили тобою, что ты, перешедши въ темницу, началъ писать стихи, никогда не писавши ихъ прежде? Итакъ, если ты желаешь, чтобы я былъ въ состояніи отвѣчать Эвену, когда онъ снова спроситъ меня объ этомъ, — а я знаю, что онъ спроситъ,—то скажи, что я долженъ отвѣчать?

— Отвѣчай ему, любезный Кевисъ, сказалъ Сократъ, согласно съ истиной,—что я написалъ эти стихотворенія не изъ желанія входить въ соперничество съ нимъ и его произведеніями,—я знаю, что это было бы не легко, — но я хотѣлъ опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ посѣщавшихъ меня видѣній, чего они отъ меня требовали, и исполнить свой долгъ, если они призывали меня къ занятіямъ поэзіей. Въ протекшей моей жизни меня часто посѣщало одно и то же видѣніе, въ разныя времена въ разныхъ видахъ, но съ одной и той же рѣчью. „Сократъ, говорило оно мнѣ, посвяти себя искусству музъ и упражняйся въ немъ“ ¹⁷⁾. Я думалъ тогда, что оно совѣтуетъ мнѣ и побуждаетъ меня продолжать заниматься тѣмъ, чѣмъ я занимался въ прошлое время. Подобно тому какъ воодушевляють бѣгущихъ на ристалищѣ, такъ, думалъ я, и меня мое видѣніе поощряетъ къ продолженію занятій тѣмъ, чѣмъ я уже занимался, — служить искусству музъ, то есть величайшей изъ наукъ — философіи, которой я посвящалъ себя. Но теперь, послѣ того какъ надо мною произнесенъ былъ приговоръ, а празднество въ честь бога замедлило мою

смерть, я счелъ долгомъ — если мое, часто повторявшееся, видѣніе призывало меня къ занятіямъ искусствомъ болѣе обыкновеннымъ — не противиться его голосу, а послѣдовать ему. Для меня очевидно безопаснѣе — не покидать этого міра, прежде чѣмъ я исполню свой долгъ передъ божествомъ и, послушный призыву видѣнія, напишу нѣсколько стихотвореній. Итакъ я прежде всего сочинилъ гимнъ божеству, въ честь котораго совершалось празднество, а послѣ гимна, разсудивши, что поэтъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ быть поэтомъ, долженъ умѣть создавать вымыселъ, а не передавать однѣ только мысли, а самъ я неизобрѣтателенъ въ вымыслѣ, я переложилъ въ стихи басни Эзопа, которыя имѣлъ подъ рукою и зналъ, — первыя, которыя пришли мнѣ на память.

V.—Итакъ, вотъ что, любезный Кевисъ, передай Эвену; передай ему также прощальный отъ меня привѣтъ, и если онъ мудръ, пусть онъ слѣдуетъ за мною. Я же, какъ кажется, уйду отъ васъ сегодня, потому что такъ хотятъ Аѳиняне.

Симмій на это возразилъ:

— Чего ты этимъ требуешь отъ Эвена, любезный Сократъ? Я часто встрѣчался съ нимъ и, судя по тому, что знаю о немъ, — онъ ни подъ какимъ видомъ не послѣдуетъ добровольно твоему совѣту.

— Какъ, возразилъ Сократъ, развѣ Эвенъ не философъ?

— Мнѣ онъ представляется философомъ, отвѣчалъ Симмій.

— Въ такомъ случаѣ онъ захочетъ послѣдовать совѣту: Эвенъ и всякій другой, кто занимается фи-

лософіей достойнымъ образомъ, и однако философъ не причинить себѣ насильственной смерти, потому что по мнѣнію философъ это непозволительно.

Говоря это, Сократъ спустилъ ноги съ постели на-земь и сѣвши велъ въ такомъ положеніи всю дальнѣйшую бесѣду.

Кевись спросилъ его:

— Какъ это понимать, любезный Сократъ? Причинять себѣ насильственную смерть непозволительно, а между тѣмъ философъ желаетъ слѣдовать за умирающимъ?

— Э, любезный Кевись, развѣ вы—ты и Симмій—не слышали объ этомъ отъ Филолая, когда были его учениками? ¹⁸⁾.

— По крайней мѣрѣ ничего опредѣленнаго, любезный Сократъ.

— Да я и самъ говорю объ этомъ только по слуху, а слышаннаго не имѣю причины скрывать отъ васъ. Да кромѣ того для человѣка, переселяющагося въ другой міръ, быть можетъ приличнѣе всего разсуждать и вспоминать существующіе разсказы о жизни въ новомъ мірѣ ¹⁹⁾,—какова она по нашему мнѣнію должна быть. И чѣмъ же другимъ могъ бы кто нибудь заниматься въ промежутокъ времени до заката солнца?

VI.—На какомъ же основаніи говорятъ, что лишать себя жизни непозволительно, любезный Сократъ? Я слышалъ объ этомъ и отъ Филолая, въ то время когда онъ съ нами жилъ, — обстоятельство, о которомъ ты сейчасъ спрашивалъ—и отъ нѣкоторыхъ другихъ, что этого не должно дѣлать. Но яснаго объ этомъ не слышалъ никогда ничего и ни отъ кого ²⁰⁾.

— Не надобно терять надежды, возразилъ Сократъ, можетъ быть сейчасъ услышишь. И можетъ быть тебѣ покажется удивительно, что изъ всѣхъ подобнаго рода ученій это одно представляется безусловно истиннымъ, и что въ данномъ случаѣ никогда не бываетъ такъ, какъ во многихъ другихъ, то есть чтобы только при нѣкоторыхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ и только нѣкоторымъ людямъ лучше было бы умереть, нежели жить. Можетъ быть тебѣ покажется удивительнымъ, если я скажу, что для людей, для которыхъ лучше умереть, не было бы дѣломъ невиннымъ — благодѣтельствовать подобнымъ образомъ себѣ самимъ, но нужно ожидать посторонняго благодѣтеля.

— Это вѣдаетъ Зевсъ, сказалъ Кевись, слегка улыбнувшись и выражаясь на своемъ родномъ нарѣчїи.

— Мысль эта съ перваго раза покажется странною, сказалъ Сократъ, но она быть можетъ имѣетъ свое основаніе. То, что содержится объ этомъ предметѣ въ таинствахъ и въ ученїи, сообщаемомъ только посвященнымъ, именно ²¹⁾ что мы, люди, находимся здѣсь какъ будто бы на нѣкоторомъ посту и что освободить себя отъ него или тайно оставлять его мы сами собою не должны, — представляется мнѣ многознаменательнымъ и нелегко объемлемымъ разумомъ. Но во всякомъ случаѣ, любезный Кевись, справедливо признаютъ за истину то, что боги заботятся о насъ и что мы, люди, составляемъ собственность боговъ. Не представляется ли тебѣ, что это такъ?

— Совершенно такъ, сказалъ Кевись.

— Теперь, продолжалъ Сократъ, если бы кто изъ

твоихъ рабовъ причинилъ себѣ смерть въ то время, какъ ты не опредѣлялъ ему смерти,—не пришелъ ли бы ты въ негодованіе, и если бы имѣлъ возможность наказать виновнаго, то не наказалъ ли бы его строго?

— Конечно, отвѣтилъ тотъ.

— Итакъ въ силу сказаннаго, мнѣ представляется не безосновательнымъ взглядъ, что человѣкъ не долженъ лишать себя жизни, прежде чѣмъ Богъ укажетъ ему необходимость этого, какъ въ настоящее время мнѣ.

VII. — Это, сказалъ Кевисъ, мнѣ кажется естественнымъ; но то, что ты сейчасъ говорилъ, именно что философы должны желать смерти, представляется чѣмъ то страннымъ, если, какъ мы сейчасъ признали, справедливо, что божество о насъ заботится и что мы составляемъ его собственность. Съ разумомъ рѣшительно несогласно, что самые мудрые изъ людей не испытывали тяжелаго чувства, оставляя то служеніе, въ которомъ ихъ руководятъ лучшіе изъ всѣхъ руководителей — боги; потому что человѣкъ мудрый не станетъ думать, что онъ будетъ лучше заботиться о себѣ самомъ, сдѣлавшись свободнымъ. Только безумецъ могъ бы воображать, что отъ господина нужно бѣжать, и не разсудилъ бы, что отъ добраго нужно не бѣжать, а всѣми силами его держаться; поэтому бѣгство его было бы противно разсудку; но кто обладаетъ умомъ, тотъ пожелалъ бы всегда оставаться съ тѣмъ, который лучше его. Такимъ образомъ, любезный Сократъ, мнѣ представляется истиной нѣчто противное тому, что было сейчасъ говорено: мудрымъ естественно умирая скорбѣть, а безумцамъ—радоваться.

Сократъ, выслушавъ это, остался, какъ мнѣ пока-

залось, доволенъ настойчивостью Кевиса и, взглянувъ на насъ, сказалъ:

— Кевисъ на все ищетъ основаній и не вдругъ соглашается съ тѣмъ, что ктонибудь скажетъ.

— Однако же, Сократъ, замѣтилъ Симмій, мнѣ и самому представляется, что Кевисъ говоритъ въ данномъ случаѣ справедливо. На какомъ въ самомъ дѣлѣ основаніи истинно мудрые люди должны бѣгать отъ владыкъ, лучшихъ чѣмъ они сами и безъ сожалѣнія разставаться съ ними? Мнѣ кажется, рѣчь Кевиса направлена противъ тебя, такъ какъ ты такъ легко покидаешь и насъ и благихъ владыкъ, благодетелей которыхъ ты и самъ признаешь,—боговъ?

— Вы говорите справедливо, сказалъ Сократъ, и мнѣ кажется говорите это съ тою цѣлью, чтобы заставить меня защищаться противъ этого, какъ будто бы въ судилищѣ.

— Совершенно такъ, отвѣчалъ Симмій.

VIII. — Я постараюсь, началъ Сократъ, чтобы моя защита передъ вами имѣла большій успѣхъ, нежели какой она имѣла передъ судьями. Если бы я не думалъ, друзья мои Симмій и Кевисъ, что я отхожу къ другимъ богамъ ²²⁾ мудрымъ и благимъ, а потомъ къ умершимъ людямъ, лучшимъ чѣмъ живущіе на землѣ, то я былъ бы неправъ, не скорбя при наступленіи смерти. Но знайте, что я надѣюсь перейти къ людямъ добрымъ, хотя я впрочемъ не буду утверждать этого рѣшительно, но что я отхожу къ богамъ, всецѣло благимъ владыкамъ, то относительно этого да будетъ вамъ извѣстно, что если можно утверждать съ достовѣрностью чтонибудь относительно подобнаго рода

предметовъ, то я буду это утверждать. Вотъ почему я не испытываю обычной въ такихъ случаяхъ скорби, но имѣю добрую надежду, что извѣстная участь существуетъ и для умершихъ и, согласно древнему вѣрованію, гораздо лучшая для добрыхъ нежели для злыхъ.

— Но какъ же однако, любезный Сократъ, сказалъ Симмій, неужели ты думаешь покинуть насъ, унеси съ собою твой взглядъ на этотъ предметъ, или ты сообщишь его и намъ? Мнѣ кажется, что это благо общее, благо и для насъ. Да кромѣ того, если ты насъ убѣдишь въ томъ, что высказываешь теперь,—это будетъ вмѣстѣ и твоею апологіей.

— Постараюсь, сказалъ Сократъ. Но послушаемъ прежде, что скажетъ Критонъ: онъ, какъ я замѣчаю, давно собирается что то сказать.

— Что же я скажу, любезный Сократъ, отвѣтилъ Критонъ, другое кромѣ того, что давно повторяетъ мнѣ человѣкъ, который долженъ дать тебѣ ядъ, именно, что тебѣ нужно какъ можно меньше разговаривать; онъ говоритъ, что тѣ, которые слишкомъ много разговариваютъ, разгорячаются, а этого не должно быть при употребленіи яду; въ противномъ случаѣ люди, такъ поступающіе, принуждены бываютъ иногда пить по два и даже по три раза.

— Не обращай на него вниманія, сказалъ Сократъ: пусть только онъ приготовитъ свое питье, какъ будто долженъ дать мнѣ два и, если нужно будетъ, три раза.

— Я почти предвидѣлъ твой отвѣтъ, возразилъ Критонъ, но право этотъ человѣкъ давно не даетъ мнѣ покою.

— Оставь его, сказалъ Сократъ. И такъ, я намѣренъ теперь представить отчетъ вамъ, моимъ судьямъ, почему мнѣ кажется естественнымъ, чтобы человѣкъ, проведшій жизнь въ серьезныхъ занятіяхъ философіей, сохранялъ мужество при наступленіи смерти и имѣлъ твердую надежду наслѣдовать по смерти величайшія блага. Я постараюсь, друзья мои Симмій и Кевись, показать, почему это такъ.

IX.—Люди, занимающіеся надлежащимъ образомъ философіей, остаются неизвѣстны другимъ въ томъ отношеніи, что они желаютъ не иного чего, какъ только умереть и быть для всего мертвыми ²³). А если такъ, то конечно было бы ни съ чѣмъ несообразно, если бы философы, желавши всю жизнь только одного этого, стали бы негодовать при наступленіи смерти, при наступленіи того самаго, чего они давно желали и въ чемъ съ давнихъ поръ упражнялись.

Симмій, засмѣявшись при этомъ, сказалъ:

— Клянусь Зевсомъ, любезный Сократъ, я вовсе не расположенъ былъ смѣяться, но ты меня заставилъ. Я думаю, что большинство людей, услышавъ это, нашли бы, что это сказано о философахъ очень хорошо, а наши сограждане вполне согласились бы съ тѣмъ, что истинные философы дѣйствительно желаютъ смерти ²⁴), и что они съ своей стороны понимаютъ, что философы ея достойны.

— И справедливо сказали бы, любезный Симмій, кромѣ того, что они это понимаютъ; нѣтъ, они не понимаютъ ни того, почему истинные философы желаютъ смерти, ни того, почему они ея достойны, и какой именно. Но будемъ продолжать нашу бесѣду, сказалъ

Сократъ, оставивъ въ покоѣ этихъ людей. Обозначаемъ ли мы нѣчто, когда произносимъ слово: смерть?

— Конечно, отвѣчалъ Симмій.

— Называемъ ли мы этимъ именемъ чтонибудь другое чѣмъ отдѣленіе души отъ тѣла, и сущность смерти не въ томъ ли состоитъ, что тѣло, разлучившись съ душою, существуетъ само по себѣ, а душа, освобожденная отъ тѣла, сама по себѣ? Составляетъ ли смерть чтонибудь другое, а не это?

— Не другое, а именно это, сказала Симмій.

— Разсмотри внимательно, мой добрый другъ, не представляется ли и тебѣ относительно этого то самое, что представляется мнѣ, потому что такимъ образомъ мы, я думаю, лучше поймемъ то, о чемъ разсуждаемъ. Какъ ты думаешь, прилично ли философу гоняться за такъ называемыми удовольствіями, напр. за удовольствіями пировъ и попоекъ?

— Менѣ всего, любезный Сократъ, отвѣчалъ Симмій.

— А за удовольствіями любви?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— Ну, а другія заботы, относящіяся къ тѣлу, считаетъ ли важными философъ? Такъ, напримѣръ, обладаніе красивымъ платьемъ, обувью и другими украшеніями тѣла ²⁵⁾ — цѣнить ли онъ высоко или же ставить ни во что, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда крайняя необходимость заставитъ его чтонибудь подобное употреблять?

— Я думаю, отвѣтилъ Симмій, что истинный философъ всѣмъ этимъ пренебрегаетъ.

— Слѣдовательно, ты того мнѣнія, что попеченія фи-

лософа вообще не имѣютъ предметомъ тѣла, что онъ уклоняется отъ этого рода заботъ, сколько только возможно, и обращаетъ ихъ къ душѣ?

— Я такъ думаю.

— Итакъ, не ясно ли отсюда, что философъ во всѣхъ подобныхъ предметахъ, преимущественно передъ другими людьми, освобождаетъ душу, насколько это возможно, отъ общенія съ тѣломъ?

— Очевидно.

— Между тѣмъ, любезный Симмій, большая часть людей смотритъ на дѣло такъ, что тѣмъ, которые не видятъ ничего пріятнаго въ подобнаго рода предметахъ или лишены обладанія ими, не стоитъ и жить, а человѣкъ, не дорожащій чувственными удовольствіями источникомъ которыхъ служитъ тѣло, представляется имъ какъ будто уже умершимъ.

— Ты говоришь какъ нельзя болѣе справедливо.

Х. — Ну, а въ приобрѣтеніи знанія ²⁶⁾ служитъ ли тѣло препятствіемъ или нѣтъ, если его принимаютъ соучастникомъ при изслѣдованіи? Я разумѣю вотъ что: передаютъ ли зрѣніе и слухъ что нибудь людямъ безобманчиво, или же поэты правы, постоянно твердя ²⁷⁾, что мы ничего не слышимъ и не видимъ съ достовѣрностью? А если эти тѣлесныя чувства не вполнѣ безошибочны, тѣмъ менѣе безошибочны остальные, потому что всѣ они сравнительно низшаго достоинства. Не такъ ли?

— Совершенно такъ, сказалъ Симмій.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, когда же душа доходитъ до познанія истины? Потому что въ то время когда она изслѣдуетъ что нибудь съ помощію тѣ-

ла, тѣло очевидно обманываетъ ее и вводитъ въ заблужденіе.

— Правда.

— Итакъ, если какимъ нибудь способомъ, не путемъ ли размышленія, становится для нея яснымъ что нибудь въ бытіи? ²⁸).

— Да.

— А размышляетъ душа лучше всего тогда, когда ничто не развлекаетъ ее, — ни зрѣніе, ни слухъ, ни печаль, ни удовольствіе, когда она всецѣло сосредоточивается въ самой себѣ, отказываясь такъ сказать отъ тѣла и, насколько только это для нея возможно, не соприкасаясь съ нимъ, устремляется въ область бытія?

— Это такъ.

— Не обнаруживается ли такимъ образомъ и здѣсь, что душа философа въ высшей степени презираетъ тѣло, бѣжитъ отъ него и стремится сдѣлаться чѣмъ то отдѣльнымъ?

— Очевидно.

— Ну, а какъ, любезный Симмій, мы будемъ понимать слѣдующія вещи: называемъ ли мы что нибудь само въ себѣ справедливымъ или нѣтъ?

— О, конечно называемъ, клянусь Зевесомъ.

— А что нибудь другое прекраснымъ или добрымъ?

— Да какже нѣтъ?

— А видѣлъ ты когда нибудь что нибудь такое глазами?

— Никогда, отвѣтилъ Симмій.

— Соприкасался ли съ чѣмъ нибудь подобнымъ какимъ нибудь другимъ изъ тѣлесныхъ чувствъ? Я го-

ворю обо всѣхъ понятіяхъ этого рода, какъ напр. о величинѣ, здоровьѣ, силѣ и другихъ въ этомъ родѣ, словомъ сказать, о сущности всѣхъ вообще предметовъ, — что такое каждая такая сущность сама въ себѣ? Постигаемъ ли мы основы и глубину ихъ съ помощію тѣла, или же это бываетъ такимъ образомъ, что тотъ, кто больше и внимательнѣе другихъ размышляетъ о сущности, которую хочетъ изслѣдовать, больше приближается къ пониманію каждой? ²⁹⁾).

— Какъ нельзя болѣе справедливо.

— Итакъ, не тотъ ли будетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ наиболѣе совершеннымъ образомъ, кто устремляется къ каждой такой сущности, насколько возможно болѣе, одною только мыслью, не пользуясь при размышленіи чувствомъ зрѣнія и не соединяя съ мысленнымъ созерцаніемъ дѣйствія какого нибудь другого тѣлеснаго чувства, но отдаваясь чистой мысли, мысли въ самой себѣ, стремится постичь каждую отдѣльную чистую сущность ³⁰⁾ въ ней самой, отрѣшаясь при этомъ возможно болѣе отъ зрѣнія, слуха, словомъ сказать, отъ посредства тѣла вообще, какъ возмущающаго душу и не позволяющаго ей достигать истины и мудрости во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. И если кто нибудь, любезный Симмій, то не такой ли именно человѣкъ придетъ къ познанію бытія?

— Ты говоришь, Сократъ, отвѣчалъ Симмій, какъ вельзя болѣе вѣрно.

ХІ. — Итакъ, въ силу этого, сказалъ Сократъ, не должна ли въ умахъ истинныхъ философовъ явиться мысль, которую они будутъ и высказывать другъ

другу, — именно, что при мысленномъ изслѣдованіи насъ ведетъ какъ будто какая то тропинка ⁸¹⁾, потому что, пока мы облечены тѣломъ, пока наша душа соединена съ этимъ зломъ, мы никогда не будемъ обладать въ надлежащей полнотѣ тѣмъ, къ чему стремимся: я разумѣю истину. Тѣло представляетъ намъ въ этомъ случаѣ безчисленные препятствія по причинѣ необходимости заботиться о немъ; случающіяся иногда болѣзни служатъ также помѣхой въ изслѣдованіи истины; наконецъ, оно наполняетъ насъ любовными стремленіями, страстями, опасеніями, всякаго рода пустыми мечтами и безразсудными прихотями, такъ что справедливо говорятъ, что мы, благодаря тѣлу, никогда и ни о чемъ не можемъ правильно судить. Не что иное какъ тѣло и его пожеланія производятъ войны, бунты и битвы, потому что всѣ войны возникаютъ изъ-за стремленія къ приобрѣтенію, а стремиться къ приобрѣтенію насъ побуждаетъ тѣло, такъ какъ мы раболѣпно отдаемъ себя на служеніе ему. Такимъ образомъ, вслѣдствіе всего этого, у насъ не остается времени для занятія философіей. Но самое худшее изъ всего, что если тѣло и оставляетъ намъ иногда нѣкоторый досугъ, и мы обращаемся къ изслѣдованію чего нибудь, — оно снова, замѣшиваясь всюду въ наши изысканія, производитъ въ насъ волненіе и безпокойство, возмущая нашу внутреннюю тишину до того, что мы, благодаря ему, дѣлаемся неспособны созерцать истину. Итакъ отсюда для насъ очевидно, что если мы желаемъ что нибудь настоящимъ образомъ знать, то намъ необходимо отрѣшиться отъ тѣла и одною только душою созерцать сущность вещей. Такимъ образомъ,

только тогда, какъ кажется и какъ показываетъ наше изслѣдованіе, мы достигнемъ того, къ чему стремимся и чего называемъ себя любителями, то есть знанія, когда окончимъ жизнь, а не теперь, пока мы живемъ. Если же познавать что нибудь совершеннымъ образомъ при участіи тѣла невозможно, то одно изъ двухъ: или для насъ вообще не существуетъ возможности достигать знанія, или мы будемъ обладать имъ по смерти, потому что только тогда душа будетъ существовать въ самой себѣ, разъединенною съ тѣломъ, а не прежде. Но пока мы живемъ, мы можемъ, какъ видно изъ всего этого, только такимъ образомъ приближаться къ истинѣ, если будемъ какъ можно менѣе дружитья и сообщаться съ тѣломъ, кромѣ случаевъ самой крайней необходимости, если не будемъ исполняться его свойствами, но блюсти себя чистыми отъ него, пока самъ Богъ не разрѣшитъ насъ. Тогда, освободившись чистыми отъ всего, что представляетъ неразумнаго наше тѣло, мы будемъ вѣроятно находиться въ общеніи съ такими же сущностями ³²⁾ и познавать сами черезъ себя все чистое, а это быть можетъ и есть истина: нечистому же божественный законъ не дозволяетъ соприкасаться съ чистымъ. Вотъ что, Симмій, какъ мнѣ кажется, должны говорить между собою и предполагать всѣ истинные любители мудрости. Не представляется ли тебѣ такъ?

— Это всего болѣе вѣроятно, любезный Сократъ.

ХІІ. — Итакъ, продолжалъ Сократъ, если это справедливо, дорогой мой другъ, то для человѣка, когда онъ придетъ туда, куда иду я, есть большая надежда достигнуть тамъ, скорѣе нежели гдѣ бы то ни

было, обладанія тѣмъ, что стоило намъ въ протекшей жизни столькожъ трудовъ, такъ что предназначенное миѣ въ настоящее время переселеніе туда будетъ совершенно мною съ доброй надеждой, какъ и каждымъ другимъ, кто можетъ думать, что онъ приготовилъ уже къ этому очищеніемъ свою мысль.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ Симмій.

— А очищеніе, какъ мы говорили еще прежде въ нашихъ бесѣдахъ, не состоитъ ли именно въ томъ, чтобы уединять душу какъ можно болѣе отъ тѣла и приучать ее, отражаясь отъ тѣла со всѣхъ сторонъ, собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ и жить, насколько это для нея возможно въ жизни настоящей какъ и потомъ, только въ себѣ одной, отрѣшившись отъ тѣла, какъ будто отъ оковъ?

— Совершенно такъ.

— А не это ли называютъ смертью — отрѣшеніе и освобожденіе души отъ тѣла?

— Совершенно такъ, отвѣтилъ тотъ.

— Но отрѣшать душу отъ тѣла, какъ мы говоримъ, желаютъ постоянно, болѣе всего и одни изъ всѣхъ людей, — истинные философы, и занятіе ихъ состоитъ въ этомъ самомъ, — въ отрѣшеніи и обособленіи души отъ тѣла. Не такъ ли?

— Очевидно.

— И такъ, не было ли бы смѣшно, какъ я сказалъ въ началѣ, если бы человѣкъ, который всю жизнь упражнялся въ томъ, чтобы жить жизнью какъ можно болѣе близкой къ состоянію смерти, сталъ бы негодовать при наступленіи смерти. Не смѣшно ли бы это было?

— Еще бы нѣтъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, любезный Симмій, продолжалъ Сократъ, истинные философы упражняются въ томъ, что умирають, и умереть для нихъ менѣе страшно, чѣмъ кому бы то ни было изъ людей. Разсмотри это изъ соображенія слѣдующаго. Если философы ненавидятъ тѣло во всѣхъ отношеніяхъ и желаютъ имѣть одну только душу,—не было ли бы крайнею несообразностью, если бы они испытывали страхъ или негодовали при наступленіи желаннаго для нихъ состоянія, если бы они не отправлялись съ радостію туда, гдѣ есть надежда получить то, къ чему они стремились въ теченіе жизни, а стремились они къ мудрости и освобожденію отъ союза съ тѣломъ, которое ненавидѣли. Многіе по смерти дорогихъ имъ существъ, по смерти женъ и сыновей, добровольно сходили въ аидъ въ надеждѣ увидѣть тамъ тѣхъ, кого любили и не разлучаться съ ними: а человѣкъ, который истинно любитъ мудрость и твердо надѣется достигъ мудрости, достойной этого имени, не въ иномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а только въ аидѣ, будетъ умирая негодовать, а не пойдетъ туда съ радостію? Надобно думать, что онъ пойдетъ туда съ радостію, любезный другъ, если онъ дѣйствительно философъ, потому что онъ глубоко будетъ убѣжденъ, что онъ можетъ достигъ совершеннаго знанія только тамъ и нигдѣ болѣе. А если это дѣйствительно такъ, какъ я сейчасъ сказалъ, то не было ли бы крайне несообразно, если бы такой человѣкъ сталъ бояться смерти?

ХІІІ. — Клянусь Зевсомъ, это было бы крайне несообразно, отвѣтилъ тотъ.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, если ты увидишь человѣка, который негодуешь, когда для него настаетъ пора умереть, — не будетъ ли это для тебя достаточно сильнымъ доказательствомъ, что человѣкъ этотъ любитъ не мудрость, а тѣло ³³⁾; а такой человѣкъ любитъ и деньги и почести, — иногда одно, иногда другое, а иногда то и другое вмѣстѣ?

— Это дѣйствительно такъ, какъ ты говоришь, сказалъ Симмій.

— Такимъ образомъ, любезный Симмій, продолжалъ Сократъ, то, что называютъ мужествомъ, ³⁴⁾ не есть ли принадлежность людей, по преимуществу настроенныхъ подобнымъ образомъ, — философовъ?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія, сказалъ Симмій.

— Не точно ли такъ же и воздержаніе, именемъ котораго большинство людей обозначаетъ то, чтобы не увлекаться страстями, но презирать ихъ и господствовать надъ ними, — не принадлежитъ ли оно исключительно этимъ людямъ, — презирающимъ тѣло въ высокой степени и проводящимъ жизнь въ стремленіи къ мудрости?

— Непремѣнно такъ, сказалъ Симмій.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ Сократъ, если ты начнешь разсматривать мужество и воздержаніе другихъ людей, то они покажутся тебѣ странными.

— Какъ это, Сократъ?

— Ты знаешь, отвѣчалъ Сократъ, что всѣ другіе считаютъ смерть величайшимъ изъ золъ.

— Совершенно справедливо, отвѣтилъ тотъ.

— Итакъ, мужественные между ними не подвергаются ли смерти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда под-

вергаются, единственно изъ боязни подвергнуться въ противномъ случаѣ бѣльшему злу?

— Правда.

— Итакъ всѣ другіе, кромѣ философовъ, мужественны, потому что боятся,—мужественны по страху. Но это право что то странное — быть мужественнымъ изъ страха и боязни.

— Какъ нельзя болѣе справедливо.

— Ну, а воздержные между ними,—не происходитъ ли и съ этими того же самого? Не бываютъ ли они воздержны по невоздержанію? Мы говоримъ, что это невозможно, но на самомъ дѣлѣ бываетъ именно нѣчто подобное съ ихъ глупымъ воздержаніемъ. Они отказываютъ себѣ въ однихъ удовольствіяхъ, боясь лишиться другихъ, стремленіе къ которымъ всецѣло ими управляетъ. Они называютъ невоздержаніемъ подчиняться страсти къ удовольствіямъ, а между тѣмъ съ ними происходитъ именно это самое, когда они побѣждаютъ въ себѣ влеченіе къ однимъ удовольствіямъ, всецѣло одолѣваемые жаждой другихъ; такимъ образомъ это дѣйствительно похоже на то, что было сейчасъ сказано,—что они воздержны по невоздержанію.

— Да, это такъ.

— О дорогой мой Симмій, неправиленъ такого рода обмѣнъ тамъ, гдѣ дѣло касается добродѣтели, — мѣнять удовольствія на удовольствія и печали на печали, и опасенія на опасенія, и большее на меньшее, какъ будто бы монету. Истинная монета, на которую все это должно обмѣнивать, это — мудрость: за нее и съ помощію ея покупается и обмѣнивается все, такъ что и мужество, и воздержаніе, и справедливость, или — что-

бы все сказать однимъ словомъ—истинная добродѣтель неразлучна съ мудростью, бываютъ или не бываютъ при этомъ удовольствія, опасенія и все другое подобное. Но если добродѣтель не имѣетъ своею основою мудрости и мѣняетъ одно на другое, то не призрачна ли такая добродѣтель, не рабская ли она по существу, и не лишена ли она въ характерѣ своемъ всего здороваго и истиннаго? Истинное же въ этомъ случаѣ состоитъ въ очищеніи себя отъ всего подобнаго: и воздержаніе, и справедливость, и мужество, и самая мудрость суть не что иное, какъ религіозное очищеніе ³⁵). Я думаю, что тѣ, которые установили для насъ это таинственное служеніе, не были люди обыкновенные: уже въ древности они хотѣли показать намъ этими загадочными образами, что тотъ, кто сойдетъ въ адъ, не будучи посвященъ въ таинства и очищенъ, будетъ погруженъ въ тину, а очищенный и посвященный будетъ жить по переселеніи туда вмѣстѣ съ богами. Завѣдывающіе религіозными посвященіями говорятъ: „Много носящихъ оирсъ, но мало истинно вдохновенныхъ“ ³⁶). А эти послѣдніе, по моему мнѣнію, суть именно люди, занимавшіеся надлежащимъ образомъ философіей. Я по возможности ни въ чемъ не отставалъ отъ нихъ въ теченіе жизни, но всѣми силами стремился принадлежать къ числу ихъ. А были ли мои стремленія направлены надлежащимъ образомъ, и успѣлъ ли я въ чемъ нибудь, это мы узнаемъ достоверно, пришедши туда, если угодно будетъ богу, въ непродолжительномъ времени, какъ мнѣ кажется. Все это, любезные друзья мои Симмій и Кевисъ, заключилъ Сократъ, я изложилъ въ оправданіе мое

передъ вами, желая показать, что я справедливо не скорблю и не раздражаюсь, покидая и васъ и владыкъ земнаго міра — боговъ. Я надѣюсь встрѣтить и тамъ не менѣе благихъ повелителей и друзей, хотя многіе и не вѣрятъ этому. Если въ этой защитѣ моей передъ вами я говорилъ убѣдительно, чѣмъ передъ моими аеинскими судьями,—это было бы хорошо.

XIV. Когда Сократъ кончилъ, Кевисъ въ свою очередь обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью.

— Все другое сказанное, любезный Сократъ, мнѣ представляется, сказано хорошо; но мысли, высказанныя тобою о душѣ, встрѣчаютъ у людей большое сомнѣніе: не прекращаетъ ли душа своего существованія вовсе по освобожденіи отъ тѣла, не разрушается ли она и не погибаетъ ли въ тотъ самый день, когда человѣкъ умираетъ? Разлучаясь съ тѣломъ и выходя изъ него какъ будто паръ или дымъ, не разносится ли она въ разныя стороны, исчезая безслѣдно, и не обращается ли такимъ образомъ въ ничто? Если жъ бы она существовала гдѣ нибудь въ самой себѣ и освобожденною отъ золь, которыя ты сейчасъ изображалъ, то мы имѣли бы большую и прекрасную надежду, Сократъ, что все, что ты говорилъ,—истина. Но это именно и нуждается во многихъ соображеніяхъ успокоительнаго свойства и въ доказательствахъ, что душа умершаго человѣка продолжаетъ существовать и сохраняетъ силу и мысль.

— Ты говоришь справедливо, любезный Кевисъ, сказалъ Сократъ. Но что же мы теперь будемъ дѣлать? Не хочешь ли начнемъ взслѣдованіе этого вопроса: вѣроятно ли это или нѣтъ?

— Что касается до меня, то я съ удовольствіемъ выслушалъ бы объ этомъ твое мнѣніе, сказалъ Кевисъ.

— По крайней мѣрѣ, я не думаю, отвѣчалъ Сократъ, чтобы кто нибудь, услышавъ меня теперь—хотя бы это даже былъ писатель комедій—упрекнулъ меня въ болтовнѣ, или сказалъ, что я разсуждаю о вещахъ, меня не касающихся. Итакъ, если вы желаете, приступимъ къ изслѣдованію.

XV. — Разсмотримъ этотъ предметъ съ слѣдующей стороны: дѣйствительно ли души умершихъ людей находятся въ аидѣ или нѣтъ? Дошедшее до насъ объ этомъ сказаніе принадлежитъ древности; оно говоритъ, что души людей, уходящихъ отсюда, продолжаютъ существовать тамъ, и возвращаются снова сюда и рождаются изъ умершихъ. А если такъ, если живущіе рождаются снова изъ умершихъ, то какое другое заключеніе можно вывести изъ этого какъ не то, что души умершихъ находятся въ аидѣ? потому что онѣ не могли бы возвращаться въ міръ, если бы перестали существовать. И это само по себѣ служило бы уже доказательствомъ, что души сохраняютъ свое бытіе, если бы дѣйствительно было очевидно, что живущіе рождаются не инымъ какимъ нибудь образомъ, а только изъ умершихъ. Но если этого нѣтъ, тогда нужно искать другихъ доказательствъ.

— Совершенно вѣрно, сказалъ Кевисъ.

— Для того, чтобы лучше изслѣдовать въ этомъ случаѣ истину, продолжалъ Сократъ, не слѣдуетъ разсматривать этого вопроса только по отношенію къ людямъ, но также по отношенію ко всѣмъ вообще животнымъ и растеніямъ, однимъ словомъ — по отношенію

ко всему, въ чемъ только имѣеть мѣсто рожденіе. Разсмотримъ все вообще: не раждается ли все именно этимъ способомъ, то есть не иначе, какъ противоположное изъ противоположнаго, разумѣется тамъ, гдѣ противоположности существуютъ, какъ напримѣръ прекрасное противоположно безобразному, справедливое несправедливому и точно такъ же другіе безчисленные предметы. Разсмотримъ, составляетъ ли положительную необходимость, чтобы то, что имѣеть себѣ противоположное, рождалось не иначе какъ изъ соотвѣтственнаго ему противоположнаго: такъ напримѣръ, если что нибудь дѣлается бѣльшимъ, то не необходимо ли, чтобы оно сначала было меньшимъ, а потомъ уже сдѣлалось бѣльшимъ?

— Безъ сомнѣнія.

— И если что нибудь дѣлается меньшимъ, не дѣлается ли оно меньшимъ послѣ, а прежде не было ли оно бѣльшимъ?

— Очевидно такъ, сказалъ Кевисъ.

— Не точно ли такимъ же образомъ образуется слабѣйшее изъ сильнѣйшаго и болѣе быстрое изъ болѣе медленнаго?

— Совершенно вѣрно.

— Что же далѣе? Если что нибудь дѣлается худшимъ, то не становится ли оно такимъ изъ лучшаго, и болѣе справедливое не образуется ли изъ болѣе несправедливаго?

— Да какъ же иначе?

— Итакъ, сказалъ Сократъ, теперь мы достаточно твердо установили, что все раждается именно такимъ образомъ, — противоположное изъ противоположнаго.

— Вполнѣ достаточно.

— Что же еще? Не существуетъ ли между ними— между всѣми противоположностями вообще— того явленія, чтобы двѣ противоположности представляли двойное образованіе, какъ переходъ отъ одного противоположнаго къ другому и обратно—отъ второго къ первому? Между бѣльшимъ и меньшимъ не занимаетъ ли середины увеличеніе и уменьшеніе, и не говоримъ ли мы, что въ одномъ случаѣ нѣчто увеличивается, а въ другомъ—уменьшается?

— Да, отвѣчалъ Кевись.

— Не точно ли такимъ же образомъ это бываетъ съ раздѣленіемъ и соединеніемъ, охлажденіемъ и нагрѣваніемъ и со всѣми другими явленіями въ томъ же родѣ, даже если мы иногда не имѣемъ названій для нихъ? На дѣлѣ однако это непременно всюду должно имѣть мѣсто, то есть противоположныя явленія образуются одни изъ другихъ и переходятъ одно въ другое посредствомъ дѣйствіемъ.

— Несомнѣнно такъ, сказалъ Кевись.

XVI. — Теперь далѣе, продолжалъ Сократъ, есть ли чтонибудь противоположное жизни, какъ напримѣръ сонъ противоположенъ состоянію бодрствованія?

— Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ Кевись.

— Что?

— Смерть.

— Не образуются ли эти явленія одно изъ другого вслѣдствіе ихъ противоположности, и не существуетъ ли между ними по причинѣ ихъ двойственности двухъ переходовъ отъ одного къ другому?

— Де какъ же нѣтъ?

— Теперь, продолжалъ Сократъ, я предложу тебѣ вопросъ объ одной четѣ соотвѣтственныхъ противоположностей, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, — о ней самой и объ образованіи одного явленія изъ другого, а ты скажи мнѣ о другой четѣ. Я разумѣю сонъ и бодрствованіе. Я говорю, что изъ явленія сна образуется явленіе бодрствованія, а изъ бодрствованія — сонъ, а способы образованія ихъ будутъ: въ первомъ случаѣ — засыпаніе, а во второмъ — пробужденіе. Ясно ли это для тебя, прибавилъ онъ, или нѣтъ?

— Совершенно ясно.

— Скажи же мнѣ и ты, продолжалъ Сократъ, точно такимъ же образомъ относительно жизни и смерти. Не говоришь ли ты, что смерть составляетъ противоположность жизни?

— Да.

— И что оба эти явленія рождаются одно изъ другого?

— Да.

— Итакъ, что же рождается изъ живаго?

— Мертвое, сказалъ Кевисъ.

— А изъ мертваго что? спросилъ Сократъ.

— Необходимо признать, что живое, отвѣтилъ Кевисъ.

— Итакъ, любезный Кевисъ, живое равно какъ и живущіе люди рождаются изъ умершихъ.

— Очевидно, отвѣтилъ тотъ.

— Слѣдовательно, наши души, продолжалъ Сократъ, по смерти находятся въ адѣ.

— Естественно.

— А изъ способовъ образованія этихъ явленій не

есть ли одинъ очевиденъ? Потому что умираніе составляетъ, конечно, нѣчто очевидное. Не такъ ли?

— Какъ нельзя болѣе вѣрно, отвѣчалъ Кевисъ.

— Ну, какъ же мы будемъ теперь разсматривать вопросъ далѣе? продолжалъ Сократъ. Не признаемъ ли мы, что долженъ существовать другой, противоположный, способъ образованія другаго, противоположнаго явленія, или природа окажется на этотъ разъ хромою? Не составляетъ ли необходимости принять рожденіе, какъ противоположность умиранію?

— Неуремѣнно такъ, отвѣтилъ Кевисъ.

— Какое именно?

— Возрожденіе.

— Итакъ, сказалъ Сократъ, если возрожденіе существуетъ, не должно ли оно представлять возврата умершихъ въ міръ живущихъ, — воскресенія?

— Конечно.

— Мы согласились слѣдовательно въ томъ, что живые образуются изъ умершихъ, равно какъ и умершіе изъ живыхъ. А если это такъ, то это мнѣ представляется достаточнымъ доказательствомъ, что души умершихъ должны существовать гдѣ то, откуда онѣ снова возвращаются въ міръ.

— Мнѣ кажется, любезный Сократъ, сказалъ Кевисъ, что на основаніи началъ, которыя мы признали, необходимо должно быть такъ.

XVII. — Обрати однако вниманіе, любезный Кевисъ, продолжалъ Сократъ, что мы не безъ основанія, какъ мнѣ кажется, признали эти начала. Если бы явленія не находились постоянно во взаимномъ соотвѣтствіи и не возникали одни изъ другихъ, совер-

шая какъ будто круговое движеніе, но каждое явленіе переходило только въ противоположное и не обращалось бы снова въ то, чѣмъ было прежде, если бы не происходило этого круговорота: то ты понимаешь, что все окончилось бы тѣмъ, что приняло одинъ и тотъ же видъ, подверглось бы одной и той же участи, и образованіе новыхъ явленій не могло бы имѣть болѣе мѣста.

— Какъ это? спросилъ Кевисъ.

— Не трудно понять, что я говорю, отвѣчалъ Сократъ. Если бы на примѣръ существовало засыпаніе и не было противоположнаго явленія — пробужденія спящаго, то ты понимаешь, что кончилось бы тѣмъ, что рассказъ объ Эндиміонѣ потерялъ бы всякое значеніе ³⁷⁾, такъ какъ въ этомъ случаѣ все вообще очутилось бы въ такомъ же состояніи какъ и онъ, — въ состояніи сна. И если бы все только смѣшивалось и не раздѣлялось, то скоро исполнилось бы, о чемъ говоритъ Анаксагоръ ³⁸⁾: „Всѣ вещи находились въ смѣшеніи“. Точно такъ же, другъ мой Кевисъ, если бы все причастное жизни только умирало, а умершее оставалось въ этомъ состояніи, не возрождаясь снова къ жизни, то не представляется ли совершенно необходимымъ, чтобы все наконецъ пришло къ состоянію смерти и живущаго не осталось бы? Потому что, если бы живое раждалось изъ чего нибудь другаго а не изъ мертваго и продолжало умирать, то какое же средство существовало бы къ тому, чтобы все наконецъ не было поглощено смертью?

— Никакого средства, мнѣ кажется, любезный Сократъ, сказалъ Кевисъ. Ты, представляется мнѣ, говоришь какъ нельзя болѣе справедливо.

— Это, мнѣ представляется, любезный Кевисъ, сказалъ Сократъ, несомнѣнно такъ, и мы не обманываемся, соглашаясь въ этомъ съ тобою; все это на самомъ дѣлѣ существуетъ: и возрожденіе и то, что живые рождаются изъ умершихъ, и то, что души умершихъ продолжаютъ существовать, и то, что участь добрыхъ лучше, а злыхъ—хуже.

XVIII.—Дѣйствительно, любезный Сократъ, началъ, прерывая его, Кевисъ: это совершенно необходимо и на основаніи того, что ты часто высказывалъ въ своихъ бесѣдахъ. Если справедливо, что ученіе есть для насъ не что иное какъ припоминаніе, то и въ силу этого представляется необходимымъ, чтобы мы узнали когда то прежде припоминаемое нами теперь. Припоминаніе было бы очевидно невозможно, если бы наша душа не существовала гдѣ нибудь, прежде чѣмъ воплотилась въ человѣческой образъ. Такимъ образомъ, и въ силу этого основанія душа представляется чѣмъ то бессмертнымъ.

— Но, любезный Кевисъ, сказалъ, прерывая его, Симмій, какія существуютъ на это доказательства? Напомни мнѣ, потому что я ихъ не помню теперь хорошо.

— Я напомню тебѣ, отвѣчалъ Кевисъ, только одно, но въ данномъ случаѣ — самое лучшее. Люди, когда ихъ о чемъ нибудь спрашиваютъ, если вопросъ сдѣланъ хорошо, находятъ въ самихъ себѣ правильные на все отвѣты, чего не могло бы быть, если бы они не обладали врожденнымъ знаніемъ и здравымъ сужденіемъ. Далѣе, если кто нибудь укажетъ имъ на геометрическія фигуры или на что нибудь другое въ этомъ

родѣ, то отсюда откроется какъ нельзя болѣе ясно, что это дѣйствительно такъ.

— Если ты не убѣждаешься этимъ, любезный Симмій, продолжалъ Сократъ, то не согласишься ли ты съ нами, разсматривая этотъ предметъ слѣдующимъ образомъ. Ты сомнѣваешься, что такъ называемое ученіе есть припоминаніе?

— Я не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Симмій, но мнѣ необходимо испытать то самое, о чемъ идетъ рѣчь, то есть припомнить ³⁹). Я почти уже на основаніи того, что началъ говорить Кевисъ, припоминаю и убѣждаюсь; тѣмъ не менѣе мнѣ желательно было бы теперь слышать снова, какъ будешь доказывать это ты.

— Я доказываю это, сказалъ Сократъ, слѣдующимъ образомъ. Мы конечно всѣ согласны въ томъ, что если ктонибудь чтонибудь припоминаетъ, то надобно, чтобы онъ зналъ припоминаемое имъ—когданибудь прежде.

— Конечно такъ, сказалъ Симмій.

— Не будемъ ли мы согласны также и въ томъ, что если знаніе приходитъ къ намъ этимъ способомъ, то оно есть припоминаніе? Я разумѣю въ данномъ случаѣ вотъ что. Если ктонибудь, послѣ того какъ увидитъ или услышитъ чтонибудь или получить понятіе объ извѣстномъ предметѣ съ помощію какогонибудь другого чувства, восприметъ представленіе не только этого предмета, но подумаетъ при этомъ и о другомъ предметѣ, котораго познаніе не такое же, а иное,—то не справедливо ли мы говоримъ въ такомъ случаѣ, что человѣкъ этотъ припомнилъ то, о чемъ подумалъ?

— Какъ это?

— А вотъ возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее: познание челоуѣка и лиры конечно различно?

— Да какъ же иначе?

— А развѣ ты не знаешь, что это испытываютъ любовники, увидѣвъ лиру или платье или вообще что бы то ни было, что привыкъ употреблять предметъ ихъ привязанности? Они узнали лиру, и въ мысли ихъ является образъ мальчика, которому эта лира принадлежитъ. Это и есть воспоминаніе. Точно такъ же случилось, я думаю, часто, что кто нибудь, видя Симмія, вспоминалъ Кевиса, и примѣровъ въ этомъ родѣ можно бы привести безчисленное множество.

— Безчисленное множество, клянусь Зевсомъ, отвѣтилъ Симмій.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, не составляетъ ли все подобное воспоминанія, особенно если дѣло касается предметовъ, которые кто нибудь, за давностию времени или оттого что долго не видѣлъ ихъ, забылъ?

— Совершенно вѣрно, отвѣтилъ Симмій.

— Далѣе, продолжалъ Сократъ, можно ли, видя нарисованную лошадь или нарисованную лиру, вспоминать о челоуѣкѣ, или видя нарисованнаго Симмія, вспоминать Кевиса?

— Безъ сомнѣнія.

— И не точно ли такимъ же образомъ, видя нарисованнаго Симмія, вспоминать самого Симмія?

— Конечно можно.

XIX. — Итакъ, не бываетъ ли въ этомъ случаѣ такимъ образомъ, что воспоминаніе вызывается въ насъ то сходствомъ, то несходствомъ предметовъ?

— Да, это такъ.

— Но когда ктонибудь вспоминаетъ чтонибудь по сходству, то не бываетъ ли въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы вмѣстѣ съ этимъ являлась мысль и о томъ, — не оказывается ли, что извѣстному предмету чегонибудь недостаетъ для совершеннаго сходства съ тѣмъ предметомъ, о которомъ ктонибудь вспомнилъ, или же недостающаго въ этомъ смыслѣ въ предметѣ нѣтъ?

— Это необходимо должно быть такъ, отвѣчалъ Симмій.

— Разсмотри, продолжалъ Сократъ, не такъ ли будетъ слѣдующее. Говоримъ ли мы, что равенство есть нѣчто? Я не разумѣю равенства одного куска дерева другому, или камня камню, или равенства какихъ бы то ни было другихъ предметовъ, но помимо всего этого я разумѣю нѣчто иное, — я разумѣю равенство въ самомъ себѣ: будемъ ли мы утверждать, что оно есть нѣчто, или же ничто?

— О, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симмій, мы рѣшительно будемъ утверждать, что оно есть нѣчто.

— А знаемъ ли мы, что такое равенство въ самомъ себѣ?

— Конечно, отвѣчалъ Симмій.

— Откуда же мы получили понятіе о немъ? не изъ тѣхъ ли предметовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, — видя напр. равные куски дерева, или камни, или другіе предметы въ этомъ родѣ: не изъ наблюденія ли этихъ предметовъ мы составили понятіе о самомъ равенствѣ, которое есть нѣчто совершенно отличное отъ предметовъ? Потому что, и въ самомъ дѣлѣ,

не представляется ли оно тебѣ отличнымъ? Разсмотри это еще и съ такой стороны: не представляются ли тебѣ равные камни или куски дерева, хотя они иногда остаются тѣми же самыми, то равными, то неравными?

— Конечно такъ.

— Ну, а бываетъ ли когда нибудь, чтобы равное въ самомъ себѣ явилось для тебя неравнымъ, или равенство—неравенствомъ? ⁴⁰).

— Рѣшительно никогда, Сократъ.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, равные предметы и равенство—не одно и то же?

— Очевидно, ни подъ какимъ видомъ, Сократъ.

— А между тѣмъ, продолжалъ далѣе Сократъ, не изъ этихъ ли равныхъ предметовъ, отличныхъ отъ самаго равенства, ты образовалъ въ мысли представленіе о равенствѣ?

— Ты говоришь какъ нельзя болѣе справедливо Сократъ, отвѣчалъ Симмій.

— Въ то время когда оно представляло сходство или несходство съ этими предметами?

— Конечно.

— Впрочемъ, это не дѣлаетъ разницы, сказалъ Сократъ, потому что какъ скоро ты, видя извѣстный предметъ, представляешь при видѣ его и другой, сходный или несходный съ нимъ, то это необходимо будетъ воспоминаніе.

— Конечно такъ.

— Ну, а какъ будетъ слѣдующее? продолжалъ Сократъ. Какъ намъ представляются равные куски дерева и вообще равные предметы, о которыхъ мы сей-

часъ говорили: представляются ли они намъ равными, какъ само равенство, или же имъ чего нибудь для этого недостаетъ, такъ что они не одно и то же съ равенствомъ, или же наконецъ недостающаго для этого въ нихъ нѣтъ?

— Имъ многого для этого недостаетъ, отвѣтилъ Симмій.

— Итакъ мы должны признать, что если кто нибудь, видя извѣстный предметъ, думаетъ: предметъ, который я теперь вижу, стремится быть равнымъ другому, но ему чего то для этого недостаетъ, и онъ не можетъ быть совершенно такимъ же, какъ другой, но отличается отъ него, — мы должны признать, говорю, что тотъ, кто думаетъ такимъ образомъ, долженъ предварительно знать то, вслѣдствіе чего онъ говоритъ, что хотя извѣстный предметъ похожъ на извѣстный другой, но не совершенно ему равенъ.

— Необходимо такъ.

— Ну, такъ какъ же? Не испытываемъ ли того же и мы по отношенію къ равнымъ предметамъ и самому равенству?

— Совершенно такъ.

— Итакъ очевидно необходимо, чтобы мы узнали самое равенство прежде того времени, когда увидѣвъ въ первый разъ равные предметы, пришли къ мысли, что всѣ они стремятся быть такими, какъ само равенство, однако отстаютъ отъ него.

— Конечно такъ.

— Мы должны признать также, что мы не иначе пришли къ этой мысли и не могли притти къ ней иначе, какъ посредствомъ зрѣнія, осязанія или какого-

нибудь другого изъ тѣлесныхъ чувствъ, потому что въ данномъ случаѣ это все равно.

— Это рѣшительно все равно, Сократъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ предмету нашего разсужденія.

— Итакъ необходимо съ помощію чувствъ придти къ той мысли, что все, воспринимаемое подобнымъ образомъ чувствами, стремится къ самому равенству, однако не стоитъ въ уровень съ нимъ. Не такъ ли?

— Такъ.

— Слѣдовательно необходимо, чтобы прежде нежели мы начали видѣть, слышать и вообще воспринимать впечатлѣнія посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ, мы получили гдѣ то понятіе о равенствѣ въ самомъ себѣ, если мы начали возводить къ нему получаемыя нами съ помощію чувствъ впечатлѣнія равныхъ предметовъ и замѣчать, что предметы эти стремятся быть равными какъ само равенство, однако стоятъ ниже его.

— Это необходимо вытекаетъ изъ прежде сказаннаго, любезный Сократъ.

— А не правда ли, что мы тотчасъ по рожденіи видѣли, слышали и пользовались употребленіемъ другихъ чувствъ?

— Совершенно вѣрно.

— Итакъ, говоримъ мы: мы должны были получить понятіе о самомъ равенствѣ прежде этого?

— Да.

— На основаніи этого кажется необходимо, чтобы мы получили понятіе о немъ до нашего рожденія.

— Да, кажется такъ.

XX.—Если же мы, получивъ понятіе о немъ до рожденія, родились съ нимъ, то не очевидно ли, что мы

знали и прежде рожденія и тотчасъ по рожденіи не только равное въ самомъ себѣ, но и большее и меньшее, и все другое въ этомъ родѣ? Потому что у насъ рѣчь идетъ теперь столько же о равномъ въ самомъ себѣ, сколько о прекрасномъ въ самомъ себѣ, о добромъ, справедливомъ и святомъ, словомъ сказать—обо всемъ, что мы опредѣляемъ въ нашихъ бесѣдахъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ,—какъ сущности, существующія въ самихъ себѣ, такъ что очевидно необходимо, чтобы мы получили знаніе всего этого прежде рожденія.

— Конечно такъ.

— И если бы мы, получивъ это знаніе, не забывали его каждый разъ, при новомъ рожденіи, то мы раждались бы знающими и сохраняли бы знаніе всю жизнь, потому что знать есть не что иное, какъ сохранять однажды пріобрѣтенное знаніе и не терять его, а подъ забвеніемъ, другъ Симмій, не разумѣютъ ли потери полученнаго знанія?

— Какъ нельзя болѣе справедливо, любезный Сократъ, отвѣтилъ Симмій.

— Если же мы, какъ я думаю, получивъ знаніе до рожденія и потерявъ его черезъ рожденіе, потомъ при посредствѣ чувствъ, снова пріобрѣтаемъ знанія, которыя имѣли когда то прежде, то не будетъ ли то, что мы называемъ ученіемъ, возобновленіемъ присущаго намъ знанія, и, говоря, что это есть припоминаніе, не выражаемся ли мы правильно?

— Совершенно.

— Потому что мы признали уже возможнымъ, чтобы тотъ, кто воспринимаетъ впечатлѣніе отъ предмета съ помощію зрѣнія и слуха или какого бы то

ни было чувства, представлялъ при этомъ въ мысли и нѣчто другое, что онъ забылъ и съ чѣмъ предметъ, подлежащій его чувствамъ, имѣетъ близость вслѣдствіе сходства или несходства. Такимъ образомъ, какъ я говорю, нужно принять одно изъ двухъ: или мы родимся съ этимъ знаніемъ и сохраняемъ его во всю жизнь, или же тѣ, о которыхъ мы говоримъ, что они учатся, дѣлаютъ впослѣдствіи не что иное, какъ припоминаютъ—и ученіе есть припоминаніе.

— Это непременно должно быть такъ, любезный Сократъ.

XXI.—Что же изъ этого ты примешь, другъ Симмій: то ли, что мы родимся знающими, или же—припоминаемъ впослѣдствіи вещи, знаніемъ которыхъ обладали прежде?

— Въ настоящую минуту, Сократъ, я затрудняюсь выборомъ.

— Но что однако ты изберешь въ слѣдующемъ случаѣ, и какъ ты думаешь объ этомъ? Можетъ ли человѣкъ знающій отдать отчетъ въ томъ, что онъ знаетъ или нѣтъ?

— Это совершенно необходимо, Сократъ, отвѣтилъ Симмій.

— А какъ тебѣ кажется, — всѣ ли способны дать отчетъ относительно того, о чемъ мы сейчасъ говорили?

— Я очень бы этого желалъ, сказалъ Симмій, но я сильно боюсь, что завтра, въ это время, не найдется никого, кто могъ бы это сдѣлать какъ слѣдуетъ.

— Итакъ тебѣ не кажется, любезный Симмій, сказалъ Сократъ, чтобы всѣ это знали?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— Итакъ люди припоминають то, что узнали нѣкогда?

— Непремѣнно такъ.

— Когда же наши души получили знаніе всего этого? Потому что очевидно, — не съ того времени, какъ мы родились на свѣтъ, воплотившись въ человѣческой образъ.

— Очевидно нѣтъ.

— Слѣдовательно прежде?

— Да.

— Очевидно слѣдовательно, любезный Симмій, что души наши существовали прежде, чѣмъ воплотились въ человѣческой образъ, существовали безъ тѣлъ и обладали знаніемъ.

— Если однакожъ мы не получаемъ этихъ знаній при самомъ рожденіи, Сократъ, потому что это время еще у насъ остается.

— Допустимъ, любезный другъ, но въ такомъ случаѣ, когда же мы ихъ теряемъ? потому что мы не родимся съ ними, какъ мы сейчасъ признали. Развѣ теряемъ въ то же время, какъ и получаемъ? Или ты можешь указать какое нибудь другое время?

— Рѣшительно нѣтъ, Сократъ. Но я право, незамѣтно для самого себя, сказалъ нѣчто лишнее всякаго значенія.

XXII.—Итакъ, любезный Симмій, продолжалъ Сократъ, дѣло представляется для насъ въ слѣдующемъ видѣ. Если, какъ мы постоянно твердимъ, дѣйствительно существуютъ прекрасное, доброе и всѣ подобнаго рода сущности, и мы возводимъ къ нимъ какъ

къ первообразу все, получаемое нами посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, находя прежде всего эти сущности въ насъ самихъ, если мы приравниваемъ эти послѣднія къ тѣмъ, находящимся внѣ насъ, то необходимо, чтобы точно такъ же, какъ существуютъ эти сущности, существовала наша душа, прежде чѣмъ мы родились! Если же эти сущности не существуютъ, то все настоящее разсужденіе наше теряетъ значеніе. Но не представляется ли дѣйствительнымъ и равно необходимымъ и то, что эти сущности существуютъ, и то что наша душа имѣла бытіе до нашего рожденія, или если нѣтъ одного, то нѣтъ и другого?

— Выше всякой мѣры, Сократъ, сказалъ Симмій, мнѣ представляется это одинаково необходимымъ, и наше разсужденіе приходитъ теперь къ прекрасному заключенію, именно, что душа наша существовала прежде нашего рожденія точно такъ же, какъ и тѣ сущности, о которыхъ ты теперь ведешь рѣчь; потому что для меня нѣтъ ничего очевиднѣе, что все подобное существуетъ какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ образомъ, — прекрасное и доброе и все другое, о чемъ ты сейчасъ говорилъ; для меня дѣло достаточно доказано.

— А какъ для Кевиса? сказалъ Сократъ, потому что нужно убѣдить и Кевиса.

— Я думаю достаточно и для него, сказалъ Симмій, хотя никто изъ людей не упоренъ такъ въ сомнѣніи при разсужденіяхъ. Но я думаю, сказанное тобою достаточно убѣдило и его, что душа наша существовала прежде, чѣмъ мы родились на свѣтъ.

XXIII.—Тѣмъ не менѣе вопросъ: будетъ ли она существовать и послѣ того, когда мы умремъ, и мнѣ,

любезный Сократъ, представляется неразрѣшеннымъ, продолжалъ Симмій. Но мнѣніе по этому предмету большинства людей, которое привелъ сейчасъ Кевисъ, еще сохраняетъ силу, именно—не разсѣвается ли душа умирающаго человѣка и не оканчивается ли этимъ ея бытіе? Потому что и въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ ей раждаться, слагаться гдѣ нибудь и существовать, прежде чѣмъ она воплотится въ человѣческое тѣло, а послѣ воплощенія и освобожденія отъ тѣла—умирать и уничтожаться?

— Ты справедливо говоришь, любезный Симмій, сказалъ Кевисъ, потому что мнѣ кажется, мы разрѣшили только половину вопроса, который нужно разрѣшить; мы разрѣшили, что душа наша существовала прежде, чѣмъ мы родились; но чтобы разсужденіе наше достигло цѣли, нужно еще доказать, что она будетъ существовать и послѣ того, когда мы умремъ, точно такъ какъ она существовала прежде, чѣмъ мы родились.

— Но это уже и теперь доказано, друзья мои Симмій и Кевисъ, сказалъ Сократъ, если вы захотите соединить въ одно доказательство, приводимое нами теперь, съ тѣмъ, въ чемъ мы согласились передъ этимъ, — а именно, что все живое рождается изъ мертваго. Потому что если справедливо, что наша душа существовала прежде нашего рожденія и если она, отправляясь въ этотъ міръ и раждаясь, должна была родиться не инымъ какимъ нибудь образомъ, какъ изъ смерти и изъ умершаго, то не очевидно ли необходимо, чтобы она продолжала существовать и по смерти, такъ какъ ей необходимо снова родить-

ся? И такъ то, о чемъ вы теперь говорите, уже доказано.

XXIV.— Тѣмъ не менѣе я думаю, что ты и Симмій охотно углубились бы больше въ предметъ нашего изслѣдованія и что вы боитесь какъ дѣти, чтобы вѣтеръ и въ самомъ дѣлѣ не развѣвалъ и не разносилъ въ разныя стороны душу, выходящую изъ тѣла, особенно если кому случится умирать не при безвѣтріи, а при сильномъ вѣтрѣ.

Кевись, засмѣявшись при этомъ, сказалъ:

— Постарайся переубѣдить насъ, любезный Сократъ, какъ будто бы мы въ самомъ дѣлѣ этого боялись, или лучше сказать, представь себѣ, что боимся не мы, а что среди насъ есть дитя, которое боится этого. Постараемся убѣдить и его не бояться смерти, какъ будто бы какого то страшилища.

— Для этого нужно, сказалъ Сократъ, напѣвать ему ежедневно очарованную пѣснь ⁴¹⁾, до тѣхъ поръ пока этими чарами не исцѣлите его отъ его страха.

— Но гдѣ же, любезный Сократъ, замѣтилъ Кевись, найдемъ мы чародѣя, способнаго пѣть такія пѣсни, послѣ того какъ ты, прибавилъ онъ, насъ покидаешь?

— Греція велика, другъ Кевись, сказалъ Сократъ: въ ней много способныхъ къ этому людей; много также народовъ чужеземныхъ, которыхъ всѣхъ нужно посѣтить для отысканія такого чародѣя и не жалѣть для этого ни денегъ ни трудовъ, такъ какъ нѣтъ ничего, на что бы вы могли употребить лучше ваши деньги. Нужно также искать и среди самихъ себя, потому что можетъ быть вы не легко най-

дете людей, которые могли бы сдѣлать это лучше чѣмъ вы.

— Это непременно такъ будетъ, отвѣчалъ Кевись. Но возвратимся къ тому, на чемъ мы остановились, если ты этого желаешь.

— Разумѣется желаю: какъ не желать!

— Прекрасно сказано, сказалъ Кевись.

XXV. — Итакъ, началъ Сократъ, намъ нужно задать самимъ себѣ вопросъ: какому классу предметовъ свойственно это испытывать, то есть разсѣваться; за какіе предметы мы должны бояться, чтобы съ ними этого не случилось, и за какіе нѣтъ? А потомъ нужно разсмотрѣть, къ которому изъ двухъ классовъ относится наша душа, и на основаніи этого имѣть твердую надежду за нее, или же напротивъ опасаться.

— Ты говоришь правильно, сказалъ Кевись.

— Итакъ не тому ли, что образовалось черезъ сложеніе, или сложному по природѣ свойственно это претерпѣвать—разлагаться точно такъ же, какъ то или другое сложилось? Если же что нибудь является несложнымъ, то не такому ли, преимущественно передъ всѣмъ другимъ, свойственно не разлагаться?

— Мнѣ кажется это такъ, сказалъ Кевись.

— А не представляется ли какъ нельзя болѣе вѣроятнымъ, чтобы то было несложнымъ, что неизмѣнно и находится въ одномъ и томъ же состояніи, а то что въ разныя времена различно и никогда не остается неизмѣннымъ, было сложно?

— Мнѣ по крайней мѣрѣ это представляется такъ.

— Теперь обратимся, продолжалъ Сократъ, къ тому, о чемъ мы вели рѣчь въ предыдущемъ раз-

сужденіи. Сущность сама въ себѣ, которой мы и въ вопросахъ и въ отвѣтахъ приписываемъ понятіе бытія— всегда ли она остается тою же самой, неизмѣнной, или же бываетъ въ одно время такой, а въ другое— другой? Равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ и каждая сущность сама въ себѣ—подвергаются ли онѣ когда нибудь какому бы то ни было измѣненію? Или же каждая такая, сама въ себѣ существующая сущность, будучи по природѣ простою и равною только самой себѣ, остается всегда тою же самою и неизмѣнной и никогда, ни въ чемъ, ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ никакой перемѣны?

— Эти сущности, любезный Сократъ, отвѣчалъ Кевись, необходимо должны оставаться тѣми же самыми и неизмѣнными.

— А какъ бываетъ съ большинствомъ прекрасныхъ предметовъ, какъ на примѣръ съ людьми, лошадьми, одеждами или другими какими бы то ни было подобными предметами, — равными, прекрасными и наконецъ со всѣми вообще, одноименными съ тѣми или другими сущностями? Остаются ли и предметы неизмѣнными или же, въ противоположность сущностямъ, никогда, ни подъ какимъ видомъ не остаются неизмѣнными, ни сами въ себѣ, ни въ отношеніи своемъ одинъ къ другому?

— Съ предметами, отвѣчалъ Кевись, бываетъ иначе: они никогда не остаются неизмѣнными.

— Не сообщаешься ли ты съ этими послѣдними чувствомъ осязаніи, зрѣнія и не ощущаешь ли ихъ съ помощію другихъ чувствъ, въ то время какъ неизмѣнныхъ сущностей нѣтъ возможности постигать инымъ

образомъ, какъ только мысленнымъ созерцаніемъ, такъ какъ онѣ невещественны и недоступны для зрѣнія?

XXVI. — Совершенно такъ, — отвѣчалъ Кевись: ты говоришь правду.

— Итакъ примемъ, сказалъ Сократъ, если ты на это согласенъ, двѣ сферы въ области бытія—видимое и невидимое.

— Допустимъ, отвѣчалъ Кевись.

— Допустишь ли ты также, что невидимое всегда остается неизмѣннымъ, а видимое не бываетъ неизмѣнно никогда?

— Допустимъ и это, сказалъ Кевись.

— Теперь, продолжалъ Сократъ, составляетъ ли въ насъ самихъ нѣчто отличное отъ этихъ двухъ сферъ, — съ одной стороны тѣло, а съ другой душа?

— Нѣтъ, не составляетъ, сказалъ Кевись.

— Съ которою же изъ этихъ двухъ сферъ, сказали бы мы, болѣе сходно и родственно тѣло?

— Для всякаго очевидно, отвѣчалъ Кевись, что со сферою видимаго.

— А душа какъ? Есть ли она нѣчто видимое или же невидимое, невещественное?

— Для людей, по крайней мѣрѣ, она невидима, Сократъ, отвѣчалъ Кевись.

— Но мы говорили о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ только для природы людей. Или ты думаешь для чьейнибудь другой?

— Для природы людей.

— Какъ же мы говоримъ о душѣ: видима она или невидима?

— Невидима.

— Слѣдовательно, она невещественна?

— Да.

— Итакъ душа, болѣе нежели тѣло, походить на то, что невещественно, а тѣло— на то, что видимо?

— Это какъ нельзя болѣе необходимо, Сократъ.

XXVII. — Не говорили ли мы передъ этимъ и того, что душа, какъ скоро она пользуется помощію тѣла при изслѣдованіи чегонибудь, участіемъ ли въ подобномъ случаѣ зрѣнія, слуха или какогонибудь другого чувства,—потому что изслѣдовать чтонибудь съ помощію тѣла, значитъ изслѣдовать чтонибудь съ помощію чувствъ,—тогда она увлекается тѣломъ къ тому, что никогда не остается неизмѣнно, начинаетъ перебѣгать отъ предмета къ предмету, приходитъ въ волненіе и кружится какъ опьянѣлая вслѣдствіе того, что она пришла въ соприкосновеніе съ подобными предметами.

— Совершенно такъ.

— Когда же она изслѣдуетъ чтонибудь сама черезъ себя, она устремляется къ тому, что чисто и вѣчно и безсмертно и неизмѣнно, и такъ какъ она родственна по природѣ своей со всѣмъ этимъ, то при каждомъ такомъ случаѣ она остается со всѣмъ этимъ до тѣхъ поръ, пока остается сосредоточенною въ самой себѣ и пока это для нея возможно. Тогда она перестаетъ перебѣгать отъ предмета къ предмету, и въ общеніи съ тѣмъ, что всегда неизмѣнно, сама приходитъ въ такое же состояніе, такъ какъ соприкасается съ подобными сущностями. Не такое ли состояніе души называютъ размышленіемъ?

— Ты говоришь, любезный Сократъ, сказалъ Кевись, прекрасно и какъ нельзя болѣе вѣрно.

— Итакъ, спрошу опять: съ какою изъ двухъ сферъ бытія на основаніи того, что было говорено прежде и теперь, кажется тебѣ ближе и родственнѣе душа?

— Мнѣ кажется, любезный Сократъ, сказалъ Кевись, что каждый, какъ бы онъ ни былъ мало способенъ понимать, согласится на основаніи этого способа изслѣдованія, что душа всецѣло и во всѣхъ отношеніяхъ ближе къ тому, что всегда неизмѣнно, нежели къ разряду измѣняющихся предметовъ.

— А тѣло какъ?

— Тѣло относится къ этому послѣднему классу предметовъ.

XXVIII. — Разсмотри это самое еще слѣдующимъ образомъ. Когда душа и тѣло находятся вмѣстѣ, то тѣлу природа указываетъ повиноваться и находится подъ управленіемъ, а душѣ начальствовать и повелѣвать⁴²). На основаніи этого, что представляется тебѣ подобнымъ божественному и что походить на смертное? И не представляется ли тебѣ, что божественное по природѣ должно начальствовать и руководить, а смертное находится подъ управленіемъ и повиноваться?

— Мнѣ представляется именно такъ.

— Съ чѣмъ же болѣе представляетъ сходства душа?

— Очевидно, любезный Сократъ, что душа походить на то, что божественно, а тѣло—на смертное.

— Смотри же, другъ Кевись, сказалъ Сократъ, не вытекаетъ ли изъ всѣхъ нашихъ разсужденій, что душа чрезвычайно похожа на то, что божественно, без-

смертно, постижимо только умомъ, просто по существу, неразрушимо, всегда неизмѣнно и равно самому себѣ, а тѣло, въ свою очередь, какъ нельзя болѣе уподобляется тому, что—человѣческое, смертное, невоспринимаемое мысленнымъ созерцаніемъ, сложное, разрушимое и никогда не остающееся неизмѣннымъ и равнымъ самому себѣ. Можемъ ли мы, дорогой мой Кевись, привести противъ этого что нибудь въ доказательство, что это не такъ?

— Не можемъ.

XXIX. — Что же далѣе? Если все это такъ, то не прилично ли тѣлу тотчасъ разрушаться, а душѣ напротивъ быть всецѣло неразрушимой, или близко къ этому?

— Да какъ же нѣтъ?

— Ты знаешь однакожь, продолжалъ Сократъ, что послѣ того когда человѣкъ умретъ, видимая часть его, тѣло, — то, что представляется взору и что мы называемъ трупомъ, чему свойственно разрушаться, распадаться и разсѣваться, не испытываетъ ничего подобнаго вдругъ, но продолжаетъ существовать довольно долгое время. Если же кто умретъ, сохранивъ красоту тѣла и въ цвѣтущемъ возрастѣ жизни, — тѣло сохраняется очень долго. А тѣло, опавшее и набальзамированное какъ египетскія муміи, избѣгаетъ разрушенія почти въ цѣломъ составѣ невѣроятно продолжительный срокъ. Нѣкоторыя же его части: кости, нервы и все другое подобное, даже когда самое тѣло сгниетъ, остаются, почти можно сказать, бессмертными. Не такъ ли?

— Справедливо.

— А душа, невещественное по природѣ начало, переходя въ міръ, подобно ей прекрасный, чистый и невещественный, который справедливо носить поэтому имя міра невидимаго ⁴³), къ благому и мудрому божеству, куда, если будетъ на это его воля, должна отправиться немедленно и моя душа,—ужели эта душа, будучи такою по своимъ свойствамъ и такой природы, едва только освободится отъ тѣла, тотчасъ разсѣвается и погибаетъ, какъ утверждаетъ большая часть людей? Далеко отъ этого, друзья мои Симмій и Кевись: гораздо скорѣе имѣетъ мѣсто слѣдующее. Если душа освобождается чистою, не унося съ собой ничего тѣлеснаго, такъ какъ она ни въ чемъ не сообщалась добровольно съ тѣломъ при жизни, но избѣгала его и сосредоточивалась въ самой себѣ, потому что постоянно объ этомъ заботилась,—а это означаетъ не что иное, какъ то, что она здраво философствовала и самымъ дѣломъ приготовилась спокойно встрѣтить смерть,—или приготовленіе къ смерти состоитъ не въ этомъ?

— Именно въ этомъ.

— Итакъ, не отходить ли подобнымъ образомъ настроенная душа къ тому, что сродно по природѣ съ нею самой,—къ невещественному, божественному, бессмертному и разумному? Переселившись туда, она получаетъ въ удѣлъ блаженство, освободившись отъ заблужденій, безразсудства, опасеній, отъ неукротимыхъ пожеланій любви и всѣхъ другихъ человѣческихъ золь и, какъ передаютъ посвященные въ таинства, дѣйствительно проводить вѣчность съ богами. Такъ ли намъ лучше говорить въ этомъ случаѣ, любезный Кевись, или иначе?

XXX. — Совершенно такъ, отвѣчалъ Кевисъ, клянусь Зевсомъ.

— Но я думаю также, что если душа оставляетъ тѣло оскверненною и нечистою вслѣдствіе того, что постоянно жила одною съ нимъ жизнію, служила ему и любила его, постоянно очаровываясь имъ, — страстями и удовольствіями до того, что ей ничто уже не представлялось истиннымъ, кромѣ того что тѣлесно, что можно осязать или видѣть, пить, ѣсть или чѣмъ можно пользоваться для удовольствій любви, если она привыкла съ другой стороны ненавидѣть, бояться и избѣгать того, что сокровенно и невидимо для глазъ, что мысленно и пріемлется только философіей, — думаешь ли ты, что душа такъ настроенная, освобождается отъ тѣла заключенною только въ самой себѣ, — чистою?

— Конечно нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Кевисъ.

— Напротивъ, я думаю, что она бываетъ проникнута насквозь тѣмъ тѣлеснымъ, съ которымъ ее соединило какъ бы въ одно постоянное общеніе и единеніе съ тѣломъ, ея общая съ нимъ жизнь и многочисленныя заботы, которыя она о немъ прилагала.

— Несомнѣнно такъ.

— Эта оболочка души, дорогой другъ, надобно думать, есть нѣчто плотное, тяжелое, земное по природѣ и видимое. Облеченная этою оболочкой и съ такими склонностями душа удручается чувствомъ тягости и стремится снова къ видимому міру, пугаясь невещественнаго и той области, которую называютъ айдомъ. Тогда она начинаетъ блуждать вблизи надгробныхъ памятниковъ и могильныхъ кургановъ, вокругъ кото-

рыхъ дѣйствительно бываютъ иногда видимы мрачныя привидѣнія ⁴⁴),—образъ, который представляютъ всѣ подобныя души, не разрѣшившіяся отъ тѣла чистыми, но имѣющія свою часть въ области видимаго, вслѣдствіе чего и бываютъ видимы.

— Это весьма вѣроятно, любезный Сократъ.

— Конечно вѣроятно, любезный Кевисъ, равно какъ и то, что это не суть души людей добрыхъ, но злыхъ, которыя бываютъ принуждены блуждать вокругъ подобныхъ мѣстъ, неся наказаніе за свою прежнюю порочную жизнь. И онѣ блуждаютъ до тѣхъ поръ, пока по присущей имъ склонности къ тѣлесному, которое всюду за ними слѣдуетъ, не заключатся въ какое нибудь тѣло опять.

XXXI.—Естественно, что онѣ соединяются при этомъ съ такими существами, нравы которыхъ были свойственны этимъ душамъ, во время земной ихъ жизни.

— Какія же существа разумѣешь ты подъ этимъ, любезный Сократъ?

— Такъ напримѣръ люди, которые предавались обжорству, разврату и пьянству и не имѣли сдержанности, естественно должны входить въ разныя породы ословъ и подобныхъ животныхъ. Не такъ ли представляется тебѣ?

— То, что ты говоришь, совершенно естественно.

— А люди, которые выказывали особенную склонность къ разнаго рода несправедливостямъ, тиранствамъ и грабежамъ, переселяются въ волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Или мы будемъ утверждать, что такія души отправляются куда нибудь въ другія мѣста?

— Нѣтъ сомнѣнія, отвѣчалъ Кевисъ, что именно въ такія.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, не очевидно ли и относительно остальныхъ, куда каждая душа должна идти по сходству своего прежняго образа жизни?

— Очевидно, отвѣчалъ Кевисъ: какъ же иначе?

— Между ними, продолжалъ Сократъ, не самыя ли счастливыя и не отправляются ли въ самое лучшее мѣсто души, ознаменовавшія себя при жизни добродѣтелью общественной и государственной, которую называютъ воздержаніемъ и справедливостью, и которую онѣ приобрѣли путемъ навыка и упражненія, безъ помощи философіи и размышленія?

— Въ какомъ же отношеніи эти души самыя счастливыя?

— Потому что онѣ вѣроятно снова войдутъ въ тѣла такихъ же существъ, общительныхъ и мирныхъ, какъ напримѣръ пчель, шмелей или муравьевъ, или въ такихъ же точно людей, и тогда отъ нихъ будутъ рождаться люди благоразумные.

— Это вѣроятно.

XXXII. — Войти же въ сонмъ боговъ тому, кто не посвящалъ себя занятіямъ философіей и не отошелъ совершенно чистымъ, невозможно; это доступно только любителю знанія. Вотъ почему, друзья мои Симмій и Кевисъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ пожеланій тѣла, остаются въ этомъ воздержаніи тверды и не предають себя ихъ власти, а вовсе не изъ боязни разоренія и бѣдности, какъ бываетъ съ большею частью людей и людьми любостыжательными, или не изъ боязни подвергнуться поношенію и безславію, какъ

бываютъ воздержны по этимъ причинамъ люди властолюбивые и честолюбивые.

— Подобный образъ дѣйстви, любезный Сократъ, былъ бы недостойнъ философовъ, замѣтилъ Кевись.

— Конечно нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказала Сократъ. Вотъ по этой-то причинѣ, любезный Кевись, продолжалъ онъ, всѣ тѣ, которые заботятся о своей душѣ и живутъ не для того, чтобы служить тѣлу, презираютъ чувственныя пожеланія и не идутъ вслѣдъ за другими, которые сами не знаютъ, куда идти. Думая напротивъ, что не должно дѣлать ничего противнаго философiи и тому освобожденiю и очищенiю, которое она даетъ, они ввѣряются ей, слѣдуя по пути, по которому она ихъ ведетъ.

XXXIII.—Какъ это, Сократъ?

— Я тебѣ скажу, отвѣчалъ Сократъ. Любители мудрости, началъ онъ, знаютъ, что философiя, принимая на свое попеченiе ихъ душу, всецѣло связанную съ тѣломъ и прикрѣпленную къ нему, которая принуждена поэтому созерцать бытiе черезъ тѣло какъ будто черезъ стѣны темницы, но не сама черезъ себя, и которая постоянно находится въ силу этого, въ состоянiи полнаго незнанiя и чувствуетъ крѣпость этой тюрьмы,—крѣпость, которую создаютъ страсти, такъ какъ самъ связанный подобнымъ образомъ всего болѣе является помощникомъ въ дѣлѣ связыванiя себя,—любители мудрости, говорю, знаютъ, что философiя, принимая на свое попеченiе ихъ душу въ такомъ состоянiи, кротко увѣщаетъ ее и начинаетъ освобождать, показывая ей, что изслѣдованiе чего нибудь съ помощiю зрѣнiя обманчиво, точно такъ же какъ черезъ

слухъ и другія тѣлесныя чувства, убѣждая ее отрѣшаться отъ нихъ, какъ скоро нѣтъ необходимости пользоваться ими, и предписывая ей собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ и не довѣрять ничему кромѣ самой себя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она изслѣдуетъ сама черезъ себя сущности въ самихъ себѣ. Философія убѣждаетъ душу не считать истиннымъ ничего, что душа изслѣдуетъ съ помощію другихъ способовъ и что въ одномъ случаѣ является такимъ, а въ другомъ — другимъ, такъ какъ все подобное воспринимается чувствами и представляетъ собою видимое, а то, что созерцаетъ она, — мысленно и невидимо. Въ силу этого душа истиннаго философа будучи убѣждена, что этому освобожденію не должно противиться, избѣгаетъ, насколько только для нея возможно, всякаго рода удовольствій, пожеланій, печалей и опасеній, принимая при этомъ во вниманіе то, что если кто нибудь предается слишкомъ сильно удовольствіямъ или страхамъ, или печалямъ, или пожеланіямъ, тотъ терпитъ отъ всего этого зло не въ такой степени, какъ бы кто нибудь могъ думать, какое терпятъ напримѣръ человѣкъ, подвергшійся болѣзни или расточившій имущество на удовлетвореніе страстей, но величайшее и крайнее изъ золъ, и притомъ терпитъ, даже не сознавая зла.

— Какое же это зло, Сократъ, спросилъ Кевисъ.

— То, что душа каждаго человѣка, предаваясь сильной радости или печали, необходимо приходитъ при этомъ къ мысли, что то, что приводитъ ее въ такое состояніе, есть нѣчто какъ нельзя болѣе существенное и истинное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно не

таково, потому что это бываютъ большею частью предметы видимые. Не такъ ли?

— Конечно.

— Не при такомъ ли состоянїи душа по преимуществу связывается тѣломъ?

— Какъ это?

— Всякое удовольствїе и всякая печаль, прикрѣпляетъ душу къ тѣлу и соединяетъ ее съ нимъ, какъ будто гвоздемъ, дѣлая ее нѣкоторымъ образомъ подобною тѣлу, такъ что она начинаетъ считать истиннымъ только то, въ истинности чего ее убѣждаетъ тѣло. Поэтому я думаю, что душа вслѣдствїе того, что она приходитъ въ понятїяхъ своихъ въ согласїе съ тѣломъ и увлекается имъ къ чувственнымъ наслажденїямъ, приобрѣтаетъ и свойства тѣла, начинаетъ питаться одною съ нимъ пищею ⁴⁵⁾ и навсегда становится неспособною отойти чистою въ область аида, но покидаетъ тѣло, полная тѣлеснымъ, такъ что поэтому скоро снова входитъ въ другое тѣло и укореняется въ немъ какъ будто посѣянная, лишаясь черезъ это общенїя съ божественнымъ и чистымъ и неизмѣннымъ.

— Ты говоришь вещи какъ нельзя болѣе истинныя, любезный Сократъ, сказалъ Кевисъ.

XXXIV. — Итакъ, вотъ вслѣдствїе чего, дорогой Кевисъ, истинные любители мудрости воздержны и мужественны, а вовсе не вслѣдствїе тѣхъ причинъ, которыя приводитъ большинство людей. Или и ты также думаешь?

— Нѣтъ, я рѣшительно смотрю на это иначе.

— Конечно, это мнѣнїе несправедливо. Душа истин-

наго философа будетъ разсуждать именно такъ и не будетъ думать, что философія должна ее освободить, а когда освобожденіе совершится, то душа можетъ предоставить удовольствіямъ и печалямъ связать себя снова и производить такимъ образомъ безконечную работу, которая представляла бы въ обратномъ смыслѣ работу станка Пенелопы ⁴⁶⁾. Напротивъ, душа философа, приобрѣтая душевный миръ, не возмущаемый удовольствіями или печалами, слѣдуя разуму и никогда съ нимъ не расходясь, созерцая истинное, божественное и неизмѣнное для мысли ⁴⁷⁾ и находя въ созерцаніи всего этого для себя пищу, считаетъ, что такъ должно жить, пока она живетъ на землѣ. Когда же она окончитъ земную жизнь, то переселяясь къ тому, что сродно и близко съ нею по природѣ, она освобождается отъ человѣческихъ золъ. Питавшись подобною пищею и проводивъ жизнь въ подобныхъ занятіяхъ, она не боится, друзья мои Симмій и Кевисъ, ничего для нея опаснаго, не боится, чтобы она не разсѣвалась при выходѣ изъ тѣла, не развѣвалась и не разносилась въ разныя стороны вѣтромъ и не обратилась бы такимъ образомъ въ ничто.

XXXV. Когда Сократъ окончилъ эту рѣчь, наступило продолжительное молчаніе: казалось, онъ весь углубился въ то, что было имъ доселѣ говорено, также какъ и большая часть изъ насъ. Симмій и Кевисъ вступили между собою въ недолгій разговоръ. Замѣтивъ это, Сократъ спросилъ ихъ:

— Какъ вы находите сказанное? вамъ представляется вопросъ недостаточно разсмотрѣннымъ? потому что въ самомъ дѣлѣ еще остается много сомнѣній и

возраженій для того, кто задался цѣлью изслѣдовать все это надлежащимъ образомъ. Итакъ, если вы бесѣдуете между собою о чемъ нибудь другомъ, то я ничего не имѣю сказать; но если вы имѣете еще сомнѣнія по тому же самому предмету, то начинайте немедленно въ свою очередь говорить и разсматривать вопросъ, какъ скоро находите, что объ этомъ можно сказать лучше. Примите соучастникомъ вашихъ бесѣдъ и меня, если надѣетесь, что обсуждая предметъ вмѣстѣ со мною, будете имѣть больше успѣха.

— Я тебѣ скажу всю истину, любезный Сократъ, отвѣчалъ Симмій. Оба мы, давно уже имѣя сомнѣнія, понуждаемъ и просимъ одинъ другого предложить ихъ тебѣ, желая слышать твое мнѣніе, но медлимъ тебя беспокоить, чтобы это не было тебѣ неприятно при твоёмъ настоящемъ несчастіи.

Сократъ, услышавъ это, кротко улыбнулся и сказалъ:

— Полно, другъ мой Симмій! Мнѣ въ самомъ дѣлѣ трудно убѣдить другихъ, что я не считаю несчастіемъ настоящей моей участи, если я не могу убѣдить въ этомъ даже васъ. Вы боитесь, чтобы я не чувствовалъ себя теперь въ болѣе тяжеломъ положеніи, нежели это бывало со мною въ прошлой моей жизни. Вы представляете, какъ видно, что я обладаю даромъ предвѣдѣнія будущаго въ меньшей степени, нежели лебеди, которые почувствовавъ, что имъ пришла пора умереть, поютъ ⁴⁸⁾ именно тогда самыя прекрасныя свои пѣсни, какихъ никогда не пѣвали прежде, радуясь что они отходятъ къ божеству, кото-

рому служить. Но люди, по свойственному имъ страху смерти, клеветуютъ на лебедей, говоря что они поютъ съ печали, оплакивая наступленіе смерти. Люди не разсуждаютъ, что ни одна птица не поетъ, когда терпитъ голодъ, холодъ или какое нибудь страданіе, — ни самый соловей, ни ласточка, ни удождъ, о которыхъ говорятъ, что они поютъ жалобныя пѣсни печалась. Мнѣ же представляется, что и эти птицы поютъ не по причинѣ печали и лебеди. Напротивъ, я думаю, что лебеди, какъ птицы Аполлона ⁴⁹⁾, обладаютъ даромъ предвѣдѣнія будущаго, и прозрѣвая блага аида, поютъ и радуются въ послѣдній свой день болѣе, чѣмъ пѣли и радовались прежде. Но я полагаю, что я и самъ сослужитель лебедей въ служеніи тому же богу и посвященъ ему, что я получилъ отъ нашего общаго повелителя даръ предвѣдѣнія будущаго не въ меньшей степени, чѣмъ онѣ, и что я печалюсь, покидая эту жизнь не болѣе, чѣмъ печалются онѣ ⁵⁰⁾. Поэтому вамъ нужно говорить и спрашивать меня, о чемъ хотите спросить, доколѣ это позволяютъ одиннадцать судей аэинянъ.

— Ты говоришь прекрасно, сказалъ Симмій. Я общу тебѣ, что возбуждаетъ сомнѣніе во мнѣ, а потомъ скажетъ и онѣ, въ силу чего онѣ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что было говорено. Я думаю, любезный Сократъ, обо всѣхъ подобнаго рода предметахъ то же самое что и ты: знать что нибудь въ этомъ случаѣ вполне достовѣрно въ жизни настоящей или невозможно или необыкновенно трудно. Но съ другой стороны, не изслѣдовать всѣми способами того, что о подобныхъ предметахъ говорятъ, и отставать

отъ изслѣдованія прежде, нежели вопросъ будетъ рассмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, — это свойственно человѣку крайне малодушному. Въ этомъ случаѣ нужно одно изъ двухъ: или узнать истину отъ другихъ или найти ее самому. Если же то и другое окажется невозможнымъ, то нужно выбрать изъ существующихъ по этому предмету человѣческихъ мнѣній дѣйствительно лучшее и наиболѣе недоступное для опроверженія и, ввѣрившись ему какъ не вполнѣ безопасной ладѣ, переплывать жизнь, какъ скоро нѣтъ возможности проходить ее болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ образомъ,—на болѣе прочномъ кораблѣ или съ помощію какого нибудь божественнаго наставленія. Итакъ я не буду стѣсняться предлагать тебѣ вопросы, потому что и ты этого желаешь, да и я самъ не буду обвинять себя впослѣдствіи, что не высказалъ всего, что мнѣ представляется по этому предмету. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ, любезный Сократъ, и когда я обсуждаю вопросъ самъ съ собою или вдвоемъ съ нимъ, все сказанное доселѣ не представляется еще достаточно убѣдительнымъ.

XXXVI. — Можетъ быть тебѣ представляется это справедливо, любезный другъ, замѣтилъ Сократъ, но скажи, въ чемъ именно находишь ты наши разсужденія недостаточными?

— Въ томъ, отвѣтилъ тотъ, что точно то же самое могъ бы кто нибудь сказать о гармоніи, лирѣ и струнахъ,—что гармонія въ издающей стройные звуки лирѣ есть нѣчто невидимое, безтѣлесное, всецѣло прекрасное и божественное, а самая лира и струны тѣлесны, матеріальны и сложны, принадлежатъ землѣ и

сродны смертному. Итакъ, если бы кто нибудь разломалъ лиру или разсѣкъ на части и порвалъ струны, онъ могъ бы на томъ же основаніи какъ и ты признавать необходимымъ, чтобы самая гармонія продолжала гдѣ нибудь существовать и не погибла, такъ какъ невозможно, чтобы лира съ порванными струнами и струны, представляющія собою смертное, продолжали существовать, а гармонія, присущая и сродная по природѣ божественному и бессмертному, погибла прежде смертнаго. Можно бы утверждать, что гармонія непременно должна гдѣ нибудь сохраняться, и что дерево и струны сгниютъ раньше, нежели потерпѣть что нибудь она. Я думаю, Сократъ, ты и самъ обратилъ вниманіе на то, что мы обыкновенно понимаемъ нашу душу почти слѣдующимъ образомъ: какъ тѣло наше представляетъ взаимодействіе и соединеніе теплаго, холоднаго, сухаго и влажнаго, такъ точно и наша душа есть смѣсь и гармонія тѣхъ же началъ, образующаяся изъ соразмѣрнаго, надлежащаго сочетанія ихъ между собою. Итакъ если душа есть нѣкотораго рода гармонія, то очевидно необходимо, чтобы въ то время, когда тѣло чрезмѣрно ослабляется или напрягается вслѣдствіе болѣзней и другихъ золь, душа, хотя по природѣ своей всецѣло божественная, погибала немедленно, подобно тому какъ погибаютъ другіе роды гармоніи, выражающейя въ звукахъ и во всѣхъ вообще произведеніяхъ художниковъ, а то, что остается отъ каждаго тѣла, сохранялось бы долгое время, до тѣхъ поръ, пока не будетъ сожжено или сгниетъ. Итакъ обрати вниманіе, Сократъ, что мы можемъ возразить на подобныя

разсужденія, если кто нибудь станетъ утверждать, что душа, будучи соединеніемъ началъ, составляющихъ тѣло, погибаетъ первою въ такъ называемой смерти.

XXXVII. Сократъ, обведши насъ внимательнымъ взглядомъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, и улыбнувшись сказалъ:

— Симмій однако говоритъ дѣло. Итакъ, если кто изъ васъ скорѣе умѣетъ выпутываться изъ подобнаго рода затрудненій чѣмъ я, то почему онъ не отвѣтилъ? Мнѣ кажется, онъ въ самомъ дѣлѣ возразилъ на мое разсужденіе недурно. Впрочемъ, я полагалъ бы, что прежде отвѣта нужно выслушать еще и Кевиса, — что онъ въ свою очередь скажетъ? Этимъ мы выиграемъ время, для того чтобы общими силами лучше обсудить, что мы можемъ отвѣтить на возраженія, а потомъ выслушавъ обоихъ, или согласиться съ ними, если найдемъ, что они смотрятъ на дѣло правильно, или же въ противномъ случаѣ защищать наше мнѣніе. Ну, любезный Кевисъ, продолжалъ онъ, скажи, что возбуждаетъ въ тебѣ сомнѣніе?

— Я тебѣ скажу, отвѣчалъ Кевисъ. Мнѣ кажется, что наше разсужденіе стоитъ на одномъ мѣстѣ, и возраженія, которыя мы привели прежде, еще сохраняютъ силу. Что наша душа существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ человѣческой образъ, я не отрицаю, что это доказано прекрасно и — если не будетъ съ нашей стороны нескромностью сказать — вполне удовлетворительно; но что она будетъ существовать и послѣ того, когда мы умремъ, — мнѣ не представляется доказаннымъ съ равной очевидностью. Я не согласенъ съ возраженіемъ Симмія, что душа не есть нѣчто бо-

лѣе сильное или долговѣчное чѣмъ тѣло, потому что она, какъ представляется мнѣ, всѣми подобными качествами далеко превосходитъ тѣло. Такъ что же ты — могъ бы спросить меня разсудокъ — все еще сомнѣваешься, когда самъ видишь, что послѣ того какъ чело-вѣкъ умретъ, слабѣйшая часть его продолжаетъ существовать: какъ же тебѣ не представляется необходимымъ, чтобы болѣе долговѣчное по природѣ также сохранялось въ теченіе этого времени? Обрати однако вниманіе, не покажется ли тебѣ важнымъ то, что я противъ этого скажу. Но, я думаю, что въ данномъ случаѣ и я какъ Симмій, нуждаюсь въ сравненіи. Мнѣ представляется, что все, что мы говоримъ, похоже на то, какъ если бы кто нибудь сталъ разсуждать совершенно такъ же объ умершемъ въ старости ткачѣ, то есть, что онъ не погибъ, а можетъ быть продолжаетъ гдѣ нибудь существовать, и въ доказательство представилъ бы сотканную этимъ ткачомъ и бывшую у него въ употребленіи одежду, выставляя, что одежда цѣла и не погибла, и когда такое разсужденіе нашли бы страннымъ, спросилъ: что долговѣчнѣе — чело-вѣкъ или одежда, которая ему служитъ и которую онъ носитъ, и послѣ отвѣта: что чело-вѣкъ гораздо долговѣчнѣе, — счелъ бы доказаннымъ, что въ силу этого несомнѣнно сохранился невредимымъ самый чело-вѣкъ, такъ какъ то, что имѣетъ менѣе продолжительное существованіе не погибло. Но я думаю, Симмій, что это не такъ; поэтому разсмотри внимательно, что я говорю. Каждый понимаетъ, что тотъ, кто сталъ бы это утверждать, утверждалъ бы нѣчто несообразное. Ткачъ этотъ, соткавшій и износившій много такихъ одеждъ, окончилъ

свое существованіе, переживши ихъ всѣ, и только относительно послѣдней одежды, думаю я, окончилъ существованіе прежде. Тѣмъ не менѣе человѣкъ въ силу этого не представляетъ собою чего нибудь болѣе слабаго или менѣе долговѣчнаго. Я думаю, что это сравненіе хорошо выражаетъ отношеніе души къ тѣлу, и тотъ, кто сказалъ бы это самое о нихъ, сказалъ бы справедливо, что душа есть нѣчто болѣе долговѣчное, а тѣло—болѣе слабое и менѣе долговѣчное. Онъ могъ бы при этомъ сказать, что каждая душа изнашиваетъ много тѣлъ, особенно если долго живетъ на землѣ; потому что если тѣло постоянно разрѣшается и уничтожается еще при жизни человѣка, а душа постоянно воссоздаетъ уничтожаемое, то очевидно что въ то время, когда душа должна умереть, она носитъ свою послѣднюю сотканную ею одежду и относительно одной этой одежды своей оканчиваетъ свое существованіе раньше. А какъ скоро погибаетъ душа, тогда и тѣло тотчасъ выказываетъ свою слабость и уничтожается, быстро согнивая. Итакъ, на основаніи этого разсужденія ни подъ какимъ видомъ нельзя имѣть твердой увѣренности, что душа наша продолжаетъ гдѣ нибудь существовать и послѣ нашей смерти. Если бы кто нибудь согласился даже съ мнѣніемъ человѣка, утверждающаго больше нежели сколько утверждаешь ты, уступивъ ему, что душа наша существовала не только во время, предшествовавшее нашему рожденію, но что ничто не мѣшаетъ душамъ нѣкоторыхъ людей сохраняться и послѣ того, когда мы умремъ, и продолжать существовать далѣе и много разъ воплощаться и разрѣшаться отъ тѣла снова, потому что природа души

до того сильна, что она выдерживаетъ многократныя рожденія,—если бы, говорю, ктонибудь согласился со всѣмъ этимъ: то ни въ какомъ случаѣ не согласился бы съ тѣмъ, что душа не утомляется наконецъ этими многочисленными рожденіями и не погибаетъ въ которойнибудь изъ смертей совершенно. Онъ прибавилъ бы къ этому, что той смерти и того разрушенія тѣла, которое приноситъ съ собой уничтоженіе для души, никто не можетъ чувствовать, такъ какъ чувствовать это кому бы то ни было невозможно. А если такъ, то очевидно, что никому не слѣдуетъ спокойно и съ увѣренностью встрѣчать смерть, потому что увѣренность въ этомъ случаѣ была бы безразсудна, какъ скоро нѣтъ возможности доказать, что душа всецѣло бессмертна и не разрушима. Если же доказать этого нельзя, то очевидно опять, что каждый, для кого наступаетъ смерть, всегда долженъ опасаться за свою душу, чтобы она не погибла при наступающемъ для нея разлученіи съ тѣломъ.

XXXVIII. Когда мы выслушали рѣчи обоихъ, у всѣхъ явилось непріятное чувство, какъ мы послѣ общали другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, едва только мы твердо убѣдились предыдущими разсужденіями, какъ эти новыя смутили насъ опять и породили въ насъ недовѣріе не только къ тому, что было говорено прежде, но и къ тому, что могло быть сказано по этому предмету далѣе. Мы начали опасаться, что или мы—ничего не стоящіе въ этомъ дѣлѣ судьи, или же самый предметъ можетъ возбуждать одни только сомнѣнія.

Эпекратъ. Клянусь богами, любезный Федонъ, я извиняю васъ въ этомъ; потому что, когда я слушаю тебя

теперь, то и мнѣ приходитъ на мысль сказать самому себѣ: какія же доказательства мы будемъ признавать несомнѣнными, когда доводы совершенно для насъ убѣдительные, которые изложилъ Сократъ, теперь потеряли въ глазахъ нашихъ довѣріе? На меня и теперь, какъ было со мною прежде, производитъ удивительное впечатлѣніе взгляды, что душа наша есть нѣкотораго рода гармонія. Высказанный теперь онъ только напомнилъ мнѣ, что мнѣ и самому всегда такъ представлялось, и я снова, какъ будто съ самаго начала, сильно нуждаюсь въ новомъ доказательствѣ, которое бы убѣдило меня, что вмѣстѣ съ умирающимъ не умираетъ его душа. Итакъ, ради Зевса, Расскажи намъ, какъ Сократъ излагалъ свои доказательства далѣе: былъ ли и онъ замѣтнымъ образомъ пораженъ при этомъ, какъ ты сообщалъ относительно насъ самихъ, неприятнымъ чувствомъ или нѣтъ, и онъ спокойно продолжалъ защищать свое мнѣніе, и доказалъ ли онъ его удовлетворительно или же недостаточно? Расскажи намъ все это, сколько только можешь, точнѣе.

Федонъ. Любезный Эхекратъ, я часто удивлялся Сократу, но никогда болѣе, какъ находившись у него въ этотъ разъ. Что онъ не затруднился отвѣтомъ, тутъ можетъ быть нѣтъ ничего удивительнаго; но я больше всего удивлялся въ немъ при этомъ случаѣ во первыхъ тому, съ какимъ удовольствіемъ, какъ благосклонно и одобрительно онъ выслушалъ рѣчи молодыхъ людей, потомъ, какъ тонко подмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное ими на насъ, и наконецъ какъ искусно при этомъ случаѣ намъ помогъ, и насъ какъ будто бы бѣгущихъ и побѣжденныхъ возвра-

тилъ назадъ, ободривъ присоединиться къ нему снова и вмѣстѣ съ нимъ продолжать изслѣдованіе.

Эжекрать. Какъ же именно?

Федонъ. Я тебѣ расскажу. Я случайно сидѣлъ по правую сторону у его постели, на небольшомъ возвышеніи, а онъ занималъ мѣсто гораздо выше меня. Вотъ, начавъ поводить рукою по моей головѣ и сжимая мнѣ волосы на шеѣ — онъ имѣлъ привычку играть при случаѣ моими волосами — онъ сказалъ:

Завтра, любезный Федонъ, ты быть можетъ обрѣжешь себѣ эти прекрасные волосы ⁵¹⁾.

— Конечно, любезный Сократъ, отвѣтилъ я.

— Ну, нѣтъ, сказалъ Сократъ, если только ты меня слушаешься.

— Что это значитъ? спросилъ я.

— Мы должны сегодня же, отвѣчалъ Сократъ, обрѣзать себѣ, — я свои, а ты вотъ эти волоса, если нашему разсужденію пришелъ конецъ и мы не въ силахъ его болѣе воскресить. Я по крайней мѣрѣ, если бы былъ на твоёмъ мѣстѣ и мое доказательство погибло, поклялся бы, какъ дѣлали Аргивяне ⁵²⁾, не прежде начать растить себѣ волосы, чѣмъ я одолѣю, возобновивъ бой, разсужденіе Симмія и Кевиса.

— Однако, замѣтилъ я, говорятъ, что съ двумя и Геркулесу трудно бороться ⁵³⁾.

— А ты, сказалъ Сократъ, призови въ качествѣ Юлая ⁵⁴⁾ меня, пока не кончился день.

— Ну, въ такомъ случаѣ призову, отвѣтилъ я, не какъ Геркулесъ, а какъ Юлай Геркулеса.

— Это все равно, сказалъ Сократъ.

XXXIX. — Но прежде всего надобно остерегаться, чтобы съ нами не случилось несчастія.

— Какого? спросилъ я.

— Того, чтобы мы не сдѣлались врагами изслѣдованій, какъ нѣкоторые дѣлаются врагами людей, потому что для человѣка нѣтъ большаго зла, какъ возненавидѣть изслѣдованія. Ненависть къ изслѣдованіямъ и ненависть къ людямъ образуются одинаковымъ образомъ. Ненависть къ людямъ проникаетъ въ нашу душу тогда, когда мы слишкомъ кому нибудь довѣряемъ безъ достаточныхъ основаній и, считая извѣстнаго человѣка вполне искреннимъ, безупречнымъ и заслуживающимъ довѣрія, спустя нѣкоторое время находимъ его злымъ и вѣроломнымъ, и точно также потомъ — другаго. Если бы это испыталъ кто нибудь много разъ, особенно по отношенію къ людямъ, которыхъ онъ считалъ наиболѣе близкими и дружески преданными ему, такой человѣкъ, много разъ обманувшись, кончилъ бы тѣмъ, что возненавидѣлъ бы всѣхъ людей вообще и началъ бы считать, что ни въ одномъ человѣкѣ нѣтъ рѣшительно ничего нравственно хорошаго. Не замѣчалъ ли ты, что это происходитъ подобнымъ образомъ?

— Совершенно такъ, отвѣтилъ я.

— Не постыдно ли это, сказалъ Сократъ, и не очевидно ли, что такой человѣкъ входитъ въ общеніе съ людьми, не обладая пониманіемъ того, что относится къ дѣламъ человѣческимъ, потому что, если бы онъ сообщался съ людьми, обладая пониманіемъ этого, онъ видѣлъ бы дѣло такъ, какъ оно есть, то есть, что число людей вполне хорошихъ или дурныхъ, —

то и другое не велико, а люди, занимающіе средину между одними и другими, — многочисленны.

— Какъ это? спросилъ я.

— Точно такъ, отвѣчалъ Сократъ, какъ бываетъ съ очень малыми и большими предметами. Думаешь ли ты, что существуетъ что нибудь болѣе рѣдкое, чѣмъ найти человѣка очень большаго или очень маленькаго, собаку или что нибудь въ этомъ родѣ? Или точно такимъ же образомъ, — быстрое или медленное, прекрасное или безобразное, бѣлое или черное? Не замѣчалъ ли ты, что во всѣхъ подобнаго рода предметахъ крайности рѣдки и ограниченны въ числѣ, а явленія, представляющія средину, часты и многочисленны?

— Конечно, отвѣтилъ я.

— Не будешь ли ты согласенъ и съ тѣмъ, что если бы было предложено состязаніе въ злобѣ, то и здѣсь очень немногіе оказались бы первыми.

— Естественно, отвѣтилъ я.

— Конечно естественно, сказалъ Сократъ, но не въ этомъ изслѣдованіи представляютъ сходство съ людьми, — я слѣдовалъ въ моей рѣчи куда ты меня вель — а въ томъ, если кто нибудь принимаетъ извѣстное разсужденіе за истинное, не обладая способностью разсуждать, а потомъ немного спустя оно покажется ему ложнымъ, хотя бы самое разсужденіе въ одномъ случаѣ было, а въ другомъ не было такимъ, и затѣмъ это разсужденіе представится ему инымъ, а потомъ снова — инымъ. Это попреимуществу бываетъ съ людьми, которые любятъ разсуждать за и противъ извѣстной истины; ты знаешь, что эти люди кончаютъ убѣжденіемъ, что они достигли высшей степени мудро-

сти и одни изъ всѣхъ поняли, что ни въ предметахъ, ни въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего истиннаго и постояннаго, но что все движется впередъ и назадъ, какъ въ Еврипѣ⁵³), и не остается ни минуты въ томъ же положеніи.

— Совершенно такъ, отвѣтилъ я; ты говоришь справедливо.

— Такимъ образомъ, не было ли бы печально, любезный Федонъ, если бы ктонибудь, въ то время какъ существуетъ разсужденіе истинное и здоровое и понятное для ума, выслушавъ разсужденія такого рода, которыя въ одно время представляются истинными, а въ другое нѣтъ, сталъ бы обвинять не самого себя или свою неумѣлость, а кончилъ бы тѣмъ, что въ досадѣ охотно перенесъ бы вину съ самого себя на разсужденія вообще и въ остальное время жизни ненавидѣлъ бы ихъ и порицалъ, лишивъ себя такимъ образомъ истины и познанія бытія?

— Клянусь Зевесомъ, отвѣтилъ я; это было бы крайне печально.

XL. — Итакъ, сказалъ Сократъ, будемъ остерегаться этого прежде всего, не позволяя входить къ намъ въ душу той мысли, что едва ли разсужденія заключаютъ въ себѣ чтонибудь здоровое; будемъ лучше смотрѣть на дѣло такъ, что мы сами не находимся въ здоровомъ состояніи: нужно имѣть мужество и заботиться о томъ, чтобы возвратить себѣ здоровье. Тебѣ и другимъ это необходимо ради остальной вашей жизни, а мнѣ—ради смерти, потому что я опасаясь, что я и самъ, при изслѣдованіи настоящаго вопроса, нахожусь не въ философскомъ настроеніи, а въ такомъ, которое

свойственно чуждымъ знанія любителямъ преній. Извѣстно, что люди этого рода, когда ведутъ о чемънибудь споръ, заботятся не объ истинѣ, о которой идетъ рѣчь, а о томъ, чтобы то, что они утвердили, показалось истиной присутствующимъ. И мнѣ кажется, что я въ настоящемъ случаѣ отличаюсь отъ нихъ только тѣмъ, что забочусь не о томъ, чтобы то, что я высказываю въ моихъ разсужденіяхъ, явилось истиной въ глазахъ присутствующихъ,— это для меня вопросъ второстепенный — а о томъ, чтобы все это получило значеніе какъ нельзя болѣе очевидной истины для меня самого. Я веду это разсужденіе, мой дорогой другъ, и посмотри— съ какою выгодною лично для себя. Если то, что я говорю, истина, то въ этомъ хорошо убѣдиться. Если же для человѣка, окончившаго жизнь, ничего болѣе нѣтъ, то въ теченіе времени, которое мнѣ остается еще до смерти, я не буду возбуждать моими сѣтованіями непріятнаго чувства въ присутствующихъ, и незнаніе въ этомъ случаѣ не будетъ для меня продолжительно, потому что это было бы зло, а окончится черезъ небольшой промежутокъ времени. Приготовившись такимъ образомъ, друзья мои Симмій и Кевисъ, сказалъ Сократъ, я приступаю къ изслѣдованію. Вы же, если хотите быть мнѣ послушны, придавайте мало значенія Сократу, а гораздо болѣе истинѣ. Если вамъ покажется, что я говорю справедливо,— согласитесь со мною. Если же вы этого не найдете,— сопротивляйтесь мнѣ всѣми возможными способами, остерегаясь, чтобы я не обманулъ отъ большаго усердія и себя и васъ и не ушелъ потомъ, оставивъ въ васъ подобно пчелѣ свое жало.

XLI.—Однако нужно начинать, сказалъ Сократъ. Но прежде напомните мнѣ то, что вы говорили, если найдете, что я не помню хорошо. Симмій, какъ мнѣ кажется, сомнѣвается и боится, чтобы душа, хотя она есть нѣчто болѣе божественное и прекрасное, чѣмъ тѣло, не погибала прежде его, будучи нѣкотораго рода гармоніей. Кевисъ же, какъ мнѣ показалось, согласился со мною въ томъ, что душа дѣйствительно долговѣчнѣе тѣла, но прибавилъ къ этому, что никому неизвѣстно, — не бываетъ ли такъ, что послѣ того какъ душа износитъ въ многократныхъ рожденіяхъ своихъ много тѣлъ и покинетъ послѣднее, — погибаетъ наконецъ и сама, и это собственно и составляетъ смерть — уничтоженіе души, потому что тѣло находится въ состояніи постояннаго разрушенія. Это ли именно, друзья мои Симмій и Кевисъ, нужно намъ изслѣдовать?

Оба согласились, что это самое.

— А предыдущія наши разсужденія, — спросилъ Сократъ, — отвергаете ли вы ихъ всѣ, или же только нѣкоторыя, а другія нѣтъ?

— Одни, отвѣчали они, принимаемъ а другихъ нѣтъ.

— Какъ же вы смотрите, продолжалъ Сократъ, на то разсужденіе, въ которомъ мы доказывали, что ученіе есть припоминаніе, и если такъ, то необходимо, чтобы наша душа существовала гдѣ нибудь прежде, чѣмъ воплотилась въ тѣло?

— Что касается до меня, сказалъ Кевисъ, то я и тогда удивительно какъ былъ имъ убѣжденъ и теперь держусь его тверже чѣмъ какаго бы то ни было другаго мнѣнія.

— И я также, сказалъ Симмій, и я бы очень удивлялся, если бы это мнѣ когда нѣбудь представилось иначе.

— Но тебѣ необходимо, мой дорогой ѳиванскій гость, возразилъ Сократъ, думать иначе, если только ты остаешься при томъ мнѣніи, что гармонія представляетъ собою нѣчто сложное, а душа есть нѣкотораго рода гармонія, слагающаяся изъ началъ, образующихъ тѣло; потому что ты конечно не призналъ бы за истину даже своихъ собственныхъ словъ, если бы сказалъ, что гармонія образовалась прежде, чѣмъ явилось то, изъ чего ей нужно образоваться. Или ты это допустишь?

— Ни подъ какимъ видомъ, Сократъ, отвѣтилъ Симмій.

— Но не замѣчаешь ли ты, возразилъ Сократъ, что ты утверждаешь именно это самое, когда говоришь, что душа существовала пржде, чѣмъ воплотилась въ образъ и тѣло человѣка? Очевидно, что она образовалась изъ того, что еще не существовало, потому что и въ самомъ дѣлѣ гармонія не походитъ на то, съ чѣмъ ты ее сравниваешь: лира, струны и звуки, еще не приведенные въ согласованіе, существовали прежде; гармонія же является послѣ всего этого и погибаетъ первою. Какимъ же образомъ это разсужденіе твое будетъ находиться въ гармоніи съ тѣмъ?

— Рѣшительно нѣтъ, сказалъ Симмій.

— А между тѣмъ возразилъ Сократъ, если какое разсужденіе должно заключать въ себѣ гармонію, то конечно прежде всего разсужденіе о гармоніи.

— Совершенно необходимо, сказалъ Симмій.

— Но это разсужденіе, возразилъ Сократъ, не

представляетъ у тебя согласія съ тѣмъ. Теперь смотри: которое изъ двухъ разсужденій ты предпочтешь, — то ли, что ученіе есть припоминаніе, или что душа есть гармонія?

— Гораздо болѣе то, первое, любезный Сократъ, отвѣтилъ Симмій, потому что послѣднее образовалось у меня безъ доказательства, на основаніи вѣроятности и кажущейся стороны дѣла, какъ представляется это же самое и большей части людей. Но я знаю, что разсужденія, которыя основываются на вѣроятностяхъ, шатки, и если ихъ не остерегаться, то они жестоко обманываютъ, — въ геометріи какъ и во всемъ другомъ. А то разсужденіе — о припоминаніи и ученіи утверждено нами на началѣ, которое заслуживаетъ того, чтобы его принять. Потому что тогда было сказано, что душа наша существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ человѣческое тѣло, такъ какъ ей принадлежитъ сущность, носящая имя бытія. Я призналъ тогда это мнѣніе за истину, какъ я убѣжденъ, основательно и справедливо. Итакъ въ силу этого мнѣ представляется необходимымъ, чтобы я уже не слушалъ ни самого себя ни другаго, кто сталъ бы говорить, что душа есть гармонія.

XLII. — А что ты скажешь, Симмій, продолжалъ Сократъ, рассматривая предметъ съ слѣдующей стороны. Думаешь ли ты, что гармонія или какомунибудь другому сочетанію, свойственно находиться въ иномъ состояніи, нежели въ какомъ находятся начала, изъ которыхъ чтонибудь сложилось?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— И точно также, представляется мнѣ, чтонибудь

дѣлать или претерпѣвать отличное отъ того, что дѣлаютъ или претерпѣваютъ начала?

Тотъ согласился что нѣтъ.

— Не должна ли поэтому гармонія не руководить началами, изъ которыхъ она сложилась, а подчиняться имъ.

Онъ былъ того же мнѣнія.

— Итакъ далеко отъ того, чтобы гармонія двигалась или звучала иначе, или представляла вообще какое бы то ни было противорѣчье съ образующими ее началами?

— До этого далеко, сказалъ Симмій.

— Что же далѣе? Не является ли всякая вообще гармонія по природѣ своей гармоніей въ той степени, въ какой она приведена въ согласованіе?

— Я этого не понимаю, сказалъ Симмій.

— Не бываетъ ли обыкновенно такъ, что чѣмъ больше, чѣмъ въ высшей степени она приведена въ согласованіе, — если только это можно допустить вообще—тѣмъ болѣе совершенной и высшей она является гармоніей; а чѣмъ меньше и въ низшей степени, тѣмъ менѣе совершенной и въ меньшей степени?

— Совершенно вѣрно.

— А имѣетъ ли это мѣсто относительно души, чтобы одна душа была хоть на самую малость больше и въ высшей степени душою, или наоборотъ—меньше и въ низшей степени душою, чѣмъ другая?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— Теперь скажи мнѣ, ради Зевса, продолжалъ Сократъ,—не говорятъ ли объ одной душѣ, что она обладаетъ умомъ и добродѣтелью и что она хороша,

а о другой, — что она отличается глупостью и порочностью и что она зла? И не говорят ли въ этомъ случаѣ справедливо?

— Конечно справедливо.

— Ну, а изъ числа людей, принимающихъ душу за гармонію, какъ назоветъ ктонибудь такія присущія душамъ свойства какъ добродѣтель и порокъ? Приметь ли онъ опять то и другое за какуюнибудь другую гармонію и дисгармонію и будетъ говорить, что одна душа — душа добрая — находится въ состояніи гармоніи, и будучи гармоніей по природѣ, носитъ въ себѣ еще другую гармонію, а другая душа — злая — находится въ состояніи дисгармоніи и не носитъ въ себѣ гармоніи?

— Я, по крайней мѣрѣ, не буду такъ говорить, сказалъ Симмій, но очевидно, что именно нѣчто подобное утверждалъ бы тотъ, кто принимаетъ душу за гармонію.

— Но мы уже согласились прежде, сказалъ Сократъ, что ни одна душа не есть въ большей или меньшей степени душа чѣмъ каждая другая, а это есть признаніе того, что ни одна гармонія не есть въ большей или высшей, или напротивъ въ меньшей или низшей степени гармонія, чѣмъ другая, — не правда ли?

— Конечно.

— А не будучи гармоніей въ большей или меньшей степени, гармонія не представляетъ большаго или меньшаго согласованія. Не такъ ли?

— Такъ.

— Не представляя же согласованія въ большей или меньшей степени, можетъ ли гармонія быть гармоніей

въ большей или меньшей степени, или только въ равной?

— Въ равной.

— Итакъ душа—въ силу того, что ни одна душа не есть въ большей или меньшей степени душа, чѣмъ каждая другая—не представляетъ бѣльшаго или меньшаго согласованія?

— Такъ.

— А если такъ, то душа не можетъ быть причастна дисгармоніи или гармоніи въ большей степени?

— Конечно нѣтъ.

— А въ такомъ случаѣ можетъ ли одна душа быть болѣе порочною или добродѣтельною, нежели другая, если порокъ есть дисгармонія, а добродѣтель — гармонія?

— Ни подъ какимъ видомъ—болѣе.

— По здравому разсужденію, любезный Симмій, правильнѣе будетъ сказать, что ни одна душа не можетъ быть причастна порока, если она есть гармонія, потому что гармонія будучи этимъ всецѣло, то есть гармоніей, никогда не можетъ быть постоу причастна дисгармоніи.

— Разумѣется нѣтъ.

— А слѣдовательно, и душа—въ силу того, что она есть всецѣло душа—порока.

Какъ это возможно послѣ того, что сказано?

— На основаніи этого разсужденія слѣдовательно всѣ души всѣхъ живыхъ существъ будутъ для насъ одинаково добры, если только въ природѣ всѣхъ душъ заключается одинаково это свойство — быть душами.

— Мнѣ по крайней мѣрѣ представляется такъ, Сократъ, сказалъ Симмій.

— А признаешь ли ты, что это разсужденіе основательно, и что оно должно придти къ такому выводу, если бы справедливо было положеніе, что душа есть гармонія?

— Ни подь какимъ видомъ это разсужденіе не представляется мнѣ основательнымъ.

XLIII. — Теперь скажи мнѣ вотъ что, продолжалъ Сократъ: изъ всего, что только есть въ человѣкѣ, можешь ли ты указать что нибудь, что господствовало бы въ немъ кромѣ души, а особенно если это будетъ душа мудрая?

— Я по крайней мѣрѣ не могу.

— Уступаетъ ли душа тѣлеснымъ влеченіямъ, или же противится имъ? Я разумѣю напр. слѣдующее: при ощущеніи жара или жажды душа направляетъ насъ къ тому, чтобы не пить, при ощущеніи голода къ тому чтобы не ѣсть, и въ тысячѣ другихъ случаевъ мы видимъ, что душа противится пожеланіямъ тѣла. Не такъ ли?

— Совершенно справедливо.

— Но не согласились ли мы съ другой стороны въ прежде сказанномъ, что душа, будучи гармоніей, никогда не могла бы звучать иначе, чѣмъ то, что ее напрягаетъ или ослабляетъ или приводитъ въ движеніе, и вообще—какія бы ни происходили измѣненія въ началахъ, когорыя ее образуютъ,—она можетъ только повиноваться имъ, но не руководить ими?

— Да, мы въ этомъ согласились, сказалъ Симмій: да какъ же этого и не признать?

— А между тѣмъ что же мы видимъ? Не оказывается ли, что душа дѣйствуетъ совершенно противо-

положнымъ образомъ, управляя началами, изъ которыхъ она, какъ сказалъ бы кто нибудь, сложена, противится имъ почти во всемъ всю жизнь и повелѣваетъ имъ всѣми способами, укрощая однѣ наклонности сурово и болѣзненно — съ помощію гимнастики и медицины, а другія болѣе кротко, угрожая тѣмъ и увѣщевая эти, — желанія, гнѣвъ и страхъ, и бесѣдуя съ ними, какъ что то отличное съ чѣмъ то отличнымъ другимъ? Это самое представляетъ въ Одиссеѣ Гомеръ, гдѣ онъ говоритъ объ Одиссеѣ:

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
„Сердце, смиришь: ты гнусѣйшее вытерпѣть силу имѣло“.

Ужели ты думаешь, что поэтъ написалъ это, считая душу гармоніей и чѣмъ то способнымъ руководиться пожеланіями тѣла, а не руководить ими и повелѣвать, или не представляя души чѣмъ то гораздо болѣе божественнымъ, чтобы ее можно было приравнивать къ гармоніи?

— Клянусь Зевсомъ, любезный Сократъ, мнѣ по крайней мѣрѣ не представляется такъ.

— Итакъ, дорогой другъ мой, намъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ называть душу гармоніей: иначе мы очевидно не будемъ, согласны ни съ Гомеромъ, божественнымъ поэтомъ, ни сами съ собою.

— Это такъ, отвѣчалъ Симмій.

XLIV. — Ну и хорошо, сказалъ Сократъ. Теперь еванская гармонія ⁵⁶), какъ кажется, нѣсколько утихла; но какъ, любезный Кевись, — какими доводами успокоимъ мы Кадма?

— Ты, я думаю, найдешь, сказалъ Кевись, потому что это разсужденіе о гармоніи ты велъ удивительно какъ выше моего ожиданія. Когда Симмій изложилъ то,

въ чемъ онъ сомнѣвался, я съ удивленіемъ представлялъ, чтобы ктонибудь могъ противопоставить чтонибудь его разсужденіямъ. Тѣмъ болѣе я былъ пораженъ, что онъ тотчасъ же не могъ выдержать перваго натиска твоей рѣчи. Итакъ я не удивился бы, если бы и разсужденіе Кадма испытало ту же участь.

— О мой добрый другъ, сказала Сократъ, не выражайся такъ высокомерно, чтобы чьянибудь зависть не уничтожила заранее разсужденія, къ которому мы хотимъ приступить ⁸⁷). Впрочемъ, предоставимъ это попеченію бога; сами же мы, сошедшись другъ съ другомъ на бой, какъ герои Гомера, изслѣдуемъ, — имѣешь ли силу твое возраженіе? Сущность того, что ты ищешь разрѣшить, заключается въ слѣдующемъ: ты требуешь доказательствъ на то, что душа наша неразрушима и бессмертна; ты боишься, чтобы философъ, который сохраняетъ твердость духа при наступленіи смерти и думаетъ, что онъ будетъ несравненно блаженнѣе въ другомъ мірѣ, нежели какъ если бы онъ умеръ, проведши иначе земную жизнь, — ты боишься, говорю, чтобы философъ этотъ не питалъ въ этомъ случаѣ безразсудной и напрасной надежды. По твоему мнѣнію показать, что душа есть нѣчто сильное и богоподобное, что она существовала прежде, чѣмъ мы сдѣлались людьми, вовсе не значитъ доказать ея бессмертіе, а только то что она долговѣчна, что она существовала гдѣ то до этого безконечное число лѣтъ, многое знала и дѣлала, но тѣмъ не менѣе не была бессмертна. Ты говоришь, что самый приходъ ея въ человѣческое тѣло составляетъ для нея начало погибели, какъ будто бы нѣкотораго рода болѣзнь, такъ

что она проводить земную жизнь, претерпѣвая страданія, а окончивая ее, уничтожается совершенно въ такъ называемой смерти. Ты говоришь, что по отношенію къ опасеніямъ, которыя каждый изъ насъ можетъ въ этомъ случаѣ имѣть, рѣшительно все равно, — входитъ ли она въ тѣло одинъ или много разъ, и что каждый, кто только не безуменъ, долженъ имѣть опасенія, не зная и не имѣя возможности доказать; что она безсмертна. Это, я думаю, любезный Кевисъ, составляетъ приблизительно то, что ты говоришь. Я съ намѣреніемъ повторяю слова твои много разъ для того, чтобы чтонибудь не ускользнуло отъ насъ, и ты, по своему желанію, могъ бы чтонибудь прибавить или убавить.

А Кевисъ отвѣчалъ:

— Я въ настоящемъ случаѣ не имѣю нужды ни убавлять ни прибавлять ничего: это то самое, что я хочу сказать.

XLV. Сократъ послѣ долгаго молчанія и размышленія сказалъ:

Ты ищешь разрѣшить, другъ мой Кевисъ, не легкій вопросъ, потому что для этого нужно изслѣдовать причину рожденія и уничтоженія вообще. Итакъ если хочешь, я расскажу тебѣ, какъ было въ этомъ случаѣ со мною, а ты, если чтонибудь изъ того, что я скажу, покажется тебѣ годнымъ для твоего собственнаго убѣжденія въ предметѣ изслѣдованія, воспользуешься имъ.

— Само собою разумѣется, отвѣчалъ Кевисъ, что я этого желаю.

— Итакъ выслушай мой рассказъ. Я, любезный

Кевисъ, началъ Сократъ, въ молодости имѣлъ удивительно сильное стремленіе къ той наукѣ, которую называютъ наукой о природѣ. Мнѣ представлялось выше всякаго другаго знанія — знать причины всего существующаго: въ силу чего явленіе образуется, въ силу чего исчезаетъ и въ силу чего существуетъ. Я долго переходилъ отъ одного мнѣнія къ другому, стараясь разрѣшить прежде всего слѣдующее: не бываетъ ли такъ, что послѣ того какъ что нибудь теплое или холодное подвергнется извѣстному разложенію, какъ утверждали нѣкоторые ⁵⁸⁾, тогда образуются живыя существа? И не есть ли кровь та сила ⁵⁹⁾, помощію которой мы мыслимъ, или воздухъ ⁶⁰⁾, или огонь ⁶¹⁾, или же ни одинъ изъ этихъ предметовъ а мозгъ ⁶²⁾, производитъ въ насъ впечатлѣнія слуха, зрѣнія и обонянія; изъ впечатлѣній образуются потомъ воспоминаніе и представленія, а изъ воспоминанія и представленія, установившихся и утвердившихся въ насъ, образуется знаніе? Потомъ, когда я разсматривалъ переходимость всего этого, равно какъ и перемѣны, происходящія на небѣ и на землѣ я кончилъ тѣмъ, что нашелъ себя неспособнымъ къ такому изслѣдованію болѣе, чѣмъ къ чему бы то ни было другому. Я вслѣдствіе этого способа изслѣдованія такъ ослѣпъ даже относительно того, что прежде зналъ хорошо, какъ по крайней мѣрѣ казалось мнѣ самому и другимъ, что отвыкъ понимать даже то, что до этого времени, какъ я представлялъ, я зналъ, и въ частности — какимъ образомъ растетъ человѣкъ. Прежде я считалъ очевиднымъ для каждаго, что это совершается черезъ посредство пищи и питья. Такъ какъ черезъ

употребленіе пици плоть прибавляется къ плоти, а къ костямъ кости, и точно также въ той же соразмѣрности ко всѣмъ другимъ частямъ прибавляется то, что каждой изъ нихъ сродно, то черезъ это происходитъ что то, что было сначала немногимъ, становится многимъ, и человѣкъ маленькій дѣлается большимъ. Такъ я тогда объ этомъ думалъ: находишь ли ты это основательнымъ?

— Да, мнѣ представляется такъ, сказалъ Кевисъ.

— Разсмотри также слѣдующее. Я всегда находилъ разумнымъ мнѣніе, что человѣкъ большаго роста, стоящій подлѣ человѣка маленькаго роста, выше послѣдняго головой, и точно такимъ же образомъ одна лошадь — выше другой. Еще очевиднѣе слѣдующее. Десять казалось мнѣ больше восьми по причинѣ присутствія въ первомъ числѣ двухъ лишнихъ единицъ, и все двухлоктевое больше однолоктеваго черезъ то, что первое половиной превосходитъ послѣднее.

— А теперь, спросилъ Кевисъ, какъ ты думаешь объ этомъ?

— Клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Сократъ, я очень далеко отъ мысли, что я знаю причину которагонибудь изъ этихъ явленій, — я, который не могу представить, чтобы послѣ того какъ ктонибудь прибавить единицу къ единицѣ, — превращалась бы въ два или та единица, къ которой прибавлена другая, или же прибавленная и та, къ которой прибавлено, черезъ прибавленіе ихъ одной къ другой образовали два. Меня удивляетъ, что въ то время какъ каждая единица, одна безъ другой, была единицей и объ онѣ не были двумя, послѣ того какъ онѣ приблизились

одна къ другой, — это составило причину, по которой онѣ сдѣлались двумя, то есть поставленіе ихъ одной подлѣ другой. Точно также я не могу увѣрить себя, что если кто нибудь раздѣлитъ единицу надвое, то раздѣленіе опять составляетъ причину образованія двухъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ причина образованія двухъ противоположна первой. Въ первомъ случаѣ это произошло такимъ образомъ, что двѣ единицы были помѣщены одна подлѣ другой и одна прибавлена къ другой, а теперь — черезъ то, что одна единица отделяется и разъединяется съ другою. Точно такимъ же образомъ я не увѣренъ, что знаю, какъ образуется единица, ни того — чтобы все сказать однимъ словомъ — почему, на основаніи этого способа изслѣдованія, что нибудь рождается, погибаетъ или существуетъ. Я принялъ въ этомъ случаѣ другой способъ изслѣдованія, какой только наугадъ могъ придумать самъ, а этого одобрить никакимъ образомъ не могу.

XLVI. — Когда же я однажды услышалъ, какъ нѣкто читалъ въ книгѣ, написанной, какъ онъ сказалъ, Анаксагоромъ, что умъ есть устроитель и виновникъ всего, я обрадовался этой причинѣ. Мнѣ показалось въ извѣстномъ отношеніи правильнымъ, что виновникъ всего — умъ. И я началъ думать, что если это такъ, то приводящій все въ порядокъ умъ все устрояетъ и помѣщаетъ каждый отдѣльный предметъ такимъ образомъ, чтобы это представляло самое лучшее. Итакъ если бы кто захотѣлъ найти причину, вслѣдствіе которой то или другое рождается, погибаетъ или существуетъ, то надобно опредѣлить относительно каждаго предмета, какъ ему лучше всего существовать

или что претерпѣвать или дѣлать. Такимъ образомъ на основаніи этого начала, человѣку нужно изслѣдовать какъ относительно себя такъ и относительно всего другаго не иное что, какъ самое лучшее и совершенное, при чемъ онъ необходимо узнаетъ и самое худшее, потому что познаніе того и другаго одинаково. Такъ разсуждая, я съ радостію думалъ о томъ, что нашелъ въ Анаксагорѣ учителя, который объяснить мнѣ причины всѣхъ вообще явленій согласно моему желанію, который сообщитъ мнѣ сначала, плоская земля или круглая, а сообщивъ это, объяснить причину и необходимость того или другаго, возводя ихъ къ началу наилучшаго и показывая, что ей лучше быть именно такою. Сказавши далѣе, что земля находится въ центрѣ міра ⁶³), покажетъ, что ей лучше находиться въ центрѣ міра; и если бы онъ мнѣ это доказалъ, — я былъ бы готовъ не искать болѣе никакой другой причины. Точно такое же изслѣдованіе я готовъ былъ предпринять относительно солнца, луны и прочихъ свѣтилъ, ихъ взаимной скорости, обращенія и всего вообще происходящаго съ ними, — какимъ образомъ представляется лучшимъ, чтобы каждое изъ нихъ производило или испытывало то, что каждое испытываетъ. Я никогда не думалъ, чтобы этотъ философъ, послѣ того какъ онъ однажды призналъ, что все это устроено умомъ, сталъ бы приводить потомъ какую нибудь другую причину кромѣ той, что имъ лучше быть такъ, какъ они есть. Я думалъ, что такой философъ, объясняя мнѣ причину каждаго отдѣльнаго явленія и всѣхъ вмѣстѣ, долженъ показать то, что составляетъ самое лучшее для

каждаго изъ нихъ и для всѣхъ вообще. Я не отдалъ бы въ этомъ случаѣ моихъ надеждъ за дорогую цѣну, но принявшись со всею ревностью за эти книги, я прочелъ ихъ со всевозможной для меня скоростью, для того чтобы какъ можно скорѣе достигъ познанія самаго лучшаго и худшаго.

XLVII.—Но эта чудная надежда, любезный другъ, у меня быстро исчезла. По мѣрѣ того какъ я подвигался въ чтеніи впередъ, я видѣлъ человѣка, который не дѣлалъ никакого приложенія изъ ума и не къ нему возводилъ причины правильнаго распорядка вещей, а поставлялъ ихъ въ воздухѣ, эфирѣ, водѣ и многихъ другихъ, также неразумно принятыхъ имъ началахъ. Мнѣ показалось, что съ этимъ философомъ случилось то же самое, какъ если бы ктонибудь сказалъ: все, что Сократъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ, руководясь умомъ. А потомъ, начавши говорить о причинахъ каждая моего дѣйствія въ частности, сказалъ бы прежде всего, что я сижу здѣсь теперь потому, что тѣло мое состоитъ изъ костей и нервъ, что кости тверды и отдѣлены одна отъ другой суставами, что нервы способны напрягаться и ослабляться, а кости покрыты мясомъ и кожей, которая сдерживаетъ то и другое. Поэтому кости, будучи свободны въ мѣстахъ соединеній, а нервы, имѣя способность ослабляться и напрягаться, даютъ мнѣ теперь возможность сгибать мои члены, и это составляетъ причину, по которой я склонившись сижу здѣсь. Точно такую же несообразность представляло бы, если бы ктонибудь сталъ приводить въ объясненіе того, почему мы въ настоящее время бесѣдуемъ, такія причины, какъ голосъ, воз-

духъ, слухъ и тысячи другихъ подобныхъ, вмѣсто того чтобы указать на настоящія, а именно, что послѣ того какъ аѳиняне сочли за лучшее осудить меня, нашель лучшимъ и болѣе справедливымъ и я сидѣть здѣсь въ ожиданіи казни, къ которой они меня присудили. Потому что, клянусь собакою ⁶⁴), давно уже эти нервы и кости находились бы, я думаю, подлѣ Мегары или вблизи Беотянъ ⁶⁵), перенесенныя туда надеждой на лучшее, если бы я не считалъ болѣе справедливымъ и болѣе прекраснымъ, вмѣсто того чтобы бѣжать и стараться ускользнуть, понести наказаніе, которое опредѣлила мнѣ республика. Итакъ называть подобныя вещи причинами слишкомъ странно. Если бы кто нибудь сказалъ, что не имѣя этого — костей и нервъ и всего вообще, что я имѣю, я не былъ бы въ состояніи дѣлать того; что нахожу нужнымъ, тотъ сказалъ бы истину. Но сказать, что это составляетъ причину, по которой я дѣлаю то, что дѣлаю, что я въ этомъ случаѣ дѣйствую умомъ, а не въ выборѣ наилучшаго, значитъ сказать крайнюю нелѣпость. Это значитъ не быть въ состояніи различать, что иное дѣло — причина, а иное то, безъ чего причина не была бы причиной. Ее то, представляется мнѣ, большая часть людей изслѣдуетъ ощупью какъ бы въ темнотѣ, и называя ее чуждымъ ей именемъ, выдаетъ за причину совершенно другое. Вотъ почему одинъ окружаетъ землю приносящимся съ небесъ вихремъ и дѣлаетъ ее неподвижною, другой подпираетъ основаніе ея воздухомъ какъ будто основаніе какого то широкаго сосуда, но той силы, которая способна расположить все это наилучшимъ образомъ — такъ, какъ все это расположено, — они не ищутъ и не

думаютъ о томъ, что она представляетъ собою вѣчто божественное. Они надѣются найти для всего этого Атланта ⁶⁶), болѣе сильнаго и безсмертнаго и болѣе способнаго все содержать, но ничуть не представляютъ, что только доброе и справедливое все соединяетъ и поддерживаесть. Что касается до меня, то я, чтобы узнать эту причину, съ радостью сдѣлался бы чьимъ угодно ученикомъ. И послѣ того какъ мнѣ не удалось исканіе ея и я не могъ ни найти ее самъ, ни узнать отъ другихъ, я предпринялъ вторичное плаваніе — на поиски за этой причиной, и хочешь ли, любезный Кевись, сказалъ Сократъ, чтобы я рассказалъ тебѣ объ этомъ?

— Я чрезвычайно этого желаю, отвѣчалъ Кевись.

XLVIII. — Послѣ того какъ, началъ Сократъ, я отказался отъ изслѣдованія бытія, я счелъ нужнымъ остерегаться, чтобы не испытать того, что испытываютъ люди, созерцающіе и наблюдающіе солнечное затмѣніе, потому что нѣкоторые портятъ себѣ зрѣніе, если наблюдаютъ образъ свѣтила не въ водѣ или въ чемъ нибудь подобномъ. Нѣчто въ этомъ родѣ изслѣдовалъ и я и боялся, чтобы мое духовное зрѣніе во все не померкло, если я буду смотрѣть на предметы глазами или соприкасаться съ ними помощію каждаго другаго изъ тѣлесныхъ чувствъ. Вслѣдствіе этого мнѣ показалось необходимымъ, обратившись къ разумнымъ основаніямъ, въ нихъ искать объясненія истинной сущности бытія. Впрочемъ можетъ быть образъ, который я беру для сравненія, въ данномъ случаѣ не подходитъ, потому что я совершенно не согласенъ съ тѣмъ, что тотъ, кто изслѣдуетъ бытіе съ помощію разумныхъ основаній, лучше изслѣдуетъ его въ образахъ.

нежели въ самыхъ предметахъ. Но однако, я устремился по этому пути, и принимая каждый разъ за основаніе начало, которое нахожу наиболѣе твердымъ, я все то, что мнѣ кажется согласнымъ съ этимъ началомъ, признаю за истинное, — будетъ ли дѣло касаться причины или чего бы то ни было, а то что несогласно съ нимъ, не признаю. Но я хочу представить тебѣ яснѣе то, что говорю, потому что, мнѣ представляется, ты этого еще не понимаешь.

— Клянусь Зевсомъ, сказалъ Кевисъ, я не понимаю этого ясно.

XLIX. — Однакожъ, сказалъ Сократъ, я не говорю ничего новаго, а то самое, что не переставалъ говорить постоянно, — прежде какъ и въ предыдущей части разсужденія. Итакъ я снова возвращаюсь къ объясненію той причины, которая составляла предметъ моихъ изслѣдованій. Я снова обращаюсь къ извѣстному уже и съ этого начинаю, принимая за основаніе, что существуетъ нѣчто прекрасное въ самомъ себѣ, добре, великое и все другое подобное. Если ты мнѣ это уступаешь и соглашаешься, что это существуетъ, то я на основаніи этого надѣюсь показать тебѣ причину, о которой идетъ рѣчь и раскрыть, что душа безсмертна.

— Ты можешь немедленно сдѣлать выводъ, сказалъ Кевисъ, такъ какъ я тебѣ это уступаю.

— Разсмотри, сказалъ Сократъ, слѣдующее: не будешь ли и ты въ этомъ случаѣ такого же мнѣнія, какъ и я. Мнѣ представляется, что если существуетъ что нибудь прекрасное, помимо прекраснаго въ самомъ себѣ, то оно прекрасно не черезъ что иное, какъ черезъ то, что оно причащается прекраснаго въ самомъ

себѣ, и точно также я разсматриваю все другое. Допускаешь ли ты эту причину?

— Допускаю, отвѣчалъ Кевисъ.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, послѣ этого я уже не понимаю и не могу признавать другихъ причинъ, такихъ утонченныхъ. Но если ктонибудь скажетъ мнѣ, почему чтонибудь прекрасно, — будетъ ли оно имѣть прекрасный цвѣтъ, или видъ, или чтонибудь подобное, то я уже не желаю искать другихъ причинъ, потому что все другое производить только путаницу въ моихъ понятіяхъ, но просто, безыскусственно и можетъ быть даже слишкомъ простодушно держусь той мысли, что извѣстный прекрасный предметъ дѣлаетъ прекраснымъ не что иное какъ присутствіе въ немъ прекраснаго въ самомъ себѣ,—его приобщеніе красоты послѣдняго, какимъ бы способомъ это ни происходило. Я не утверждаю относительно этого болѣе, но утверждаю, что всѣ прекрасные предметы прекрасны по причинѣ присутствія въ нихъ прекраснаго въ самомъ себѣ. Вотъ, мнѣ кажется, самый вѣрный отвѣтъ, который я могу дать относительно этого и самому себѣ и другому, и держась такого начала, думаю, никогда не ошибусь, но могу отвѣчать съ увѣренностью и себѣ и всякому другому, что прекрасные предметы бываютъ прекрасны черезъ прекрасное въ самомъ себѣ. Не представляется ли такъ и тебѣ?

— Я думаю, что это такъ.

— Точно также большія вещи велики своею величиною, и бѣльшія суть бѣльшія по той же причинѣ, и меньшія — меньшія по причинѣ присутствія въ нихъ малости.

— Да.

— Итакъ ты уже не согласился бы съ тѣмъ мнѣніемъ, если бы ктонибудь сказалъ, что одинъ человекъ выше другаго головою, или меньшій меньше тѣмъ же самымъ, но утверждалъ бы, что ты не можешь говорить въ этомъ случаѣ иначе, какъ такимъ образомъ, что все большее больше — одно относительно другаго — не инымъ чѣмъ, какъ величиною, и по этой причинѣ есть большее, по причинѣ великости, а меньшее — меньше не другимъ чѣмъ, какъ малостью, и по этой причинѣ есть меньшее, — по причинѣ малости. Ты утверждалъ бы такъ, я думаю, опасаясь, чтобы ктонибудь не указалъ тебѣ на слѣдующее противорѣчіе. Если ты скажешь, что какойнибудь человекъ больше или меньше другаго головою, то во-первыхъ очевидно, что и большее — больше и меньшее — меньше тѣмъ же самымъ, а во-вторыхъ что человекъ большій — больше другаго головою, которая мала. Но это очевидно представляетъ странность, чтобы ктонибудь былъ большимъ черезъ малость. Не опасался ли бы ты такого возраженія?

— Конечно, отвѣчалъ засмѣявшись Кевисъ.

— Точно такимъ же образомъ, продолжалъ Сократъ, не опасался ли бы ты говорить, что десять больше восьми двумя, и что первое число превосходитъ второе именно по этой причинѣ, а не количествомъ и не черезъ количество, и что все имѣющее два локтя превышаетъ однолоктевое половиной, а не величиной? Потому что возраженіе въ этомъ случаѣ остается то же самое.

— Конечно, отвѣчалъ Кевисъ.

— Что же далѣе? Не остерегался ли бы ты говорить, что если единицу прибавить къ единицѣ, то прибавленіе составитъ причину образованія двухъ; или если единицу раздѣлить, то причиной образованія двухъ будетъ раздѣленіе? Не сталъ ли бы ты громко кричать, что ты не знаешь инаго способа образованія каждаго единичнаго бытія, кромѣ причащенія его—сущности, свойственной тому классу явленій, къ которому каждое явленіе принадлежитъ, и что вслѣдствіе этого ты не знаешь иной причины образованія двухъ, кромѣ причащенія чего нибудь природы двойственнаго числа, такъ что то, что должно сдѣлаться двумя, должно причаститься природы двойственности, а то, что должно сдѣлаться единицей,—пріобщиться природы единичности. Не оставилъ ли бы ты въ покоѣ всѣхъ этихъ раздѣленій и прибавленій и другихъ подобныхъ уточченностей, предоставивъ людямъ болѣе ученымъ чѣмъ ты дѣлать подобнаго рода отвѣты, а самъ, боясь по пословицѣ своей собственной тѣни и своего незнанія, не держался ли бы принятаго нами вѣрнаго начала и не отвѣчалъ ли бы постоянно въ такомъ смыслѣ? Если же бы кто нибудь сталъ нападать на самое начало,—не оставилъ ли бы ты этихъ нападковъ безъ вниманія и отвѣта до тѣхъ поръ, пока не рассмотрѣлъ бы всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этого начала,—согласны ли они, по твоему мнѣнію, или несогласны одно съ другимъ? Когда жъ бы тебѣ нужно было отдать отчетъ въ самомъ началѣ, то не отдалъ ли бы ты его точно такимъ же образомъ, полагая въ основу опять новое начало, лучшее по твоему мнѣнію сравнительно съ прежними, пока наконецъ не

пришелъ бы къ чемунибудь удовлетворительному? И если ты желаешь чтонибудь постичь въ области бытія, то ты не будешь смѣшивать начала и вытекающихъ изъ него послѣдствій, подобно тому какъ бываетъ съ любителями преній ⁶⁷⁾, потому что у людей этого сорта быть можетъ нѣтъ ни рѣчи ни заботы объ истинѣ, и люди эти подъ вліяніемъ своей мудрости способны смѣшивать все, оставаясь въ то же время довольны сами собою. А ты, если только ты принадлежишь къ філософамъ, будешь, думаю я, дѣйствовать такъ, какъ я говорю.

— Ты говоришь вещи какъ нельзя болѣе истинныя, сказали вмѣстѣ Симмій и Кевисъ.

Эхекратъ. Клянусь Зевсомъ, любезный Федонъ, они были въ этомъ случаѣ правы, потому что Сократъ, какъ представляется мнѣ, доказывалъ предметъ удивительно ясно для каждаго, кто скольконибудь имѣетъ ума.

Федонъ. Совершенно такъ казалось, любезный Эхекратъ, и всѣмъ присутствующимъ.

Эхекратъ. Точно также кажется и намъ, хотя насъ тамъ не было, а мы только слушаемъ теперь твой рассказъ.

L. Но что было говорено послѣ этого, Федонъ?

— Сколько могу припомнить, послѣ того когда съ нимъ согласились и признали, что каждая идея представляетъ собою нѣчто дѣйствительное и что предметы, причащаясь идей, получаютъ отъ нихъ свое имя, Сократъ кажется спросилъ:

— Если ты согласенъ съ тѣмъ, что это дѣйствительно такъ, то не утверждаешь ли ты, говоря, что Симмій больше Сократа и меньше Федона, — не

утверждаешь ли ты, что въ Симміи находится то и другое,—и великость и малость?

— Да, это такъ.

— И такъ, сказалъ Сократъ, черезъ это ты признаешь то, что Симмій на самомъ дѣлѣ превосходитъ ростомъ Сократа не такимъ образомъ, какъ въ этомъ случаѣ выражаются, такъ какъ Симмій больше не потому, что онъ Симмій, но величиною, которая случайно выпала ему на долю. Точно также онъ выше Сократа не потому, что Сократъ—Сократъ, а потому что Сократу принадлежитъ малость сравнительно съ его великорослостью.

-- Это такъ.

— Точно также и Федонъ въ свою очередь превышаетъ Симмія не тѣмъ что онъ Федонъ, но тѣмъ что Федону принадлежитъ великость сравнительно съ малостью Симмія.

— Справедливо.

— Такимъ образомъ Симмій носитъ имя и малаго и большаго, превосходя великостью малость одного и уступая малостью великости другаго. Улыбнувшись при этомъ, Сократъ продолжалъ: я кажется, выражаюсь объ этомъ предметѣ черезчуръ съ большою точностью, но это дѣйствительно такъ, какъ я говорю.

Тоть согласился.

— Все это я говорю съ тѣмъ, продолжалъ Сократъ, чтобы ты былъ въ этомъ случаѣ одного со мною мнѣнія. Для меня очевидно, что не только великость сама въ себѣ никогда не представляетъ собою великаго и малаго вмѣстѣ, но и великость, принадлежащая намъ, никогда не принимаетъ малости и не можетъ быть

превышаема, но одно изъ двухъ: или великость убѣгаетъ и скрывается, когда къ ней приближается противное ей—малость, или когда придетъ малость, то великость перестаетъ существовать. Но оставаться и, принявъ въ себя малость, стать инымъ противъ того, чѣмъ она была, — она не можетъ. Такимъ образомъ, какъ скоро я получилъ малость, пока я остаюсь тѣмъ же, — остаюсь малымъ. Великость же не допускаетъ того, чтобы, представляя собою великое, быть въ то же время и малостью. Равнымъ образомъ и заключающееся въ насъ малое никогда не терпитъ того, чтобы сдѣлаться и быть великимъ, и вообще ничто изъ противоположныхъ, доколѣ только то или другое остается самимъ собою, не можетъ сдѣлаться и быть противоположнымъ самому себѣ, но встрѣчая противное себѣ, или удаляется или погибаетъ.

— Мнѣ рѣшительно представляется такъ, сказалъ Кевисъ.

II. Кто то изъ присутствующихъ — не помню хорошо, кто именно, — выслушавъ это, сказалъ:

— Боги благіе, не согласились ли мы въ предыдущихъ разсужденіяхъ въ томъ, что совершенно противно высказываемому теперь, именно что большее рождается изъ меньшаго и меньшее изъ бѣльшаго, и что вообще для противоположныхъ существуетъ именно этотъ способъ образованія, — изъ противоположныхъ же, а теперь, какъ мнѣ кажется, рѣчь ведется въ томъ смыслѣ, что этого никогда не можетъ быть.

Сократъ, склонивъ голову и выслушавъ эту рѣчь, сказалъ:

— Ты кстати ⁶⁸⁾ вспомнилъ объ этомъ. Тѣмъ не

менѣе, ты не понимаешь различія между тѣмъ, что говорится теперь и что было говорено тогда. Тогда было говорено, что противоположныя рождаются изъ противоположныхъ; а теперь мы говоримъ, что противоположное никогда не можетъ сдѣлаться противоположнымъ самому себѣ,—ни то, которое заключается въ насъ, ни противоположное въ природѣ. Тогда, любезный другъ, мы говорили о вещахъ, которыя имѣютъ себѣ противоположныя, называя ихъ именами, заимствованными отъ этихъ противоположныхъ; а теперь мы говоримъ о сущностяхъ, которыя, присутствуя въ вещахъ, сообщаютъ имъ свое имя; потому что о вещахъ этого рода мы никогда не скажемъ, что онѣ получаютъ бытіе одна отъ другой. При этомъ, взглянувши на Кевиса, Сократъ сказалъ: а тебя, любезный Кевисъ, не смутило что нибудь изъ того, что онъ сказалъ?

— Нѣтъ, теперь я уже не въ такомъ настроеніи духа, отвѣчалъ Кевисъ, хотя впрочемъ не говорю, чтобы не оставалось еще многого, что приводитъ меня въ сомнѣніе.

— Однако, мы признали рѣшительно, сказалъ Сократъ, что противоположное никогда не сдѣлается противоположнымъ самому себѣ.

— Совершенно справедливо, сказалъ Кевисъ.

II.—Разсмотри также и слѣдующее, сказалъ Сократъ: не согласишься ли ты со мною? Называешь ли ты что нибудь теплымъ и холоднымъ?

— Да.

— Разумѣешь ли подъ этимъ то же самое, что мы называемъ снѣгомъ и огнемъ?

— О нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

— Итакъ теплота есть нѣчто иное чѣмъ огонь, а холодъ иное, чѣмъ снѣгъ?

— Да.

— А это, я думаю, ты также признаешь, что снѣгъ, будучи снѣгомъ, никогда не приметъ теплоты, какъ мы говорили въ предыдущихъ разсужденіяхъ, и оставаясь тѣмъ, что онъ есть—снѣгомъ, не сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ теплымъ; но какъ скоро приблизится къ нему теплота, то онъ или удаляется или погибаетъ.

— Конечно.

— Точно также въ свою очередь и огонь, какъ скоро къ нему приближается что нибудь холодное, или удаляется или погибаетъ, но никогда не можетъ, принявши въ себя холодъ, оставаться и тѣмъ, чѣмъ онъ былъ—огнемъ и холоднымъ.

— Ты говоришь справедливо, сказалъ Кевисъ.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, съ нѣкоторыми вещами этого рода бываетъ такъ, что не только самая идея всегда удерживаетъ то же самое имя, но его удерживаетъ также и нѣчто другое, что, не будучи самой идеей, представляетъ нѣкоторый видъ ея, доколѣ эти вещи остаются. Впрочемъ то, что я говорю, можетъ быть будетъ яснѣе изъ слѣдующаго. Всегда ли нечетъ будетъ имѣть то имя, которое мы ему усвоаемъ или нѣтъ?

— Конечно.

— Только ли онъ одинъ изъ всего—потому что я спрашиваю именно объ этомъ—или и нѣчто другое, что хотя не представляетъ того же самаго что нечетъ, однакожь его вмѣстѣ съ его собственнымъ слѣдуетъ

называть и именемъ нечета, такъ какъ оно по природѣ своей никогда не отдѣляется отъ нечета. Я говорю о томъ, какъ бываетъ напр., съ тройственнымъ числомъ и со многимъ другимъ. Разсмотри внимательно то, что относится къ тройственному числу. Не находишь ли ты, что его слѣдуетъ называть и его собственнымъ именемъ и именемъ нечета, а между тѣмъ нечетъ не одно съ тройственнымъ числомъ. Таковы по природѣ своей числа три, пять и всякое другое непарное, такъ что, не составляя одного и того же съ нечетомъ, каждое изъ нихъ всегда будетъ нечетъ. Точно также два, четыре и всякое другое парное число, хотя и не одно и то же съ четомъ, однако каждое изъ нихъ всегда будетъ четъ. Согласенъ или нѣтъ?

— Да какъ же съ этимъ не согласиться? сказалъ Кевись.

— Разсмотри внимательно, продолжалъ Сократъ,— что я собственно хочу показать. Это именно то, что не только взаимно противоположныя идеи не принимаютъ одна другой, но и всѣ вообще предметы, которые, не будучи прямо противоположны между собою, всегда однакожъ имѣютъ противоположныя себѣ; и эти предметы не могутъ принимать идеи противоположной той, которая заключена въ нихъ самихъ, но когда эта идея къ нимъ приближается, то они или погибаютъ или удаляются. Не скажемъ ли мы, что число три погибнетъ или испытаетъ что угодно другое, прежде нежели сдѣлается четнымъ числомъ, оставаясь въ то же время тремя?

— Очевидно такъ, отвѣчалъ Кевись,

— А между тѣмъ, сказалъ Сократъ, два не составляютъ противоположности тремъ.

— Конечно нѣтъ.

— Итакъ, не только прямо противоположныя идеи не принимаютъ одна другой, когда одна къ другой приближаются, но и нѣчто другое не выдерживаетъ приближенія себѣ противоположнаго.

— Ты говоришь вещи, какъ нельзя болѣе истинныя, сказалъ Кевисъ.

ЛIII. — Теперь, хочешь ли, продолжалъ Сократъ, мы опредѣлимъ, если только въ состояніи будемъ это сдѣлать, какія это противоположныя?

— Хорошо.

— Не будутъ ли это, любезный Кевисъ, именно тѣ, которыя въ чемъ бы ни проявились, заставляютъ предметъ удерживать не только его собственную идею, но и носить въ себѣ идею чего нибудь противоположнаго другому? ⁶⁹⁾

— Какъ это?

— Такъ, какъ мы сейчасъ говорили. Ты, конечно, знаешь, что то, въ чемъ проявится идея тройственного числа, должно быть не только тремя но и нечетомъ?

— Разумѣется.

— Къ такому предмету, говоримъ мы, идея противоположная той, которая образуетъ его, никогда не приблизится?

— Нѣтъ.

— А его образуетъ идея нечета?

— Да.

— И этой идеѣ противоположна идея чета?

— Да.

— И такъ идея чета никогда не войдетъ въ число три?

— Конечно нѣтъ.

— И такъ число три непричастно идеѣ чета?

— Непричастно.

— Слѣдовательно, оно нечетное?

— Да.

— Вотъ это самое я предлагалъ опредѣлить, а именно: какіе предметы, не будучи противоположны чему нибудь другому, не принимаютъ однако этого другаго, какъ напр., въ настоящемъ случаѣ число три, не будучи противоположно четному числу, тѣмъ не менѣе не принимаетъ его, потому что оно всегда приводитъ противоположное ему,—нечетъ, точно такъ какъ два приводитъ противоположность къ нечету, огонь—къ холодному и очень многое другое подобнымъ же образомъ. И такъ смотри, — не опредѣляешь ли ты этого такимъ образомъ, что не только само противоположное не принимаетъ своего противоположнаго, но и то, что приводитъ съ собой нѣчто противное тому, къ чему приходитъ, не принимаетъ ничего противнаго тому, что оно съ собой приводитъ. Остановись на этомъ еще разъ, потому что слышать много разъ одно и то же—недурно: пять никогда не приметъ идеи чета, или десять—удвоенное число пяти—идеи нечета. Это послѣднее, хотя нечетъ не составляетъ ему противоположнаго, не приметъ идеи нечета. Равнымъ образомъ полуторное число и всѣ другія того же рода, какъ напр. половина не приметъ идеи цѣлаго, точно такъ же какъ треть и всѣ другія подобныя, если

ты раздѣляешь въ этомъ случаѣ мое мнѣніе и согласенъ, что это такъ.

— Я совершенно согласенъ съ тобою и раздѣляю твое мнѣніе.

LIV. — Теперь отвѣчай мнѣ, сказалъ Сократъ, съ самаго начала, — и отвѣчай не тѣми словами, которыя заключаются въ вопросѣ, а другими, подражая мнѣ. Я предлагаю это, находя, кромѣ того безошибочнаго способа дѣлать отвѣты, который имѣлъ мѣсто прежде, еще и другой вѣрный способъ съ помощію того, что говорилось теперь. Если бы ты напр. спросилъ меня: присутствіе чего въ тѣлѣ дѣлаетъ его теплымъ, то я не далъ бы тебѣ вѣрнаго, но слишкомъ уже простаго отвѣта, что тѣло бываетъ теплымъ черезъ теплоту, но на основаніи сказаннаго теперь сдѣлалъ бы болѣе утонченный отвѣтъ, — что это бываетъ черезъ огонь. Если ты спросишь меня, — какое начало присутствуя въ тѣлѣ, подвергаетъ его болѣзни, я не отвѣчу, что это начало — болѣзнь, а горячка. Равнымъ образомъ на вопросъ: присутствіе чего въ числѣ дѣлаетъ его нечетнымъ, не скажу — присутствіе нечета, а единицы и такъ во всемъ другомъ. Смотри же, достаточно ли ты понялъ, чего я хочу.

— Совершенно, отвѣчалъ Кевисъ.

— Отвѣчай же мнѣ, продолжалъ Сократъ, присутствіе чего въ тѣлѣ дѣлаетъ его живымъ?

— Присутствіе души, отвѣтилъ тотъ.

— Всегда ли это такъ бываетъ?

— Да какъ же иначе? сказалъ Кевисъ.

— Итакъ душа, во что бы она ни вошла, всегда приноситъ съ собою жизнь тому, къ чему приходитъ?

— Да, она приноситъ съ собою жизнь, отвѣчалъ Кевисъ.

— А есть ли что нибудь противоположное жизни или нѣтъ?

— Есть, отвѣтилъ Кевисъ.

— Что?

— Смерть.

— Итакъ душа никогда не приметъ противоположнаго тому, что она всегда съ собой приноситъ, какъ мы согласились въ предыдущихъ разсужденіяхъ.

— Конечно, ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Кевисъ.

LV.—Теперь далѣе, продолжалъ Сократъ: какъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи четнаго числа?

— Нечетнымъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— А то, что не принимаетъ идеи справедливаго или музыкальнаго?

— Одно мы называемъ немзыкальнымъ ⁷⁰⁾, а другое—несправедливымъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— Такъ. А то, что не принимаетъ смерти,—какъ мы называемъ?

— Безсмертнымъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— Но душа не принимаетъ смерти?

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно, она безсмертна.

— Безсмертна.

— Хорошо, сказалъ Сократъ. Можемъ ли мы теперь сказать, что это доказано? Или какъ тебѣ кажется?

— Доказано вполнѣ удовлетворительно, любезный Сократъ.

— Ну, такъ какъ же, Кевисъ? продолжалъ Со-

кратъ. Если бы для нечетнаго числа существовала необходимость, чтобы оно было негибнущимъ, то не было ли бы точно такимъ же и три?

— Да какъ же иначе?

— И если бы существовала необходимость, чтобы было негибнущимъ все лишенное теплоты, то какъ скоро кто нибудь приблизилъ бы къ снѣгу теплое, не удалялся ли бы снѣгъ цѣлымъ и нераспустившимся? потому что онъ не уничтожился бы, а равно и оставаясь самимъ собою, не принялъ бы въ себя теплоты.

— Ты говоришь справедливо, сказалъ Кевисъ.

— Точно также, я полагаю, если бы все непринимашее холода было негибнущимъ, то какъ скоро что нибудь холодное приблизилось бы къ огню, онъ не погасалъ бы и не уничтожался, но удалялся, отходя невредимымъ.

— Это необходимо, сказалъ Кевисъ.

— А въ такомъ случаѣ, не такъ же ли необходимо сказать это самое и о безсмертномъ? Если безсмертное есть вмѣстѣ съ тѣмъ негибнущее, то невозможно чтобы душа погибала, когда къ ней приблизится смерть; потому что душа, на основаніи сказаннаго, никогда не приметъ смерти и не сдѣлается мертвою, точно такъ — о чемъ мы сейчасъ говорили — какъ число три или нечетъ не сдѣлаются четнымъ, или огонь или заключенная въ огнѣ теплота не сдѣлаются холодными. Но что мѣшаетъ, могъ бы возразить кто нибудь, чтобы нечетное число, не дѣлаясь четнымъ при приближеніи къ нему четнаго, какъ мы въ этомъ согласились, тѣмъ не менѣе не погибало бы черезъ это приближеніе, а его мѣсто не заступало бы четное? Если

бы ктонибудь сталъ это утверждать, то мы не могли бы спорить съ нимъ, что нечетное число не погибло, такъ какъ оно не есть нѣчто негибнущее; но если бъ мы признали его такимъ, то намъ уже легко было бы спорить въ защиту того мнѣнія, что нечетъ и три, при приближеніи къ нимъ четнаго числа, удаляются, и точно также мы могли бы говорить объ огнѣ, о тепломъ и обо всемъ вообще. Не такъ ли?

— Конечно.

— А слѣдовательно точно такимъ же образомъ въ настоящемъ слѣчаѣ и о безсмертномъ. Если мы признаемъ, что все безсмертное есть вмѣстѣ и негибнущее, то очевидно, что душа при безсмертіи будетъ также негибнущею, а если мы этого не признаемъ, то нужно искать другихъ доказательствъ.

— Но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, сказалъ Кевисъ, потому что едва ли чтонибудь можетъ быть неразрушимо, если безсмертное и вѣчное способно подвергаться разрушенію.

LVI. — По крайней мѣрѣ, сказалъ Сократъ, я думаю, что Богъ, идея жизни и — если есть еще чтонибудь безсмертное — все это никогда не погибаетъ, какъ это признаютъ всѣ.

— Клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Кевисъ, это признаютъ всѣ люди и еще болѣе, какъ я думаю, боги.

— А такъ какъ безсмертное вмѣстѣ съ тѣмъ неразрушимо, то можетъ ли душа, будучи безсмертною, не быть при этомъ и неразрушимою?

-- Это совершенно необходимо.

— Итакъ когда къ человѣку приходитъ смерть, тогда то, что въ немъ есть смертнаго, естественно

умираетъ, а безсмертное отходить цѣлымъ и невредимымъ, уступая мѣсто смерти.

— Очевидно.

— Итакъ, Кевись, сказала Сократъ, душа преимущественно передъ всѣмъ другимъ безсмертна и неразрушима, и наши души дѣйствительно будутъ существовать въ адѣ.

— Я, любезный Сократъ, отвѣчалъ Кевись, ничего не могу къ этому прибавить, равно какъ не могу не соглашаться почему бы то ни было съ твоими разсужденіями, но если Симмій или ктонибудь другой имѣютъ чтонибудь по этому поводу сказать, то было бы хорошо не молчать объ этомъ теперь, потому что я не знаю, на какое другое время кромѣ настоящаго можно бы перенести то, что ктонибудь хочетъ сказать или услышать объ этомъ предметѣ.

— Но я съ своей стороны, сказала Симмій, точно такъ же не имѣю основаній не соглашаться послѣ всего сказаннаго. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе величіе предмета, о которомъ идетъ рѣчь, равно какъ и сознавая человѣческую слабость, я вынужденъ невольно хранить нѣкоторое недоувѣріе къ разсужденіямъ, которыя мы вели.

Не только относительно этого, любезный Симмій, ты замѣтилъ справедливо, но и первыя основанія, какъ бы они ни казались намъ вѣрными, нужно изслѣдовать болѣе тщательнымъ образомъ, и когда вы достаточно ихъ изслѣдуете, тогда будете держаться нашего разсужденія объ этомъ настолько твердо, насколько только человѣку возможно понимать подобныя вещи,

и если это сдѣлается для васъ ясно,—вы не будете уже ничего далѣе искать.

— Ты говоришь истину, сказалъ Кевисъ.

L.VII. — Итакъ, друзья мои, нужно подумать о томъ, что если душа безсмертна, то она должна быть предметомъ заботъ не только по отношенію къ тому времени, которое мы называемъ земной жизнью, но и по отношенію ко всему дальнѣйшему, и для насъ могло бы оказаться крайне опаснымъ даже теперь, если кто пренебрежетъ заботами о душѣ. Если бы смерть была полнымъ уничтоженіемъ, то для людей злыхъ было бы находкой освобождаться въ смерти отъ тѣла и вмѣстѣ съ душою—отъ своей порочности. Но такъ какъ душа безсмертна, то для нея нѣтъ другаго спасенія отъ золь, какъ только сдѣлаться возможно болѣе лучшей и мудрой, потому что она переходитъ въ аидъ, не унося съ собою ничего, кромѣ приобрѣтенныхъ ею навыковъ и своихъ стремленій, а это, какъ говорятъ, приноситъ умершему величайшую пользу или вредъ, при самомъ началѣ схождения его въ аидъ. Существуетъ сказаніе, что cadaго умершаго духъ-покровитель, на попеченіи котораго онъ находился въ теченіе земной жизни ⁷¹⁾, отводитъ въ извѣстное мѣсто, откуда всѣ собравшіяся тамъ души, подвергшись предварительно суду, отправляются въ аидъ вмѣстѣ съ вождемъ, которому поручено провожать туда уходящихъ отсюда. Послѣ того какъ онѣ получаютъ тамъ то, что должны получить и отбудутъ урочное время, другой вождь опять приводитъ ихъ въ этотъ міръ послѣ многихъ и длинныхъ періодовъ времени. А путь этотъ не таковъ, какимъ описываетъ его

Телефъ у Эсхила ⁷²). Онъ говоритъ, что къ аиду ведетъ прямая дорога, а мнѣ представляется—и не прямая и не одна, потому что уклониться по ошибкѣ въ какую бы то ни было сторону было бы невозможно, если бы дорога была одна. Но кажется, что она имѣетъ много раздѣленій и поворотовъ, какъ я догадываюсь объ этомъ изъ нашихъ священныхъ установленій и похоронныхъ обрядовъ. Душа благонравная и мудрая слѣдуетъ охотно за вождемъ, не оставаясь въ неизвѣстности относительно настоящаго своего положенія; а та, которая, какъ я прежде сказалъ, страстно привязана къ тѣлу, долгое время витаетъ вокругъ него и могильнаго кургана, и только послѣ долгаго сопротивленія и страданій отправляется наконецъ въ путь, увлекаемая, насильно и съ трудомъ, назначеннымъ для этого демономъ. Когда же она приходитъ туда, гдѣ находятся и другія души, то души нечистой или совершавшей что нибудь въ такомъ родѣ, какъ напр. осквернившей себя убійствомъ или подобными, сродными съ этими и сродными подобнымъ душамъ дѣлами,—этой души всѣ другія души избѣгаютъ и отвращаются, и ни одна не хочетъ быть ея спутникомъ или вождемъ. Тогда она начинаетъ блуждать, испытывая всевозможныя бѣдствія, пока исполнятся опредѣленные періоды времени, по прошествіи которыхъ она увлекается силою необходимости въ приличное ей жилище. А душа, проводившая жизнь въ чистотѣ и воздержаніи, получивъ своими спутниками и вождями боговъ, водворяется въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ каждая изъ такихъ душъ должна обитать.

I.VIII.—На землѣ есть много и притомъ удивитель-

ныхъ мѣсть, и сама земля вовсе не такова по виду и по величинѣ, какою изображаютъ ее тѣ, которые привыкли о ней разсуждать ⁷³), какъ меня убѣдилъ въ этомъ одинъ человекъ.

— Какъ же ты думаешь объ этомъ Сократъ? спросилъ Симмій: я самъ много слышалъ о землѣ, но это не то, въ чемъ убѣжденъ ты; поэтому я съ удовольствіемъ послушалъ бы твой разсказъ.

— Любезный Симмій, для того чтобы разсказать объ этомъ, мнѣ кажется, не нужно искусства Главка ⁷⁴); но доказать, что это дѣйствительно такъ, — это мнѣ представляется дѣломъ такой трудности, которая превышаетъ искусство Главка. Съ одной стороны, я можетъ быть не въ силахъ былъ бы этого сдѣлать, а съ другой, если бы и могъ, то остающееся мнѣ время жизни недостаточно для продолжительной рѣчи. Тѣмъ не менѣе, мнѣ ничто не мѣшаетъ разсказать о видѣ земли, какъ я ее представляю, и разныхъ ея мѣстностяхъ.

— И этого будетъ достаточно, сказалъ Симмій.

— И такъ я убѣжденъ прежде всего въ томъ, началъ Сократъ, что если земля находится посреди небесъ и представляетъ собою сферическую форму, то она не имѣетъ нужды ни въ воздухѣ, ни въ какойнибудь подобной подпорѣ для того, чтобы не упасть; но что для поддержанія ея достаточно одинаковаго со всѣхъ сторонъ вокругъ нея свойства неба и равновѣсія самой земли; потому что каждое тѣло, находящееся въ равновѣсіи, будучи заключено среди другаго, имѣющаго то же свойство, не будетъ наклоняться ни въ какую сторону, но будетъ оставаться въ одинаковомъ

положеніи. Вотъ въ чемъ я прежде всего убѣжденъ, сказалъ Сократъ.

— И справедливо, сказалъ Симмій.

— Сверхъ того я думаю, что земля чрезвычайно велика и что мы населяемъ только небольшую часть ея, отъ Фазиса до геркулесовыхъ столбовъ ⁷⁵⁾, расположившись вокругъ моря какъ муравьи или лягушки вокругъ болота, и что многіе другіе живутъ во многихъ другихъ подобныхъ же мѣстахъ; потому что на землѣ, на всемъ ея пространствѣ, есть много углубленій, различныхъ по виду и величинѣ, въ которыя стекаются вода, туманъ и воздухъ. Самая же земля покоится чистая въ чистомъ небесномъ пространствѣ, въ которомъ находятся свѣтила, и которое большинство разсуждающихъ объ этомъ предметѣ называетъ ээиромъ, а все стекающее въ земныя углубленія — основою ээира. Итакъ мы, живя въ углубленіяхъ земли, сами этого не знаемъ и думаемъ, что мы населяемъ ея возвышенности, подобно тому какъ если бы кто, живя въ глубинѣ морской бездны, думалъ, что онъ живетъ на поверхности моря, и созерцая сквозь водяную влагу солнце и другія свѣтила, воображалъ бы, что море есть небо. Не поднимавшись же никогда по причинѣ тяжести и слабости своей на поверхность моря и никогда не поднимавъ головы изъ глубины волнъ, не видѣлъ бы, — насколько мѣста, занимаемая нами чище и прекраснѣе тѣхъ, которыя занимаетъ онъ, а равно и не слышалъ объ этомъ отъ когонибудь, видѣвшаго все это. Въ такомъ точно положеніи находимся и мы, потому что, обитая въ одномъ изъ углубленій земли, думаемъ, что мы живемъ на ея возвыше-

ни, и называемъ воздухъ небомъ, какъ будто бы это было настоящее небо, въ которомъ совершаютъ свое теченіе свѣтила. И это оттого что мы, по причинѣ нашей слабости и тяжести, не въ состояніи подняться вверхъ,—на окончную высоту воздушнаго пространства. Если жъ бы кто взошелъ на эту высоту или поднялся туда на крыльяхъ, то такой человѣкъ, вынырнувъ изъ воздуха, увидѣлъ бы то, что находится тамъ, подобно тому какъ рыбы, вынырнувъ изъ морской глубины, видятъ то, что находится здѣсь, у насъ; и если бы это былъ человѣкъ отъ природы способный къ продолжительному созерцанію, онъ узналъ бы, что тамъ находится истинное небо, истинный свѣтъ и настоящая земля; потому что наша земля,—эти камни и вся вообще здѣшняя мѣстность повреждены и изъѣдены, подобно тому какъ повреждено и изъѣдено морскою солью все находящееся въ морѣ. На днѣ морскомъ нѣтъ ничего, что имѣло бы цѣну и стоило бы упоминенія, словомъ сказать—ничего совершеннаго: тамъ трещины, песокъ, глубокая грязь и нечистота всюду, гдѣ только есть земля, такъ что все это не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ красотою нашихъ мѣстъ. Если нужно изложить прекрасное сказаніе объ этомъ, то стоитъ послушать, другъ Симмій, каковы предметы на той землѣ, которая находится подъ небесами.

— Но, любезный Сократъ, сказалъ Симмій, мы съ удовольствіемъ выслушали бы этотъ рассказъ.

LIX.—Итакъ прежде всего, любезный другъ, началъ Сократъ, рассказываютъ, что настоящая земля, если бы кто нибудь посмотрѣлъ на нее сверху, по виду такова какъ шары, сдѣланные изъ двѣнадцати кожъ,—

пестрая, разцвѣченная разными цвѣтами, составляющими первообразъ тѣхъ, которые употребляютъ живописцы здѣсь, у насъ. Вся находящаяся тамъ земля состоитъ изъ подобныхъ цвѣтовъ, но несравненно болѣе блестящихъ и чистыхъ чѣмъ наши. Въ одномъ мѣстѣ она имѣетъ видъ пурпура удивительной красоты, въ другомъ—цвѣтъ золота, въ иномъ она бѣлѣе гипса или снѣга; точно также представляетъ она другіе цвѣта, и притомъ болѣе многочисленные и прекрасные чѣмъ тѣ, которые мы когда нибудь видѣли. Самыя впадины земли, занимаемая нами, будучи наполнены водою и воздухомъ, представляютъ свои особенные цвѣта, блистающіе въ разнообразіи другихъ, такъ что видъ земли представляетъ непрерывное ихъ измѣненіе. На этой землѣ, представляющей такой видъ, произрастаютъ, въ соотвѣтствіи съ ея красотой, растенія, деревья, цвѣты и плоды; ея горы и камни представляютъ также, въ такомъ же соотвѣтствіи съ нею, гладкость, прозрачность и восхитительные цвѣта; наши камешки, такъ высоко цѣнимые здѣсь, у насъ—сердоликъ, яшмы и изумруды и другіе подобные—суть только малыя ихъ частицы; а тамъ нѣтъ ничего, что не было бы точно такое же и даже еще прекраснѣе. Причина этому та, что тамошніе камни чисты, не изъѣдены и не повреждены, какъ наши, гнилыми осадками, морскою солью и всѣмъ другимъ, что стекаетъ въ наши низменности и причиняетъ обезображеніе и болѣзни камнямъ, землѣ, животнымъ и растеніямъ. Настоящая же земля украшена всѣми этими драгоценными камнями и, сверхъ того золотомъ, серебромъ и всѣмъ другимъ подобнымъ: тамъ всѣ эти драгоценные камни ле-

жать открыто, разсѣянные въ огромномъ количествѣ и огромными массами по всему ея пространству, такъ что созерцаніе этой земли составляетъ блаженство для душъ. На землѣ этой находится много различныхъ породъ животныхъ и много людей, изъ которыхъ одни занимаютъ ея середину, другіе живутъ вокругъ предѣловъ воздушнаго пространства, какъ мы вокругъ моря, иные на островахъ, которые обтекаетъ воздухъ, близъ твердой земли; однимъ словомъ, что у насъ вода и море относительно нашихъ нуждъ, то тамъ воздухъ, а что для насъ воздухъ, то для нихъ—ээиръ. Ихъ времена года отличаются такимъ благораствореніемъ, что они не знаютъ болѣзней и живутъ гораздо долѣе, чѣмъ живущіе здѣсь: и зрѣніемъ и слухомъ и способностями ума и всѣмъ другимъ подобнымъ превосходятъ насъ въ той же степени, въ какой воздухъ превосходитъ чистотой воду, а ээиръ—воздухъ. Они имѣютъ святилища и храмы, въ которыхъ дѣйствительнымъ образомъ обитаютъ боги, такъ что люди слышатъ ихъ голоса, проріцанія, видятъ ихъ чувственнымъ образомъ и вообще имѣютъ личное общеніе съ ними. Солнце, луну и звѣзды люди тамъ видятъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, и блаженство ихъ въ другихъ отношеніяхъ сообразно съ этимъ.

LX.—Вотъ какова земля и то, что ее окружаетъ. А во впадинахъ ея расположены кругомъ; по всему ея пространству, многочисленныя мѣстности, изъ которыхъ однѣ болѣе глубоки и болѣе открыты нежели мѣста, на которыхъ живемъ мы, а есть такія, которыя болѣе глубоки но менѣе открыты сравнительно съ нашими мѣстностями, и есть менѣе глубокія и болѣе плоскія относительно нашихъ. Всѣ эти мѣстности соединены

подъ землей одна съ другою отверстіями, изъ которыхъ одни уже а другія шире, и имѣють проходы, черезъ которые льются изъ однихъ мѣстъ въ другія огромныя массы воды какъ въ котловины. Сверхъ того тамъ несчетное множество неизсякающихъ подземныхъ потоковъ, источники горячихъ и холодныхъ водъ, много огня и большія огненные рѣки, много другихъ рѣкъ, наполненныхъ жидкой грязью, изъ которыхъ однѣ чище, а другія грязнѣе, наподобіе того какъ текутъ грязныя рѣки въ Сициліи впереди потока лавы и какъ самая лава. Изъ этихъ теченій наполняется порознь каждая мѣстность, смотря по тому какой поворотъ принимаетъ каждый разъ тотъ или другой потокъ; и всѣ они движутся вверхъ и внизъ, какъ будто бы въ самой землѣ заключалось нѣкоторое колебаніе. Это колебаніе совершается слѣдующимъ образомъ. Одна изъ пропастей земныхъ превосходитъ огромностью всѣ другія и проходитъ насквозь черезъ всю землю. Это самое отверстіе разумѣтъ Гомеръ, когда говорить:

„Въ даль необъятвую, гдѣ подъ водой глубочайшая бездна“, которую и онъ самъ въ другомъ мѣстѣ и многіе другіе поэты называютъ Тартаромъ. Въ эту бездну стекаются всѣ рѣки и изъ нея же вытекають опять, при чемъ каждая становится такой или другой, смотря потому черезъ какую проходитъ землю. А причина, почему всѣ эти потоки вытекають отсюда и втекають сюда снова, та, что влага не имѣетъ ни дна ни основанія. Она колеблется въ висячемъ положеніи и воздымаетъ волны свои вверхъ и внизъ, а воздухъ и вѣтеръ вокругъ нея дѣлають то же самое, потому что они слѣдуютъ за ней и тогда, когда она устремляется къ тѣмъ и

когда—къ этимъ странамъ земли. Подобно тому какъ у дышащихъ дыханіе выходитъ и постоянно входитъ опять, такъ тамъ воздухъ, приводимый въ движеніе сотрясеніемъ влаги, производитъ страшные, неизобразимые вихри и въ то время когда входитъ и когда выходитъ. Итакъ, когда вода, ринувшись устремится на мѣсто, называемое низшимъ, тогда она проходитъ сквозь землю и изливается въ подземныя теченія, наполняя ихъ какъ будто бы съ помощію насоса. Когда же она покинетъ тѣ мѣста и устремится сюда, — она наполняетъ снова наши потоки, а эти послѣдніе, наполнившись, протекаютъ черезъ подземные проходы и сквозь землю, куда каждый проложитъ себѣ путь, и тогда образуютъ моря, озера, рѣки и ключи. Скрываясь затѣмъ снова подъ землю и протекая пространства — одни большія по протяженію и числу, а другія меньшія числомъ и кратчайшія — снова изливаются въ Тартаръ, одни гораздо ниже того мѣста, гдѣ наполняются, а другіе — нѣсколько ниже, но всѣ вообще ниже своего истока; и при этомъ нѣкоторыя впадаютъ со стороны противоположной той, откуда берутъ начало, а другіе — съ той же самой. Есть и такіе, которые описываютъ въ движеніи своемъ полный кругъ, обвиваясь однажды или много разъ вокругъ земли какъ змѣи, и какъ скоро достигнутъ возможно большей низменности, низвергаются въ Тартаръ. Но каждое изъ такихъ теченій можетъ спускаться къ одной и другой сторонѣ только до середины а не далѣе, потому что съ этого мѣста каждое уже восходитъ.

LXI. Есть и многія другія обширныя и разнообразныя теченія, и въ числѣ этихъ многихъ — четыре из-

вѣстныхъ, изъ которыхъ самое бѣльшее, обтекающее кругомъ крайніе предѣлы земли, есть такъ называемый Океанъ. На противоположной сторонѣ и въ противоположномъ направленіи течетъ Ахеронъ, который, проходя черезъ пустынные мѣста и протекая подъ землею, низвергается въ ахерузійское озеро, куда сходятъ души большей части умершихъ, и откуда онѣ, пробывъ тамъ назначенное имъ время,—однѣ болѣе а другія менѣе продолжительное—высылаются опять для образованія живыхъ существъ. Третья рѣка принимаетъ начало посреди этихъ двухъ теченій и неподалеку отъ истока проходитъ обширную мѣстность, пылающую сильнымъ огнемъ, образуя озеро обширнѣе нашего моря, кипящее водою и грязью. Отсюда она кругообразно течетъ далѣе, мутная и грязная, и обвиваясь вокругъ земли, достигаетъ границъ ахерузійскаго озера, не смѣшиваясь однако съ его водами, а поворотивъ много разъ подъ землей, впадаетъ въ самой низкой части Тартара. Это та рѣка, которую называютъ Пирифлегетономъ и которой огненные потоки выбрасываютъ по мѣстамъ изверженія на землю. На противоположной сторонѣ стремится четвертая рѣка въ страшное и дикое мѣсто, которое, какъ говорятъ, все темносиняго цвѣта и которое называютъ стигійскимъ, а озеро, образуемое изліяніемъ рѣки — Стикомъ. Излившись въ это озеро и почерпнувъ въ водахъ его страшныя силы и скрывшись потомъ подъ землю, она продолжаетъ извилистое, кругообразное теченіе въ направленіи къ Пирифлегетону и встрѣчаетъ его въ ахерузійскомъ озерѣ, съ противной стороны. И этой рѣки вода не смѣшивается ни съ какою другою; и эта

рѣка, извиваясь въ теченіи своемъ кругомъ, впадаетъ въ Тартаръ, насупротивъ Пирифлегетона. Имя этой рѣки, какъ говорятъ поэты, Коцитъ.

LXII. При такомъ, самую природою образованномъ характерѣ подземнаго пространства, умершіе, какъ скоро каждый придетъ на то мѣсто, куда ведетъ его его демонъ, подвергаются суду, — сначала тѣ, которые вели добродѣтельную, богобоязненную жизнь, а потомъ тѣ, которые жили иначе. А тѣ, которыхъ жизнь окажется чѣмъ-то среднимъ, — ни вполне добродѣтельною, ни вполне порочною — отправляются къ Ахерону, всходятъ на приготовленные для нихъ заранѣ ладьи, плывутъ на нихъ въ озеро и живутъ тамъ, подвергаясь очищенію и неся наказаніе за совершенныя ими несправедливыя дѣла, если какая нибудь душа совершала что нибудь такое, и освобождаются, а за дѣла добрая душа получаетъ честь, смотря по заслугѣ. Тѣ же души, которыя по великости преступленій окажутся неисцѣлимыми, какъ на примѣръ совершившія многочисленныя и важныя святотатства или много несправедливыхъ и противузаконныхъ убійствъ или что нибудь другое подобное, — всѣ такія души приличествующая имъ судьба повергаетъ въ Тартаръ, откуда онѣ никогда не выходятъ. А души, хотя и исцѣлимыя, но такія, за котоꙋыми будутъ признаны тяжелыя преступленія, какъ на примѣръ тѣ, которыя въ гнѣвѣ совершили насиліе противъ отца или матери и проводили остальную жизнь въ раскаявіи, или же тѣ, которыя такъ или иначе сдѣлались челоꙋкоубійцами, — эти души, хотя по необходимости попадаютъ также въ Тартаръ, но попавши туда и пробывъ тамъ годъ, вы-

брасываются волной, — человекоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы—въ Пирифлегетонъ. Какъ скоро онѣ, уносимыя теченіемъ, достигнуть ахерузійскаго озера, то начинаютъ кричать тамъ и зовутъ, — убійцы тѣхъ, которыхъ они убили, а обидчики — обиженныхъ ими, и призвавъ ихъ просятъ и умоляютъ позволить имъ войти въ озеро и принять ихъ. Если убѣдятъ, — входятъ и освобождаются отъ страданій; а если нѣтъ — уносятся обратно въ Тартаръ и оттуда опять въ тѣ же рѣки, и эти страданія ихъ не прекращаются до тѣхъ поръ, пока онѣ не упросятъ обиженныхъ ими, потому что такое наказаніе наложено на эти души судьями. Души, относительно которыхъ будетъ признано, что онѣ жили преимущественно передъ другими богобоязненно, — эти души, освободившись отъ нашихъ земныхъ мѣстностей, какъ будто бы изъ темницъ, возносятся въ горнія пространства, — въ чистое жилище и живутъ на настоящей землѣ. Между ними души, достаточно очищенные съ помощью философіи, будутъ существовать совершенно безъ тѣлъ и войдутъ въ жилища еще болѣе прекрасныя чѣмъ эти, которыя нелегко описать, и для чего при настоящихъ обстоятельствахъ у насъ нѣтъ достаточно времени.

LXIII. Итакъ, имѣя въ виду изложенное нами, любезный Симмій, нужно употреблять все, чтобы усвоить въ жизни добродѣтель и мудрость; награда за подвигъ прекрасна и надежда на нее велика. Утверждать, что все это дѣйствительно такъ, какъ я описалъ, — это не идетъ человеку, обладающему умомъ. Тѣмъ не менѣе нужно принять или это или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ. Если душа дѣй-

ствительно бессмертна, то мнѣ представляется и приличнымъ и заслуживающимъ того, чтобы рисковать до вѣряться подобной вѣрѣ, потому что рискъ этого рода прекрасенъ и нужно какъ бы очаровывать себя, напѣвая себѣ такія волшебныя пѣсни. Поэтому-то я и продолилъ такъ свой рассказъ.

Итакъ, въ силу этого долженъ имѣть твердую надежду за свою душу тотъ человѣкъ, который пренебрегалъ въ теченіе жизни удовольствіями и украшеніями тѣла, какъ чуждымъ душѣ и въ томъ убѣжденіи, что это производитъ зло, а стремился къ наслажденіямъ, которыя сообщаетъ знаніе и, украсивши душу не чуждымъ, но свойственнымъ ей украшеніемъ,—воздержаніемъ, справедливостью, мужествомъ, свободой и истинной—ожидаетъ въ такомъ настроеніи сошествія въ адъ, какъ готовый сойти туда, когда позоветъ судьба. И вы, — продолжалъ онъ, Симмій и Кевисъ, какъ и другіе, сойдете туда когда нибудь,—каждый въ свое время. Меня же судьба уже теперь зоветъ, сказалъ бы трагическій поэтъ, и мнѣ почти пора приступить къ омовенію, потому что мнѣ представляется лучше выпить ядъ, напередъ вымывшись, и не беспокоить женщинъ омовеніемъ мертваго тѣла.

LXIV. Когда онъ окончилъ, Критонъ спросилъ:

— Добро Сократъ! Что же ты приказываешь имъ или мнѣ относительно ли дѣтей или чего нибудь другаго, исполненіемъ чего мы могли бы оказать тебѣ наиболѣе пріятную для тебя услугу?

— То самое, что я всегда говорилъ, любезный Критонъ, отвѣчалъ Сократъ,—ничего новаго, именно то, что вы, заботясь о себѣ, сдѣлаете услугу и мнѣ и мо-

имъ близкимъ и самимъ себѣ, хотя бы теперь вы этого не обѣщали. Но если вы пренебрежете заботами о себѣ и не будете жить, придерживаясь какъ стези и того, что сказано нами теперь, и того, что было говорено въ прежнее время, то хотя бы въ настоящее время вы обѣщали мнѣ много и рѣшительно,—это ни къ чему не поведетъ.

— Мы постараемся поступать именно такъ, отвѣтилъ Критонъ. Но какъ мы тебя похоронимъ?

— Какъ вамъ будетъ угодно, отвѣтилъ онъ, если только вы овладѣете мной и я не ускользну отъ васъ. При этомъ тихо улыбнувшись и взглянувъ на насъ, онъ сказалъ:— Я все таки, друзья мои, не могу убѣдить Критона въ томъ, что Сократъ—это я, ведущій въ настоящее время съ вами бесѣду и дающій правильное теченіе каждой ея части. Онъ думаетъ, что тотъ, кого онъ черезъ нѣсколько времени увидитъ мертвымъ, буду я, и спрашиваетъ — какъ меня похоронить? ⁷⁶⁾ А то, о чемъ я давно уже веду долгую рѣчь, что я не останусь съ вами, послѣ того когда выпью ядъ, но перейду къ несказаннымъ радостямъ блаженныхъ душъ,—объ этомъ я кажется безъ пользы бесѣдовалъ съ нимъ, утѣшая только васъ и себя. Поручитесь же за меня, сказалъ онъ, передъ Критономъ, но въ смыслѣ противномъ тому, какъ онъ самъ ручался за меня передъ судьями. Онъ ручался, что я останусь, а вы поручитесь, что я не останусь, послѣ того когда умру, но уйду отъ васъ; поручитесь для того, чтобы онъ легче могъ все это перенести, и когда увидитъ тѣло мое сожигаемымъ или погребаемымъ, чтобы онъ не сокрушался обо мнѣ, точно претерпѣ-

вающемъ что — то ужасное. Пусть онъ не говорить на похоронахъ, что онъ выставляетъ Сократа, что онъ провожаетъ его къ могилѣ или погребаетъ его. Да будетъ тебѣ извѣстно, мой дорогой Критонъ, прибавилъ Сократъ, что неточно выражаться — не только дурно само по себѣ, но и причиняетъ нѣкотораго рода зло душамъ. Нужно въ этомъ случаѣ быть спокойнымъ и говорить, что ты погребаетъ мое тѣло. Похороны же его такъ, какъ тебѣ будетъ угодно и какъ ты найдешь наиболѣе согласнымъ съ законами.

LXV. Сказавъ это, онъ всталъ и ушелъ въ другую комнату, чтобы совершить омовеніе. Критонъ послѣдовалъ за нимъ, а намъ онъ предложилъ остаться. Мы остались и начали между собою бесѣду о томъ, что было говорено, провѣряя снова все сказанное и снова разсуждая о нашемъ несчастіи, какъ оно было для насъ велико. Мы именно смотрѣли на дѣло такъ, что мы теряли отца и что намъ придется проводить сиротами остальную жизнь. Когда Сократъ окончилъ омовеніе и къ нему были приведены его дѣти — у него было два маленькихъ сына и одинъ взрослый — и когда вошли принадлежавшія къ его дому женщины, онъ поговоривши съ ними въ присутствіи Критона и приказавши то, что хотѣлъ приказать, выслать женщинъ и дѣтей, а самъ возвратился къ намъ. Уже было близко къ солнечному закату, потому что онъ долго промедлилъ во внутренней комнатѣ. Возвратившись послѣ омовенія, Сократъ сѣлъ и послѣ этого мало уже говорилъ. Тогда вошелъ служитель одиннадцати и, подошедши къ нему, сказалъ:

— Сократъ, ты конечно не будешь обвинять меня,

какъ обвиняють другіе, которые раздражаются и осыпають меня проклятіями, когда я по приказанію одиннадцати требую, чтобы они пили ядъ. Я въ теченіе этого времени зналъ тебя, какъ человѣка самаго благороднаго, самаго кроткаго и лучшаго изъ всѣхъ, которые когда нибудь входили въ эту темницу, а потому хорошо знаю и теперь, что ты негодуешь не противъ меня, — потому что ты знаешь виновниковъ дѣла — а противъ нихъ. Теперь, такъ какъ ты знаешь, что я пришелъ тебѣ объявить, — прощай и старайся перенести какъ можно легче то, что неизбежно.

При этомъ онъ заплакалъ, отвернулся въ сторону и вышелъ. Сократъ, взглянувъ на него, сказалъ.

— И ты прощай: мы же сдѣлаемъ свое дѣло. А затѣмъ, обратившись къ намъ, прибавилъ: какой превосходный человѣкъ! Все это время онъ иногда навѣщалъ меня и бесѣдовалъ со мною, обнаруживая при этомъ въ себѣ одного изъ лучшихъ людей, и теперь какъ благородно онъ меня оплакиваетъ! Ну, Критонъ, исполнимъ же его требованіе; пусть мнѣ принесутъ ядъ, если онъ приготовленъ, а если нѣтъ, — пусть человекъ приготовить.

— Но я думаю, любезный Сократъ, возразилъ Критонъ, что солнце стоитъ надъ горами и не зашло еще; да кромѣ того другіе принимаютъ ядъ очень поздно, послѣ того когда имъ прикажутъ, а пиршествуютъ и пьютъ, сколько только пожелаютъ; нѣкоторые же наслаждаются съ своими возлюбленными и удовольствіями любви; итакъ не спѣши: у тебя есть еще время.

Сократъ на это возразилъ:

— Тѣ, о которыхъ ты говоришь, любезный Кри-

тонъ, имѣютъ основаніе такъ поступать: они думаютъ, что, поступая подобнымъ образомъ, они остаются въ выигрышѣ; а я имѣю свое основаніе, почему такъ не сдѣлаю. Я думаю, что выпивши ядъ немного позже, я не выиграю ничего, кромѣ того что сдѣлаюсь смѣшнымъ въ собственныхъ глазахъ, такъ пламенно желая жить и стараясь сохранить то, чего уже нѣтъ. Итакъ поди, прибавилъ онъ, слушайся и не поступи иначе.

LXVI. Критонъ, выслушавъ это, сдѣлалъ знакъ подлѣ стоявшему слугѣ. Слуга вышелъ и, промедливъ долгое время, возвратился, ведя съ собой человека, который долженъ былъ дать Сократу ядъ, принесенный имъ приготовленнымъ въ чашѣ. Сократъ, увидя его, сказалъ:

— Хорошо, мой дорогой; тебѣ знакомы эти вещи: что нужно дѣлать?

— Ничего другаго,—отвѣтилъ тотъ, какъ выпивши ходить, пока у тебя явится тяжесть въ ногахъ, потомъ лечь; такимъ образомъ ядъ самъ собою сдѣлаетъ свое дѣло.

При этихъ словахъ, онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ, принявши ее съ веселымъ видомъ, любезный Эхекратъ, безъ малѣйшаго страха, нисколько не измѣнившись ни въ лицѣ, ни во взорѣ, но взглянувъ, по своему обычаю, пристально на тюремщика, спросилъ:

— Что ты думаешь относительно возліянiя изъ этого питья въ честь какого нибудь божества: можно или нѣтъ?

— Мы приготовили, Сократъ, столько, отвѣтилъ тотъ, сколько считали необходимымъ.

— Понимаю, сказалъ Сократъ. Но конечно и поз-

волительно и должно помолиться богамъ о томъ, чтобы переселеніе мое отсюда туда совершилось благополучно; объ этомъ именно я молюсь, и — о если бы это было такъ!

Сказавши это, онъ поднесъ чашу къ устамъ, и выпилъ ее легко и спокойно. До сихъ поръ большинство изъ насъ еще находило въ себѣ достаточно силъ удерживать слезы; но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ и уже выпилъ, то долѣе удерживаться не могли; у меня противъ воли ручьемъ хлынули слезы; закутавъ голову въ плащъ, я плакалъ о себѣ самомъ: не его, а свое собственное несчастіе оплакивалъ я, терявши въ немъ такого друга. Критонъ, который еще раньше меня не могъ удержать своихъ слезъ, вышелъ. Аполлодоръ и прежде не переставалъ плакать, а тогда разразился рыданіями и своими стопами и криками отчаянія потрясалъ души всѣхъ присутствующихъ, кромѣ души Сократа.

Что вы дѣлаете, чудные люди? сказалъ онъ. Я главнымъ образомъ по этой причинѣ выслалъ женщинъ, что бы онѣ не сдѣлали чегонибудь подобнаго. Я слышалъ, что умирать должно въ благоговѣйномъ молчаніи. Итакъ успокойтесь и будьте мужественны.

Услышавъ это, мы устыдились и перестали плакать. А онъ, походивши и сказавъ, что у него тяжелѣютъ ноги, легъ на спину, потому что такое наставленіе далъ ему служитель, принесшій ядъ. Тогда этотъ послѣдній, притрогиваясь къ нему время отъ времени, пробовалъ его ноги и голени, и сильно сжавъ ему одну ногу, спросилъ: чувствуетъ ли онъ это? Сократъ отвѣчалъ: „нѣтъ“. Потомъ онъ снова пробовалъ голени и, восходя выше,

показывалъ намъ, что онъ уже холодѣлъ и коченѣлъ. Затѣмъ онъ прикасался къ его тѣлу и сказалъ, что какъ скоро холодъ достигнетъ до сердца, — онъ отойдетъ. Холодъ почти уже коснулся нижней части живота, когда онъ раскрывшись — потому что онъ былъ накрытъ — сказалъ свое послѣднее слово:

— Критонъ, мы должны пѣтуха Асклепію ⁷⁷); прине- сите этотъ даръ и не пренебрегите этой обязанностью.

— Будетъ исполнено, отвѣтилъ Критонъ. Но не имѣ- ешь ли ты еще чегонибудь сказать?

На этотъ вопросъ Сократъ уже ничего не отвѣтилъ, а спустя немного времени сдѣлалъ судорожное движе- ніе, послѣ чего служитель раскрылъ его. Взоръ его уже былъ неподвиженъ. Видя это, Критонъ смежилъ ему уста и глаза.

LXVII. Таковъ былъ, любезный Эхекратъ, конецъ нашего друга — человѣка, котораго мы смѣло могли бы назвать лучшимъ изъ людей того времени, какихъ только мы знали, и вообще самаго мудраго и правдиваго изъ людей.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія.

1. Τῶν πολιτῶν Φλιασίων — изъ фліунтскихъ гражданъ. Фліунтъ былъ небольшою вольною городъ въ пелопонесской области Сикіоніи; прилежавшій къ нему округъ назывался Φλιασία. Самый городъ находился въ разстояніи 12-ти миль отъ Аѳинъ, по прямому пути.

2. Πολλῶ ὕστερον — ἀποθανών — приговоръ былъ исполненъ спустя долгое время.

Промежутокъ времени между произнесеніемъ приговора и исполненіемъ его составляетъ тридцать дней. Объ этомъ обстоятельствѣ мы знаемъ изъ Ксенофонта, Xen. Memor. III, 8, 2.

3. Ἐστεμμένη — увѣнчивали и проч.

Увѣнчивали лавромъ; лавръ — дерево, посвященное Аполлону.

4. Εἰς Δῆλον — въ Делось.

Делось — нынѣшній Дили, островъ на эгейскомъ морѣ, представляющій не болѣе пяти миль въ окружности, но свято почитавшійся въ цѣлой Греціи, какъ мѣсто рожденія Аполлона и Діаны. Вокругъ него расположены цикладскіе острова.

5. Ἐν ᾧ Θησεύς — ἐσώθη — на которомъ Theseus — спасъ ихъ и себя.

Минось, критскій царь, предпринялъ войну противъ аѳинянъ, съ цѣлію отмстить имъ за смерть сына своего Андрогеея, умерщвленнаго на панопенейскомъ праздникѣ. Потомъ согласился оставить Аѳины въ покоѣ съ условіемъ, чтобы

аѳинскіе граждане каждыя девять лѣтъ присылали на островъ Критъ въ видѣ дани семь юношей и семь дѣвицъ (*οἱ δὲς ἑπτὰ ἑχεῖνοι*), которые были запираемы въ лабиринтъ и дѣлались тамъ добычей пожиравшаго ихъ чудовища—Минотавра. Тезей, сынъ аѳинскаго царя Эгея и Этры, добровольно предложившій себя въ число жертвъ, когда срокъ отправленія этой дани наступилъ въ третій разъ, убилъ Минотавра и вышелъ изъ лабиринта при помощи дочерей Миноса Ариадны и Федры, изъ которыхъ первую онъ оставилъ въ Наксосѣ, а на второй спустя немного времени женился, и потомъ вмѣстѣ съ спутниками благополучно возвратился въ Аѳины.

6. *Θεωρίαν ἀπάξειν* — отправлять священное посольство.

Θεορίями у грековъ назывались торжественныя священныя посольства, которыя были отправляемы на всѣ великія народныя игры, въ Делосъ и другія священныя мѣста. Первоначальная цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы соединеніемъ отдѣльныхъ республикъ въ общихъ религіозныхъ празднествахъ поддерживать воспоминаніе о первоначальномъ единствѣ происхожденія. Ближайшею задачею каждой теоріи было принесеніе отъ имени государства жертвы тому или другому божеству, а также вопрошеніе оракула. Обыкновенно въ составъ теорій входило большое число лицъ, желавшихъ принять участіе въ праздникѣ, или же отправлявшихся съ политическими и торговыми цѣлями. Всѣ эти лица назывались однимъ общимъ именемъ *θεωροί* и состояли подъ нѣкотораго рода надзоромъ главы посольства — *ἀρχιθεωρος*, ближайшею обязанностію котораго было заботиться о томъ, чтобы отправленное посольство явилось на празднествѣ, не уронивъ ни въ какомъ отношеніи своего достоинства. О пышности и блескѣ, съ которыми они иногда были отправляемы, мы находимъ свѣдѣніе у Плутарха, въ жизнеописаніи Никіа. Здѣсь подробно описана теорія, которую Никій, послѣ жестокой неудачи аѳинскихъ полководцевъ въ Сициліи, отвелъ на островъ Делосъ. Вотъ это мѣсто: Никій высадился на берегъ съ хоромъ, жертвенными животными и прочимъ экипажемъ (*παρασχευή*) и навелъ ночью пригото-

вленный въ Аѳинахъ мостъ, великолѣпно украшенный позолотой, живописью, вѣнками и коврами. Мостъ этотъ длиною въ четыре стадіи (= 490 футовъ) былъ положенъ черезъ небольшой проливъ, отдѣляющій Ренію отъ Делоса. Съ разсвѣтомъ онъ перевелъ черезъ него торжественную процессію, при чемъ хоръ въ богатомъ убранствѣ исполнялъ гимны въ честь бога. Послѣ жертвоприношенія, игръ и праздничнаго пиршества, онъ принесъ въ даръ Аполлону мѣдную пальму, а потомъ, купивши за 10,000 драхмъ (2,800 талеровъ) участокъ поля, посвятилъ его ему же съ тѣмъ, чтобы доходы съ этого участка были обращаемы делосцами на жертвоприношенія и пиршества въ честь бога. Знаменитѣйшею изъ теорій была аттическая, ежегодно отправляемая на островъ Делось. Объ этой самой и говорить здѣсь Платонъ.

7. Οἱ ἀρχοντες—начальники.

Подъ именемъ: οἱ ἀρχοντες разумѣются начальственные лица вообще и въ частности, въ данномъ случаѣ, οἱ ἐνδρα. (У Карпова ошибочно переведено архонты). Это были важныя должностныя лица въ Аѳинахъ, которыя имѣли надзоръ за тюрьмами и приведеніемъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, почему ихъ обыкновенно сравниваютъ съ римскими *triumviri capitales*. На ихъ обязанности лежало имѣть наблюденіе надъ заключенными и тѣхъ изъ нихъ, которые содержались подъ стражей, въ видахъ обезпеченія явки ихъ въ судъ, представлять въ надлежащее время въ судилище, а за тѣми, которые содержались въ тюрьмѣ для наказанія, наблюдать, чтобы они не были освобождаемы ни раньше ни позже опредѣленнаго времени. Они также должны были заботиться о правильности въ исполненіи смертныхъ приговоровъ. Οἱ ἐνδρα дѣлали опись конфискованнымъ имуществамъ, старались приводить въ извѣстность то, что было изъ нихъ утаиваемо, назначали ихъ къ продажѣ и возникавшія отсюда тяжбы представляли въ судъ.

8. Ἄλλὰ μὴν—τοιοῦτους ἑτέρους ἔχεις — тѣ, которые приготовились слушать тебя, не меньше чѣмъ и ты любишь Сократа.

Я измѣнилъ выраженіе подлинника, желая яснѣе пере-

дать внутренній смысл рѣчи Эхекрата. Въ тонѣ, которымъ Эхекратъ это высказываетъ, слышится ревность его къ Федону, который, присутствовавъ при послѣднихъ минутахъ Сократа, видимо гордится преимуществомъ своего положенія передъ слушателями и старается выставить при каждомъ удобномъ случаѣ любовь свою къ учителю.

9. Οὗτός τε — παρῆν — изъ согражданъ его былъ и пр.

Изъ числа упоминаемыхъ въ настоящемъ мѣстѣ лицъ наибольшую извѣстностью пользуется ученикъ Горгія, а послѣ другъ и почитатель Сократа — *Антисоенъ*, основатель цинической школы. Именами Критона и Менексена Платонъ озаглавилъ два своихъ діалога. Остальные лица менѣе извѣстны.

10. Πλάτων δέ, οἶμαι, ἡσθένει — Платонъ же, какъ я думаю, былъ боленъ.

Штальбаумъ считаетъ не лишнюю правдоподобія догадку Форстера, что Платонъ разумѣетъ подъ этимъ скорбь, произведенную въ немъ мыслью о близкой смерти ихъ великаго учителя. А что онъ ничего не упоминаетъ о Ксенофонтѣ, то это обстоятельство приводятъ обыкновенно въ числѣ доказательствъ зависти и вражды, существовавшей между Платонъ и Ксенофонтомъ. Но противъ этого давно уже было замѣчено, что Ксенофонтъ за годъ до смерти Сократа отправился въ походъ въ Азію, и слѣд. не могъ присутствовать при смерти учителя.

11. Ἐν Αἰγίνῃ etc. — въ Эгинѣ.

Эгина — островъ на сароническомъ заливѣ, между Арголидой и Аттикой, около двухсотъ стадій въ окружности, по большей части гористый, а во внутренности — необыкновенно плодоносный, богатый прекрасною глиною, которая употреблялась какъ матеріалъ для драгоценныхъ сосудовъ.

12. τὴν δὲ Ξανθίππην — Ксантиппу etc.

Имя Ксантиппы, какъ злой и корыстолюбивой женщины, обратилось въ пословицу; на дѣлѣ однако, она была далеко лучше своей репутаціи. Хорошая хозяйка и заботливая мать, она естественно имѣла причины быть недовольною мужемъ, который слишкомъ мало заботился о домѣ и семействѣ. Со-

кратъ, какъ извѣстно, не отличался семейными добродѣтелями, и Штейнгардтъ положительно идеализируетъ въ этомъ отношеніи его характеръ, приписывая ему качества хорошаго мужа и отца.

13. *τινες τῶν τοῦ Κρίτωνος* — слуги Критона.

Богатые и знатные Аѳиняне никогда не выходили изъ дому одни, но всегда имѣли при себѣ много рабовъ.

14. *Ἄϊσωπος* — Эзопъ.

Васнописецъ Эзопъ представляетъ въ греческой литературѣ переходную ступень отъ мѣстическаго къ историческому времени; его обыкновенно считаютъ современникомъ Солона и семи мудрецовъ. Рассказываютъ, что онъ находился въ услуженіи въ качествѣ раба у многихъ господъ, а потомъ получилъ свободу. Совершивъ путешествіе къ лидійскому царю Крезу, онъ былъ посланъ имъ въ Дельфы, гдѣ за богохуленіе былъ свергнутъ съ гіампейской скалы. Справедливѣе можно сказать, что обстоятельства его жизни намъ мало извѣстны; біографія его, написанная византійскимъ монахомъ Максимомъ Планудомъ, скорѣе романъ нежели біографія.

15. *ἀτὰρ καὶ Εὐήνος πρῶτην* — и — въ недавнее время Эвень.

Эвень, уроженецъ острова Пароса, — поэтъ и софистъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ учителемъ Сократа въ стихотворномъ искусствѣ; но это, судя по той ироніи, съ которою Сократъ говоритъ о немъ какъ въ нашемъ діалогѣ такъ и въ апологіи, представляется невѣроятнымъ. Онъ писалъ элегіи, изъ которыхъ нѣкоторые отрывки дошли до насъ, но стихотворенія его какъ по содержанію такъ и по формѣ не представляютъ ничего замѣчательнаго.

16. *εἰς τὸν Ἀπόλλω προοίμιον* — и написавъ гимнъ Аполлону.

προοίμιον — гимнъ. Первоначально подъ этимъ разумѣлось поэтическое вступленіе, которое рапсодръ предпосылалъ своему стихотворенію. Обыкновенно оно содержало въ себѣ похвалу божеству, праздникъ котораго воспѣвался въ похвальной пѣсни большого объема или въ стихотвореніи эпическаго содержанія. Такія поэтическія вступленія сохранились для насъ въ небольшихъ гомерическихъ гимнахъ. Между пи-

сателями проэмій упоминаются Терпандръ и Аріонъ. Позже проэміи были смѣшиваемы съ собственно такъ называемыми гимнами. Это *προοίμιον* Діонъ Хризостомъ называетъ пепномъ—имя сдѣлавшееся впоследствии времени общимъ названіемъ для всякаго лирическаго стихотворенія въ честь божества вообще, и по преимуществу въ честь Аполлона.

17. *μουσικὴν ποιεῖ καὶ ἐργάζου*—посвяти себя искусству музъ и упражняйся въ немъ.

Μουσική sc. *τέχνη* — собственно музыкальное искусство вообще, но древніе соединяли съ понятіемъ музыки гораздо болѣе обширное значеніе, разумѣя подъ ней не одно только то искусство, которое мы разумѣемъ. Музыка обнимала у нихъ все духовное образованіе вообще, — научное такъ же какъ и художественное, но по преимуществу философію, поэзію, мимику, танцевальное искусство и искусство прорицаній. Вслѣдствіе этой древней связи мудрости съ музыкой мудрѣйшимъ изъ боговъ былъ владѣвшій лирою Аполлонъ, а изъ героев — Ореей. Музыка вмѣстѣ съ гимнастикой составляла вторую необходимую принадлежность свободнаго воспитанія—*παιδεία*; отдѣленіе ея отъ поэзіи впервые послѣдовало во времена Платона и не было имъ одобряемо. Такъ какъ у древнихъ грековъ всѣ искусства и науки состояли подъ покровительствомъ музъ, то я думаю, что передача *μουσική* выраженіемъ — «искусство музъ» составляетъ самый близкій переводъ; содержаніе же рѣчи ясно показываетъ, какое именно искусство разумѣется здѣсь.

18. *Φιλολάῳ συγγεγονότες*—отъ Филолая, когда были его учениками.

Филолай, одинъ изъ знаменитѣйшихъ пифагорейцевъ, по Платону—современникъ Сократа, уроженецъ Кротона, или Тарента. Въ молодости онъ былъ ученикомъ Пифагора. Онъ первый началъ излагать письменно распространявшееся дотогъ изустно ученіе своего учителя.

19. *διασκοπεῖν τε καὶ μυθολογεῖν*—разсуждать и вспоминать существующіе разказы и проч.

Суземилъ справедливо видить въ этихъ словахъ выраженіе

двоякаго способа разсужденій Платона — діалектическаго и мнѣическаго.

20. *σαφές δὲ — οὐδὲν ἀκήχοα* — но яснаго объ этомъ не слышалъ—ничего и ни отъ кого.

Намекъ на темноту ученія и загадочный способъ выраженія пифагорейцевъ.

21. *ὁ μὲν οὖν ἐν ἀπορρήτοις λεγόμενος* περὶ αὐτῶν λόγος—то, что содержитсяъ объ этомъ предметѣ въ тайнствахъ и въ ученіи, сообщаемомъ только посвященнымъ.

Τὰ ἀπορρήτα различно объясняются комментаторами. Одни видятъ въ этомъ мѣстѣ указаніе то на орѣическія то на элевзинскія мистеріи, но Шталльбаумъ рѣшительно отвергаетъ это объясненіе на томъ основаніи, что у Платона мистеріи никогда не называются этимъ именемъ — *ἀπορρήτα*. Шталльбаумъ и вслѣдъ за нимъ большая часть изслѣдователей новаго времени разумѣютъ подъ этимъ внутреннюю, эсotericическую, сторону пифагорейскаго ученія (*interior pythagoreorum doctrina*). Этого послѣдняго мнѣнія держались и древніе (хотя впрочемъ позднѣйшіе), какъ это видно изъ Цицерона. *Sato maj. c. 20.* Мнѣ представляется гораздо основательнѣе мнѣніе Бишофа, который думаетъ, что выраженіе *ἐν ἀπορρήτοις* заключаетъ въ себѣ то и другое, — и указаніе на мистеріи и на тайное ученіе пифагорейцевъ. *Für welche Erklärung soll man sich nun entscheiden?* говоритъ онъ. *Für keine ausschliesslich.* Denn Socrates konnte sich auf alle jene Quellen beziehen. Ihm lag nur daran, seine mythische Darstellung an eine Tradition anzuknüpfen; je ausgebreiteter diese war, desto besser. Бишофъ, *Plat. Phaed. p. 32.*

22. *παρὰ θεοῦς ἄλλους*—къ другимъ богамъ

Земля, небо и подземный міръ состояли, по ученію грековъ, въ вѣдѣніи особенныхъ божествъ, подъ управленіемъ верховнаго божества. Такъ въ концѣ Критона законы, какъ верховныя силы, говорятъ о своихъ братьяхъ,—законахъ въ подземномъ мірѣ.

23. *ἀποθνήσκειν τε καὶ τεθνάναι*—умереть и быть для всего мертвыми.

Одинъ и тотъ же глаголь употребленъ въ двухъ разныхъ значеніяхъ. Первое выраженіе — ἀποθνήσκειν имѣеть буквальный смыслъ, т. е. означаетъ обыкновенную физическую смерть, а второе — смыслъ метафорическій. Люди, преданные философіи, стараются подавить въ себѣ всякое влеченіе чувственности и стремленіе ко внѣшнимъ благамъ; живя исключительно въ мірѣ идей — они мертвы для всего ихъ окружающаго.

24. Οἱ φιλοσοφοῦντες θαναθῶσι — философы дѣйствительно желаютъ смерти.

θαναθῶσι schol. θανάτου ἐπιθυμοῦσι — mori cupiunt. У Карпова, переводъ котораго представляетъ къ сожалѣнію весьма много невѣрностей, въ этомъ мѣстѣ непостижимо странная и ничѣмъ необъяснимая ошибка. Вмѣсто того, что бы перевести согласно значенію глагола θαναθῶ — «истинные философы желаютъ смерти», онъ переводитъ: «умрутъ ли (!) истинные философы». Замѣчательно, что этотъ непонятный промахъ сдѣланъ Карповымъ во 2-мъ, исправленномъ изданіи Платона. (Соч. Плат. СПб. 1863 г., Ч. II, стр. 69). Въ Прописяхъ, гдѣ онъ напечаталъ свой переводъ въ первый разъ, это мѣсто передано вѣрно. (Проп. кн. V, стр. 25). Чѣмъ объяснить такую странность, не знаю.

25. ἱματίων διαφερόντων κτήσεις καὶ ὑποδημάτων — обладаніе красивымъ платьемъ, обувью и проч.

Афиняне, какъ извѣстно, любили щеголять роскошью нарядовъ, при чемъ обувь играла непослѣднюю роль. Сократъ тѣмъ съ большимъ правомъ могъ порицать эту суетность своихъ согражданъ, отъ которой не были свободны даже философы, какъ напр., Аристотель, что самъ онъ обыкновенно носилъ очень простую и недорогую одежду.

26. τί δὲ — τῆς φρονήσεως κτήσιν — ну, а въ приобрѣтеніи знанія и пр.

Я не согласенъ въ настоящемъ случаѣ съ мнѣніемъ Шталльбаума, который, основываясь на различіи σοφία и φρόνησις, находящемся у Цицерона (Cic. Off. 43, 153) придаетъ послѣдней въ данномъ случаѣ значеніе чисто нравственной добро-

дѣтели. Смыслъ дальнѣйшей рѣчи ясно показываетъ, что *φρόνησις* нужно понимать въ этомъ мѣстѣ въ болѣе обширномъ значеніи, — въ значеніи знанія вообще, а не одного только пониманія вопросовъ этики и приложенія выработанныхъ нравственныхъ правилъ къ жизни. Итакъ Фишеръ объясняетъ это мѣсто совершенно правильно, говоря: *φρόνησις est sapientia, quae posita est in scientia naturae rerum.*

27. Οἱ ποιηταὶ ἡμῶν ἀεὶ θρυλοῦσιν—поэты правы, постоянно твердя.

Οἱ ποιηταὶ — подъ этимъ разумѣются: Парменидъ, Эмпедоклъ и Эпихармъ; какъ философы такъ, и сицилійскій комикъ отрицали возможность достиженія точнаго знанія посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ.

28. τὶ τῶν ὄντων — что нибудь въ бытіи.

Разумѣются идеи, которыя однѣ, по ученію Платона, представляютъ постоянное, неизмѣнное бытіе, потому что міръ видимыхъ явленій есть нѣчто преходящее и измѣняющееся.

29. τοῦ γινῶναι ἕκαστον—каждой (сущности).

Разумѣются не предметы и явленія видимаго міра, а чистыя идеи.

30. ἀλλ' αὐτῇ καθ' αὐτήν—τῶν ὄντων—но отдаваясь чистой мысли, мысли въ самой себѣ—каждую отдѣльную чистую сущность въ ней самой.

Чистое — *εἰλικρινές* т. е. неизмѣняемое, потому что идеи, о которыхъ идетъ рѣчь, исключаютъ всякую возможность видоизмѣненій въ своемъ бытіи.

31. κινδυνεύει—ἀτραπός—ἐν τῇ σχέψει—при мысленномъ изслѣдованіи насъ ведетъ какъ будто бы какая то тропинка.

Греческій текстъ этого мѣста довольно труденъ и составляетъ предметъ споровъ между комментаторами. Я не буду останавливаться на разборѣ и сравнительной оцѣнкѣ различныхъ мнѣвій по этому вопросу, такъ какъ для большинства читателей это не можетъ представлять интереса. Замѣчу только, что при переводѣ этого мѣста я имѣлъ прежде всего въ виду логическое развитіе мысли, чѣмъ и опредѣлился выборъ принятаго мною чтенія. Признавши единственно вѣрнымъ способомъ изслѣдованія чисто мысленное созерцаніе, при ко-

торомъ совершенно устраняется дѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ, Сократъ естественно долженъ былъ смотрѣть на этотъ избранный имъ путь какъ на просторный и широкій, и, слѣд., выраженіе ἀτραπός здѣсь повидимому неумѣстно. «Но употребляя выраженіе узкая тропинка» (ἀτραπός) для обозначенія пути, который, по его идеѣ, составляетъ просторную, широкую дорогу, онъ разумѣетъ: во 1-хъ то, что этимъ путемъ идутъ очень немногіе, — только истинные философы; во 2-хъ, что его не всѣ видятъ и знаютъ: масса, толпа идетъ дорогой обыкновенной, всѣмъ извѣстной; въ 3-хъ наконецъ, — и это по моему мнѣнію самое главное, — то, что какъ бы человѣкъ ни усиливался при изслѣдованіи отрѣшиться отъ тѣла, — совершенное устраненіе вліянія внѣшнихъ чувствъ и вообще условій жизни тѣлесной — невозможно. Очевидно слѣд., что этотъ путь просторный и широкій въ идеѣ, есть путь узкій въ дѣйствительности.

32. μετὰ τούτων — съ такими же сущностями.

Карповъ переводитъ: съ подобными намъ существами. Неточно. Не существами, а сущностями. Штальбаумъ дополняетъ τούτων словомъ: καθ'αυτῶν, а Виттенбахъ переводитъ cum talibus versabimur; p. 164. Подъ τούτων не разумѣются исключительно божества и философствовавшія въ земной жизни души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чистыя идеи, которыя будутъ созерцать по смерти во всей полнотѣ и совершенствѣ душа истиннаго философа.

33. οὐκ — φιλόσοφος — ἀλλά τις φιλοσώματος — любить не мудрость, а тѣло.

Въ подлинникѣ игра созвучіемъ словъ, которой нѣтъ возможности передать по русски: «не другъ мудрости (φιλόσοφος), а другъ тѣла» (φιλοσώματος).

34. ἀρ' — οὐ καὶ ἡ ὀνομαζομένη ἀνδρεία — то, что называютъ мужествомъ и проч.

Раздѣленіе добродѣтели (ἀρετή) на четыре вида (φρόνησις, ἀνδρεία, σωφροσύνη, δικαιοσύνη) принадлежитъ пифагорейцамъ, какъ это доказалъ на основаніи пифагорейскихъ отрывковъ Виттенбахъ. Φρόνησις = prudentia et sapientia, по-нѣмецки vernünftige Einsicht, Weisheit. ἀνδρεία = fortitudo,

perseverantia; по-нѣмецки Muth, Tapferkeit. Σωφροσύνη = sanitas animi, temperantia vel moderatio; по-нѣмецки Besonnenheit, Selbstbeherrschung. У Платона, впрочемъ σωφροσύνη имѣеть болѣе обширный смыслъ чѣмъ нѣмецкое Besonnenheit и иногда совпадаетъ съ понятіемъ φρόνησις. Какъ трудно передать σωφροσύνη однимъ словомъ на другой языкъ видно изъ того, что первый художникъ латинскаго языка—Цицеронъ переводитъ σωφροσύνη—modestia, moderatio и temperantia. Δικαιοσύνη = justitia, probitas, по-нѣмецки Gerechtigkeit, Richtigkeit. По-русски наиболѣе близкій и точный переводъ можно принять слѣдующій: φρόνησις—мудрость, благоразуміе; ἀνδρεία—мужество, твердость духа; σωφροσύνη—здравый умъ, воздержаніе, умѣренность; δικαιοσύνη—справедливость, честность.

35. καθαρμός τις ἤ—не что иное, какъ религіозное очищеніе.

Что подъ этимъ разумѣть: орѣическія или элевзинскія мистеріи? Большинство комментаторовъ разумѣеть первыя, такъ какъ они по преимуществу были sacra lustralia; къ элевзинскимъ же таинствамъ, хотя они совершались при извѣстныхъ очищеніяхъ, люди, оскверненные преступленіями, вовсе не допускались. Первое мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что слѣдующее непосредственно затѣмъ выраженіе о блаженствѣ посвященныхъ, равно какъ и стихъ: *καρθηκοφόροι μὲν πολλοί* etc—орѣическіе. Въ орѣическихъ мистеріяхъ различалось пять степеней очищенія.

36 *καρθηκοφόροι μὲν πολλοί, βάχχοι δὲ τε παῦροι*—много носящихъ тирсы, но мало истинно вдохновенныхъ.

Орѣическій стихъ, о которомъ упомянуто въ предыдущемъ примѣчаніи. Употреблявшійся какъ пословица онъ здѣсь имѣеть метафорическій смыслъ. Значеніе его въ этомъ мѣстѣ еяса хорошо объясняетъ Фишеръ слѣдующими словами: *multi prae se ferunt amorem et studium philosophiae sed pauci sunt veri philosophi*. Pl. Paedo, p. 291. Климентъ Александрійскій, приводя этотъ стихъ, сближаетъ его съ евангельскимъ изреченіемъ: «много званыхъ, но мало избранныхъ».

37. πάντ' ἄν λῆρον τὸν Ἐνδυμίωνα ἀποδείξειεν — рассказъ объ Эндимионѣ потерялъ бы всякое значеніе.

Эндимионъ — Ἐνδυμίων — извѣстный по мифологіи вѣчнымъ сномъ любимецъ луны. Преданія о немъ указываютъ частію на Элиду, частію на Карію. Эндимионъ имѣлъ отъ Селены пятьдесятъ дочерей, которымъ даютъ аллегорическое значеніе пятидесяти мѣсяцевъ между одной Олимпиадой и другой. Селена любитъ прекраснаго юношу и каждую ночь сходить къ нему съ небесъ, чтобы его поцѣловать и подлѣ него отдохнуть. Непробудный сонъ Эндимиона былъ даромъ, полученнымъ имъ отъ Зевса, такъ какъ онъ самъ пожелалъ покоиться вѣчнымъ сномъ въ неувядающей юности и красотѣ.

38. ταχὺ ἄν τὸ τοῦ Ἀναξαγόρου γεγονός εἶη — то скоро исполнилось бы, о чемъ говорить Анаксагоръ и проч.

Анаксагоръ по духу ученія составляетъ ступень перехода отъ іонійцевъ къ Сократу. Его называютъ ученикомъ Анаксимена. Онъ родился въ Клазоменѣ, въ Лидіи, около 70-й Олимпиады, или за 500 лѣтъ до Р. Х., и былъ почти современникомъ философовъ Демокрита, Эмпедокла, Парменида и Зенона. Отказавшись отъ общественныхъ должностей онъ посвятилъ себя занятію науками. Послѣ многочисленныхъ путешествій на тридцатомъ или, по другимъ извѣстіямъ, на сорокъ пятомъ году жизни, Анаксагоръ прибылъ въ Аѣины, въ самую блестящую эпоху аѣинской жизни, — въ правленіе Перикла, съ которымъ вошелъ въ дружескія отношенія. Эврипидъ и Фукидидъ были его учениками. Обвиненный въ безбожии (ἀσέβεια) онъ избѣжалъ казни, благодаря краснорѣчивой защитѣ Перикла: смертный приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ. Оставивъ Аѣины, онъ поселился въ Лампсакѣ, гдѣ и кончилъ жизнь около 73-хъ лѣтъ отроду. Жители Лампсака воздвигли ему гробницу съ слѣдующею надписью: «Эта гробница вмѣщаетъ въ себѣ великаго Анаксагора, котораго умъ изслѣдовалъ небесные пути истины». Основа его философской системы заключается въ слѣдующемъ положеніи: πάντα χρήματα ἦν ὁμοῦ, εἶτα νοῦς ἐλθὼν αὐτὰ διεκόσμησε — „всѣ вещи находились въ смѣшеніи; потомъ пришелъ умъ и привелъ ихъ въ порядокъ».

39. δέομαι παθεῖν ἀναμνησθῆναι—мнѣ необходимо при-
помнить.

Вмѣсто παθεῖν во всѣхъ кодексахъ—μαθεῖν. Παθεῖν—
поправка Серрана, принятая Шталльбаумомъ, несмотря на
то, что большинство комментаторовъ (Фишеръ, Виттенбахъ,
Шмидтъ) держится текста манускриптовъ. Я перевелъ по чте-
нію Шталльбаума, которое защищаетъ и Бишофъ (Pl. Phaed.
p. 81 sq.) Согласно этому чтенію Шталльбаумъ переводить:
sed hoc ipsum, de quo sermo est (h. e. τὴν ἀνάμνησιν)
cupio experiri, hoc est commonefieri a vobis πῶς ἡ κα-
λουμένη μάθησις ἀνάμνησις ἐστίν. Платонъ играетъ выра-
женіемъ ἀναμνησθῆναι: Симмій просить *припомнить* ему,
—что значить *припоминать*?

40. αὐτὰ τὰ ἴσα ἔστιν ὅτε ἄνισά σοι etc.—равное—не-
равенствомъ?

Платонъ обозначаетъ обыкновенно отвлеченныя сущности
(равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ) при-
лагательными средняго рода въ числѣ единственномъ—αὐτὸ
τὸ ἴσον, αὐτὸ τὸ καλόν, а соотвѣтствующія имъ понятія
конкретныя—прилагательными средняго рода во множествен-
номъ. Τὸ ἴσον, τὸ καλόν = равное въ самомъ себѣ, пре-
красное въ самомъ себѣ; τὰ ἴσα, τὰ καλά = равные,
прекрасные предметы. Но въ этомъ мѣстѣ τὰ ἴσα обозна-
чаетъ не предметы равные, а идею равенства Такъ какъ
равенство, отвлеченное отъ многихъ равныхъ, но разнород-
ныхъ предметовъ, само заключаетъ въ себѣ нѣкоторымъ обра-
зомъ понятіе множественности, то Платонъ употребилъ τὸ
ἴσον во множеств. числѣ вм. ἰσότης.

41. ἐπάδειν αὐτῷ—напѣвать ему—очарованную пѣснь.

Глаголь ἐπάδειν собственно значить напѣвать волшебную,
чародѣйственную пѣснь, которая присутвіемъ въ ней тай-
ноѣ, сообщенной ей мнимо всемогущими, суевѣрными сред-
ствами силы покоряла бы всецѣло умы и сердца людей и
заставляла бы ихъ невольно вѣрить тому, о чемъ она поетъ.
Противоположный по значенію глаголь ἐξεπάδειν—уничтожать
чтонибудь въ комънибудь съ помощію волшебной пѣсни,
исцѣлять когонибудь отъ чегонибудь посредствомъ пѣсни.

42. τῷ μὲν δουλεύειν καὶ ἄρχεσθαι ἡ φύσις προστάττει, τῇ δὲ ἄρχειν καὶ δεσπόζειν — тѣлу природа указываетъ повиняться и находиться подъ управленіемъ, а душѣ пачальствовать и повелѣвать.

Почему? Отвѣтъ на это находимъ въ Тимеѣ. Душа есть ранѣе явившееся и высшее начало, а потому и господствующее; душа сотворена раньше, а тѣло позже; вслѣдствіе этого тѣло по естественному закону должно подчиняться душѣ.

43. ἡ δὲ ψυχὴ — τὸ ἀειδές — εἰς Ἄιδου ὡς ἀληθῶς — душа, невещественное по природѣ начало — переходя въ міръ невещественный — носить поэтому имя міра невидимаго.

Въ подлинникѣ игра словъ, непереводаемая по-русски. Душа, начало невидимое (τὸ ἀειδές), отправляется въ невидимое мѣсто (Ἄιδης — аидъ). Прибавка ὡς ἀληθῶς указываетъ на то, что подъ этимъ нужно разумѣть не подземный міръ, какъ обыкновенно представляютъ, а то мѣсто, гдѣ живутъ τὰ ἀειδῆ, τὰ ὄντων ὄντα — невидимыя идеи.

44. περὶ τὰ μνήματά τε — φαντάσματα — вблизи надгробныхъ памятниковъ — мрачныя привидѣнія и проч.

Народное вѣрованіе о блужданіи нѣкоторыхъ душъ вкругъ своихъ гробницъ было, какъ извѣстно, очень распространено въ древности. Лактанцій, Institut. 11, 2, 6: vulgus existimat animas circa tumulos et corporum suorum reliquias aberrare. См. Виттенб. р. 208.

45. ὁμότροπος τε καὶ ὁμότροφος — приобретаетъ и свойства тѣла, начинаетъ питаться одною съ нимъ пищею и проч.

Непереводаемая по-русски игра словъ: ὁμότροπος = qui eisdem est moribus; ὁμότροφος = qui eisdem rebus pascitur, vel idem appetit (Lex. Ast.)

46. ἀνήνυτον — μεταχειριζομένην — производить и проч. — станка Пенелопы.

Другими словами: уничтожать то, что сдѣлано. Пенелопа, извѣстная своею вѣрностью жена Одиссея, желая отклонить своихъ жениховъ отъ ихъ настойчивыхъ исканій, начала ткань и три года сряду распускала по ночамъ то, что успѣвала соткать въ теченіе дня. Предварительно

ею дано было обѣщаніе выдти замужъ по окончаніи работы. Какъ Пенелопа сначала производила, а потомъ уничтожала ткань, такъ противоположнымъ этому образомъ (ἐναντίως) колеблющійся въ своихъ правилахъ человекъ сначала уничтожалъ бы въ себѣ съ помощью философіи то, что явилось въ немъ какъ результатъ жизни чувственной, а потомъ, возвращаясь къ прежнему, воссоздавалъ бы въ себѣ вновь стремленія, уничтоженные въ немъ вліяніемъ философіи. Очевидно, что работа философіи надъ душой человека была бы въ этомъ случаѣ ἔργον ἀνήνυτον.

47. τὸ ἀδόξαστον — неизмѣнное для мысли. т. е. безусловно истинное. Точное опредѣленіе понятія, которое Платонъ соединяетъ съ словомъ δόξα представляетъ величайшую трудность и можетъ быть предметомъ цѣлаго изслѣдованія. Опредѣленіе это тѣмъ труднѣе, что у самого Платона оно представляетъ различныя оттѣнки. (См. Скворцова, Платонъ о знаніи, стр. 180 и слѣд.) Но вообще понятіе δόξα — opinio, sententia (нѣм. Uorstellung) у него противопоставляется понятію ἐπιστήμη — scientia, cognitio. (нѣм. das Verstehen) δόξα — мнѣніе — имѣетъ мѣсто въ области видимаго бытія, — предметовъ, о которыхъ мы составляемъ понятіе помощію внѣшнихъ чувствъ; ἐπιστήμη — знаніе въ точномъ и строгомъ значеніи слова, потому что предметъ его — идеи, представляющія вѣчное, неизмѣнное бытіе.

48. οἱ, ἐπειδὴν—ἄδουσι—которые — поютъ и проч.

Поэтическое сказаніе о пѣсни умирающей лебеди составляло предметъ всеобщаго вѣрованія у древнихъ. Извѣстіе объ этомъ мы находимъ у многихъ греческихъ и римскихъ писателей. Нѣкоторые натуралисты новаго времени засвидѣтельствовали вѣрность наблюденія, сдѣланнаго древними, и утверждаютъ положительно, что лебеди (изъ породы cygnus melanorhynchus, у Линнея anas cygnus), предчувствуя приближеніе смерти, поютъ жалобныя, но въ то же время самыя нѣжныя и прекрасныя свои пѣсни. Другіе впрочемъ отрицаютъ этотъ фактъ.

49 τοῦ Ἀπόλλωνος ὄντες какъ птицы Аполлона.

Ἀπόλλων—Apollo — Аполлонъ, по мифологіи сынъ Зевса и

Леты — Λητώ. Ни у Гомера ни у Гезиода нѣтъ свѣдѣній о мѣстѣ его рожденія; только гимнъ указываетъ его родину — островъ Делось. Аполлонъ — свѣтлый (φωῖβος), — богъ порядка, защитникъ закона, всего добраго и прекраснаго въ природѣ и родѣ человѣческомъ. Высокое преимущество его передъ другими божествами (кромѣ одного Зевса) — даръ прорицаній, предвѣдѣнія будущаго. Онъ получилъ этотъ даръ отъ самого Зевса для того, чтобы предостерегать людей отъ несчастій и возвѣщать имъ волю отца боговъ и людей. Онъ по преимуществу μάντις. Одаренный предвѣдѣніемъ будущаго самъ, онъ можетъ сообщать этотъ даръ и другимъ, — богамъ и смертнымъ (Гермесъ, Калхасъ) Изъ деревьевъ ему посвященъ лавръ, а изъ птицъ — лебеди. Сократъ въ настоящемъ мѣстѣ объясняетъ поэтически предчувствіе умирающей лебеди и ея послѣднюю, прощальную пѣснь предвѣдѣніемъ, которое она какъ птица Аполлона получаетъ непосредственно отъ этого бога.

50. ἐγὼ δὲ — τοῦ δεσπότου — но я полагаю и проч. — чѣмъ онѣ.

По вѣрованіямъ древнихъ душа умирающаго обладала предвѣдѣніемъ будущаго. Такъ умирающій Патроклъ предсказываетъ въ Иліадѣ своему побѣдителю Гектору смерть отъ руки Ахиллеса. (II, XVI, v. 851 sqq.) а Гекторъ въ томъ же положеніи — смерть Ахиллесу отъ Париса. (II, XXII, 358 sqq.) Дидона у Виргилія умирая предсказываетъ Энею несчастія въ Италіи, погибель въ битвѣ и вражду между потомками его и ся. Сократъ называетъ въ настоящемъ мѣстѣ Аполлона своимъ повелителемъ (δεσπότης) а себя сослужителемъ (ὀμόδουλος) лебедей именно въ этомъ смыслѣ. Какъ человѣкъ умирающій, онъ обладаетъ предвѣдѣніемъ будущаго и знаетъ, что ожидаетъ его по смерти. Въ эти минуты онъ таинственно посвященъ Аполлону и раздѣляетъ предвѣдѣніе съ его вѣщей птицей — лебедью.

51. τὰς καλὰς — ἀποχερεῖ — ты — обрѣжешь себѣ эти прекрасные волосы.

Греки, какъ и многіе другіе народы древняго востока, имѣли обыкновеніе въ знакъ траура обрѣзывать себѣ волосы. Такъ поступаетъ Ахиллесъ по смерти Патрокла, Александръ —

по смерти Гефестіона; точно такимъ же образомъ выражали свою скорбь о потерѣ Александра Персы, а восточные цари— о потерѣ Германика. Иногда обрѣзанные въ знакъ траура волосы были полагаемы на могильномъ курганѣ оплакиваемого лица. Совершенно противоположный обычай существовалъ у Римлянъ и вообще у народовъ западныхъ, которые во время траура отращали себѣ волосы. Законодательство евреевъ запрещало выраженіе скорби посредствомъ обрѣзыванія волосъ, въ отличіе отъ обыкновенной сосѣднихъ язычниковъ.

52. ὤσπερ Ἀργεῖοι—какъ дѣлали Аргивяне.

Историческій фактъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь Сократъ, сохраненъ Геродотомъ (I, 82). Аргивяне, будучи побѣждены въ двухъ сраженіяхъ лакедемонянами и потерявъ городъ Тирею, обрѣзали себѣ свои длинные волосы и, подъ угрозой проклятія за неисполненіе, постановили слѣдующій законъ: ни одинъ гражданинъ не долженъ растить себѣ волосъ, равно какъ и женщины не должны носить золотыхъ украшеній, прежде нежели потерянный городъ не будетъ вновь завоеванъ. Въ противоположность этому лакедемоняне установили обратный законъ, и съ этихъ поръ носили длинные волосы, чего не дѣлали прежде.

53. πρὸς δύο οὐδ' Ἡρακλῆς etc.—говорятъ, что съ двумя и Геркулесу трудно бороться.

Историческое происхожденіе этой, совершенно понятной по мысли и часто употреблявшейся у древнихъ пословицы неодинаково объясняется схолиастами, комментирующими это мѣсто Федона. Наиболе впрочемъ удовлетворительнымъ считаютъ слѣдующее объясненіе. Въ то время, когда Геркулесъ по сказанію мифа сражался съ лернейскою гидрой, Гера выслала противъ него огромнаго рака и Геркулесъ, будучи не въ силахъ одновременно бороться съ двумя чудовищами, призвалъ на помощь Юлая. Этотъ послѣдній часто раздѣлялъ съ Геркулесомъ его подвиги.

54. τὸν Ἰόλεον—Юлай.

Юлай или Юлей, сынъ Ифיקла, постоянный спутникъ и оруженосецъ Иракла. Въ сраженіи Геркулеса съ тысячеглавою лернейскою гидрой онъ оказалъ ему помощь, выжигая

горящими головнями въ туловищѣ змѣя тѣ мѣста, на которыхъ находились отсѣкаемыя Геркулесомъ головы. (Иначе трудъ Геркулеса былъ бы бесполезенъ, потому что вмѣсто каждой отсѣкаемой головы мгновенно выросло двѣ новыхъ). Съ помощію Иолая Геркулесу удалось такимъ образомъ овладѣть бессмертной головой змѣя. Зарывъ ее въ землю и наваливъ на это мѣсто тяжелый камень, онъ этимъ способомъ побѣдиль и умертвилъ гидру.

55. ὄσπερ ἐν Εὐρίπῳ—какъ въ Эврипѣ.

Пословица, выражающая непостоянство, вѣчную измѣняемость чего нибудь. Эврипъ—названіе бурнаго пролива между Беотіей, Аттікой и Эвбеей; волны его, по причинѣ безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, каждыя сутки семь разъ перемѣняли мѣста. Ливій изображаетъ его еще болѣе бурнымъ.

56. τὰ μὲν Ἀρμονίας—теперь ѳиванская гармонія и проч.

Игра словъ, каламбуръ. Симмій доказывалъ, что душа есть гармонія. Такъ какъ оба философа, Симмій и Кевисъ, были ѳиванцы, то Сократъ шутливо называетъ изложенную Симмиемъ теорію гармоніи именемъ личности, извѣстной въ ѳиванской исторіи,—Гармоніи, дочери Ареса и Афродиты и жены Кадма. Продолжая тотъ же шутливый тонъ, Сократъ даетъ и Кевису имя Кадма, намекая можетъ быть на то, что Кевисъ поставилъ весьма сильное возраженіе противъ бессмертія души и слѣд. представляетъ нѣкоторое сходство съ Кадмомъ, заложившимъ крѣпость Кадмею.

57. μὴ μέγα λέγε, μὴ τις ἡμῶν βασκανία—не выражайся такъ высокоумно, чтобы чья нибудь зависть и проч.

Μὴ μέγα λέγει.—ne magna loquaris; βασκανία—invidia, fascinatіo. Гордые, высокоумныя рѣчи, заключающія въ себѣ самовосхваленіе, оскорбляютъ божество и вызываютъ его мщеніе. Сократъ боится, чтобы похвалы, которыя дѣлаетъ ему другъ, не возбудили зависти со стороны божества.

58. ὡς τινες ἔλεγον—какъ утверждали нѣкоторые.

Іонійскіе философы—Анаксагоръ (Diog. Laert. 11, 9) и ученикъ его Архелай. (D. L. 11, 16).

59. τὸ αἷμά ἐστιν—кровь та сила и проч.

Мяніе Эмпедокла. (D. L. VII, 159).

60. ἡ δὲ ἀήρ—или воздухъ.

Ученіе Анаксимена.

61. ἡ τὸ πῦρ—или огонь.

Ученіе Гераклита.

62. ὁ δὲ ἐγκέφαλος—а мозгъ.

Мнѣніе это было сильно распространено въ древности.

63. εἰ ἐν μέσῳ etc.—въ центрѣ міра.

Ученіе іонійцевъ и элеатовъ.

64. νῆ τὸν κύνα—клянусь собакой.

Употребленная Сократомъ клятва часто встрѣчается у Платона и въ другихъ діалогахъ, равно какъ у Атепея и Лукіана. Какой ея смыслъ? Кажется, что ей не должно придавать другого значенія кромѣ того, какое имѣютъ иногда шуточные выраженія подобнаго рода и у насъ. По крайней мѣрѣ, едва ли можно думать, что Сократъ опирался въ этомъ случаѣ на сомнительный примѣръ Радаманта и употреблялъ шуточную форму клятвы, желая избѣгать по религіозному чувству призванія въ разговорахъ имени боговъ; мы встрѣчаемъ примѣры, что онъ клянется Герою (νῆ τὸν Ἥρα). Въ Горгіи формула клятвы, о которой идетъ рѣчь, встрѣчается съ прибавкою: τὸν Αἰγυπτίων Θεόν. Разумѣется, и эта прибавка не что иное какъ шутка, и нѣкоторые церковные писатели (Лактанцій) совершенно несправедливо обвиняютъ по этому поводу Сократа въ нечестіи.

65. ἡ περὶ Μέγαρα ἢ Βοιωτῶς—подлѣ Мегары или вблизи Беотіи.

Мегара и Беотія—области, пограничныя съ Атикой. Сократъ называетъ здѣсь именно эти области потому, что ему было легко, по близости ихъ къ Афинамъ, найти себѣ убѣжище въ которой нибудь изъ нихъ, если бы онъ захотѣлъ послѣдовать совѣту своихъ друзей и спастись бѣгствомъ.

66. ἀλλὰ ἡγοῦνται τούτου Ἀτλάντα etc.—надѣются найти Атланта.

Именемъ Атланта здѣсь обозначается универсальная все-созидающая творческая сила. Атлантъ — Ἄτλας — титанъ, сынъ титана Япета и Климены или Азіи, братъ Прометея и Эпиметея. Hesiod. Theog. 507. Это мудрый богъ, который

знаеть морскія глубины и поддерживаеъ столбы, подпирающіе небо и землю. По Гезіоду (Theog 517) Атлантъ долженъ былъ носить на головѣ и плечахъ небесный сводъ въ наказаніе за участіе, которое онъ принималъ въ борьбѣ титановъ съ олимпійцами. По объясненію нѣкоторыхъ толкователей мифовъ, Атлантъ представляетъ олицетвореніе горы, которую народныя вѣрованія дѣлали опорой небесъ, а по объясненію другихъ это былъ математикъ и астрономъ, изобрѣтатель небеснаго глобуса.

67. οἱ ἀντιλοῦχοι etc.—съ любителями преній и проч.

Софисты. Черта, на которую указываетъ въ настоящемъ мѣстѣ Сократъ, составляетъ ихъ отличіе отъ философскихъ школъ другихъ направленій. Характеръ софистовъ съ этой стороны такъ извѣстенъ, что имя ихъ обратилось въ поговорку. Тѣмъ не менѣе установившійся по преданію взглядъ на значеніе софистовъ отвергается, какъ извѣстно, очень многими изслѣдователями. Платонъ, не любившій софистовъ, говоритъ о нихъ вездѣ съ ироніей. (См. Льюиса, Ист. филос. стр. 103 и дал.).

68 Ἀνδρικόως — ἀπεμνημόνευκας — ты кстати вспомнилъ объ этомъ и проч.

Буквальный переводъ — „мужественно“. Шталльбаумъ переводитъ: *znauiter — rem retulisti*, замѣчая при этомъ, что выраженія, употребляемыя относительно сраженій и битвъ (*rugnae et certamina*) переносятся часто на философскія разсужденія. Нѣсколько выше Сократъ выражался объ этомъ своемъ диспутѣ съ друзьями философами такъ, какъ будто бы рѣчь шла о настоящемъ боѣ.

Πρὶν ἂν νικήσω ἀναμαχόμενος — не прежде, чѣмъ я одолѣю, *возобновивъ бой*, и проч. стр. 73; *δηρικόως ἐγγύς ἴοντες* — мы сошедшихъ другъ съ другомъ, *какъ герои Гомера*, и проч. стр. 86. Шлейермахеръ переводитъ: *Daran hast du gut erinnert*; Миллеръ: *Sehr wacker hast du Das in Erinnerung gebracht*; у Бузена: *tu a raison de rappeler ce qui s'est dert*.

69. ἄρ' οὖν, ἔφη, ὃ Κέβης τάδε εἶη ἄν — не будутъ ли это, любезный Кевисъ, именно тѣ (вещи) и проч.

Все это мѣсто, а особенно слѣдующее послѣ словъ — οὐ γὰρ χεῖρον πολλάκις и проч. представляетъ чрезвычайную трудность, въ чемъ соглашаются рѣшительно всѣ комментаторы. Perobscura sunt, говоритъ Шталльбаумъ, quae deinceps sequuntur. Я при переводѣ этого мѣста удержалъ то объясненіе, которое обыкновенно даетъ ему большая часть комментаторовъ. Приведу полный переводъ его, сдѣланный извѣстнымъ нашимъ эллинистомъ П. М. Леонтьевымъ (переводъ, составленный, какъ говоритъ самъ переводчикъ, при дружественномъ содѣйствіи М. Н. Каткова). Вотъ его примѣчаніе. «Слѣдующее за симъ (приведеннымъ въ началѣ нашего примѣчанія греческимъ текстомъ) мѣсто представляетъ въ подлинникѣ важныя затрудненія относительно смысла, происходящія по всей вѣроятности отъ вставки въ текстъ не относящихся къ нему словъ. Шлейермахеръ перевелъ его буквально, но непонятно и даже несогласно съ его очевиднымъ смысломъ». Затѣмъ слѣдуетъ переводъ. «Не то ли это, Кебетъ, сказалъ онъ, что овладѣвая вещью, вынуждаетъ ее имѣть не только свою собственную идею, но и идею чего-либо всегда чему-либо противоположнаго?—Какъ ты это говоришь?—А такъ какъ сейчасъ говорили; ты вѣдь знаешь конечно, что все, овладѣваемое идеею трехъ вынуждено быть не только тремя, но и нечетомъ?—Конечно — Ко всѣмъ стало быть подобнымъ вещамъ не подойдетъ идея, противная той формѣ, которая производитъ въ нихъ это качество.—Нѣтъ, не подойдетъ. — Здѣсь же производится оно вѣдь формою нечета.—Да.—Но вѣдь нечету противоположна идея чета?—Да.—Стало-быть къ тремъ никогда не подойдетъ идея чета?—Очевидно никогда.—Поэтому число три не имѣетъ ничего общаго съ идеей чета?—Ничего общаго.—Итакъ число три есть нечетное?—Да.—А я намѣренъ былъ опредѣлить, что такое, не будучи чему-либо противоположно, не принимаетъ однако его, подобно троицѣ, которая хотя и не противна чету, однакожь все таки не принимаетъ его (ибо всегда несетъ съ собою вѣчто противоположное чету), или подобно двоицѣ, не принимающей нечета, огню, не принимающему холода, и такъ далѣе. Посмотри же теперь, не опредѣлишь ли этого вотъ

какъ: «не только противоположное не принимаетъ своего противоположнаго, но и то, что вносить во все, во что ни входить, одну изъ противоположностей, само это, вносящее противоположность. отнюдь не принимаетъ противнаго вносимому имъ. Повторимъ еще разъ (ибо не худо и нѣсколько разъ выслушать): число пять не приметъ образа чета, а образа нечета не приметъ число десять, въ которомъ пять удвоенно. Да и само двойное, хотя противоположно не нечету, а иногда чему-нибудь, однакожь не приметъ образа нечета, равно не приметъ цѣлаго числа часть полуторная и ничто подобное, наприм., половина или треть и такъ далѣе. (Пропил. кн. V, стр. 63 и слѣд.).

70. * *Ἀμουσον* — немзыкальнымъ.

Ἀμουσος — a musica alienus, musicae imperitus, a musica vel poesi et in univ. a doctrina alienus, inelegans, turpis. (Lex. Ast), противоплагается понятію — *μουσικός*. Я перевелъ буквально — немзыкальный, желая избѣжать перифраза. (Точно такъ переводить и англійскій переводчикъ Платона Кэри — unmusical.) Но «немзыкальный» не нужно принимать въ нашемъ значеніи слова. Что разумѣли древніе греки подъ музыкой (*ἡ μουσική*), объ этомъ см. примѣч. 16.

71. *ὁ ἐκάστου δαίμων ὅσπερ ζῶντα εἰλήχει* — каждаго умершаго духъ-покровитель, на попеченіи котораго онъ находился въ теченіе земной жизни и проч.

Δαίμων — Даэмон, духъ-покровитель. У Гомера еще нѣтъ существеннаго различія между словами *δαίμων* и *θεός*. Только у Гезіода впервые являются демоны, какъ второй разрядъ существъ, стоящихъ выше человѣка. Въ *Opera et dd.* онъ говоритъ, что люди золотатаго вѣка, по окончаніи земной жизни, сдѣлались демонами, — благими, превышесемными существами, хранителями людей. Невидимо обтекая всю землю, они оберегаютъ права и собственность ихъ. Каждый человѣкъ получаетъ на все время земной жизни своего демона, который служить ему спутникомъ и руководителемъ, — представленіе, близко подходящее къ христіанскому ученію объ ангелахъ-хранителяхъ.

72. *ὡς ὁ Αἰσχύλου Τήλεφος* — Телефъ у Эсхила.

Τήλεφος — Телефъ, аркадянинъ сынъ Геракла и Авге,

дочери аркадскаго царя Элеоса. По приказанію царя, мальчикъ былъ брошенъ на парѳенійской горѣ (in monte parthenio) и вскормленъ ланью, откуда получилъ и имя Телефа. (отъ глаг. θηλάζειν — lactare и ἔλαφος — cervus). Когда онъ въ послѣдствіи времени является при дворѣ мизійскаго царя Тевтранта, то Авге, на которой этотъ послѣдній женился, сдѣлалась снова его матерью, а Тевтрантъ, который обходился съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ, сдѣлалъ его наслѣдникомъ мизійскаго престола. Трагедія Эсхила, о которой здѣсь упоминаетъ Платонъ, такъ же какъ и эврипидовская подъ тѣмъ же названіемъ, до насъ не дошли.

73. ὑπὸ τῶν περὶ γῆς εἰωθότων λέγειν—которые привыкли о ней разсуждать.

Трудно сказать, какую именно философскую школу разумѣетъ здѣсь Платонъ. Изслѣдованіемъ вопроса о видѣ и положеніи земли занимались многіе философы — Фалесъ, Анаксимандръ, Анаксагоръ, Пифагоръ и друг. Кажется однако, что здѣсь разумѣются пифагорейцы.

74. οὐχ ἡ Γλαύκου τέχνη γέ μοι δοκεῖ εἶναι — мнѣ кажется, не нужно искусства Главка.

Пословица, употреблявшаяся о дѣлѣ, не представляющемъ особенной трудности. Историческое происхожденіе ея объяснить довольно трудно, такъ какъ грамматики противорѣчатъ въ этомъ случаѣ другъ другу. Главкъ — полумиѳическое имя художника, въ дѣйствительности лица котораго сомнѣвались уже древніе. Одни комментаторы разумѣютъ подъ этимъ именемъ Главка изъ Хиоса, о которомъ упоминаетъ Геродотъ (1, 25) а другіе — соименнаго ему музыканта.

75. μέχρι Ἐρακλείων στηλῶν ἀπὸ Φάσιδος — отъ Фазиса до геркулесовыхъ столбовъ.

Рѣка, извѣстная подъ именемъ Фазиса въ позднѣйшія времена, есть безспорно нынѣшній Ріонъ; но Фазисъ Эсхила, по мнѣнію ученыхъ, нынѣшняя Кубань. Крайнюю противоположность ея отъ востока къ западу Европы составляютъ — Ἐρακλεῖοι στῆλαι — Геркулесовы столбы (гибралтарскій проливъ). По миѳическому преданію скалы, соединившія нѣкогда Африку

съ югомъ Испаніи, были раздвинуты Геркулесомъ, откуда и древнее названіе пролива.

76. πῶς με θάπτῃ—какъ меня похоронить.

Глаголь θάπτω употребляется какъ о погребеніи, такъ и сожженіи тѣлъ. Слѣдов. ближайшій смыслъ вопроса: желаетъ ли Сократъ, чтобы его тѣло предано было землѣ или сожжено? Но можно также разумѣть и объ обрядахъ погребенія, такъ какъ въ Афинахъ съ древнѣйшихъ временъ существовалъ обычай погребать.

77. τῷ Ἀσκληπιῷ ὁφείλομεν ἀλεκτρούνα - мы должны пѣтуха Асклепію.

Асклепій—богъ врачебной науки. Кромѣ козы, совы и змѣи, ему былъ посвященъ и пѣтухъ. По выздоровленіи отъ болѣзни ему обыкновенно приносили въ жертву пѣтуха. Сократъ просить друзей исполнить это послѣ его смерти, выражая этимъ взглядъ на земную жизнь, какъ на больше или меньше продолжительную болѣзнь, отъ которой излѣчиваетъ челоуѣка смерть. Последняя слѣдовательно, по взгляду Сократа, есть выздоровленіе, переходъ къ истинной, желанной жизни.

